

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка им. В.В. Виноградова

ФОНЕТИКА СЕГОДНЯ

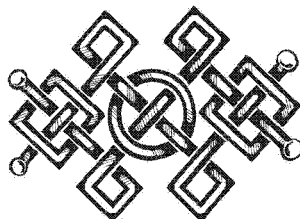
Материалы докладов и сообщений
V международной научной конференции
8-10 октября 2007 года

Москва 2007

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка им. В.В. Виноградова

ФОНЕТИКА СЕГОДНЯ

Материалы докладов и сообщений
V международной научной конференции
8-10 октября 2007 года

Москва 2007

Редакционная коллегия:
О.В. Антонова (секретарь), М.Л. Каленчук,
Р.Ф. Касаткина (отв. ред.), С. Оде, Д.М. Савинов

*Конференция проведена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект 07-04-14041г)
и Министерства образования и науки РФ в рамках
Федеральной целевой программы «Русский язык»
(2006-2010 годы) (госконтракт № 21)*

ISBN 5-88744-051-2

© Институт русского языка им.
В.В. Виноградова РАН, 2007
© Коллектив авторов

ЗАКОНОМЕРНОСТИ АКЦЕНТИРОВАНИЯ СОЧЕТАНИЙ ПРЕДЛОГОВ С СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

В современном русском литературном языке в некоторых случаях словесное ударение падает не на знаменательные слова, а на предлоги, при этом знаменательные слова становятся энклитиками. Среди таких слов много частотных существительных, таких как *вода, дом, город, голова, руки, ноги*. Для современного состояния нормы можно составить конечный список лексем, допускающих напредложное ударение наряду с ударением на знаменательном слове, а также перечень фразеологизмов, в которых ударение на предлоге обязательно.

Случаи переноса ударения на предлог отражены во множестве орфоэпических словарей. Уже в 1959 году словарь «Русское литературное произношение» под редакцией С.И. Ожегова и Р.И. Аванесова отмечает существительные, которые образуют подобные сочетания с предлогами, причем указаны семантические и контекстные условия переноса ударения. Также говорится о предпочтительности того или иного варианта места ударения (на предлоге или на существительном). Приводятся устаревшие и допустимые варианты. В последующих словарях проблема постановки ударения на предлог отражена еще более подробно. Так, в пятом издании орфоэпического словаря под редакцией Р.И. Аванесова анализируются уже не только потенциальные энклитомены, но и предлоги, которые могут становиться ударными. При каждом таком предлоге приводится список существительных, вступающих с ним в подобные сочетания.

Закономерности акцентирования сочетаний предлога с существительным в современной норме в настоящей работе изучались на материале живой звучащей речи, реализуемой в разных речевых ситуациях, а также анализировались аудиозаписи фонотеки отдела фонетики ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН.

В результате исследования удалось выявить ряд факторов, способных определять наличие/отсутствие ударения на пред-

логах в анализируемых сочетаниях. Один из важнейших – семантический: сочетание одного и того же существительного с одними и тем же предлогом может акцентуироваться по-разному в зависимости от значения в данном контексте. Например, носитель языка скажет: *задание на дом*, но *посмотреть на дом*, *поехать за город* и *битва за город* и др.

Рассмотренные сочетания «предлог+существительное» с потенциально возможными энклитоменами необходимо разделить на несколько групп. В первую очередь необходимо разграничить существительные, которые сохраняют способность становиться энклитиками, и существительные, которые эту способность в современной норме утрачивают, а также установить соотношение между сосуществующими вариантами акцентирования изучаемых сочетаний.

Результаты исследования позволили распределить сочетания существительных с предлогами, функционирующие в современной норме, по следующим группам:

1. Ударение на предлоге обязательно, в эту группу попадают в первую очередь фразеологизмы разных типов: *на дух* не переносить, *зуб на зуб* не попадает, *ему ... лет от роду*.

2. Ударение на предлоге невозможно: *на обед*, *по плечу*, *до мая* и др.

3. Фиксируются оба варианта места ударения, но соотношение между ними различно:

3.1. Напредложное ударение встречается чаще, чем ударение на существительном: *за день* и *за день*, *по носу* и *по носу*, *по полу* и *по полу*, *за борт* и *за борт* и др.

3.2. Равноправны оба варианта места ударения: *за голову* и *за голову*, *по морю* и *по морю* и др.

3.3. Насубстантивное ударение предпочтительнее, чем напредложное: *на лето* и *на лето*, *на небе* и *на небе*, *до крови* и *до крови* и др.

В целом в норме современного русского языка выражена тенденция к избавлению от напредложного ударения. Причиной этого, как показала Р.Ф.Касаткина, является стремление языка к отказу от исключений и подчинению всех сочетаний предлогов со знаменательными словами общему правилу безударного произношения предлогов. Поэтому в речи становится возможным безударное произношение предлогов в сочета-

нии почти со всеми старыми энклименами. И все же процесс еще далеко не завершен, поскольку даже в тех случаях, когда носители языка, говорящие на его литературном варианте, не употребляют в своей речи «старшие» формы с напредложным ударением, их языковая память хранит те лексемы, которые допускают перенос ударения на предлог.

А.Д. Андреева (Москва)

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗНОШЕНИЯ ЧАСТИЦЫ НЕ

Частица *не*, как известно, относится к числу простейших первообразных частиц, которая, однако, с точки зрения фонетики, отличается от многих слов своего класса. Эта частица в большинстве случаев не имеет своего ударения, но, примыкая к ударному слову в качестве проклитики, может сохранять на сегментном уровне в той или иной степени свою автономность.

Известно, что гласный в частице не может произноситься с обычной степенью редукции, что делает проклитику абсолютной ([н'и°] *з^наю*), а может не подвергаться качественной редукции ([н'э] *з^наю*), что делает её относительной. Целью настоящей работы было определение системы факторов, влияющих на произношение гласного в частице *не*.

Материал был получен в результате анализа больших массивов теле- и радиоречи разных жанров, а также материалов фонотеки отдела фонетики ИРЯ им. В.В.Виноградова РАН.

На распределение редуцированных/нередуцированных вариантов реализации гласной фонемы в частице не могут влиять следующие факторы.

1. Фонетические факторы:

Межслоговая ассимиляция гласных – говорящие в большинстве случаев произносили [н'и°] *в^нидите, вы [н'и°] д^нелаете*, но при тех же фразовых и семантических условиях достаточно частотно было произношение [н'э] *т^нолько, [н'э] н^надо никаких вопросов*.

Место по отношению к ударению – чем дальше от ударного слога, тем вероятнее произнесение нередуцированного гласного: [н'и°] *п^нмню, как она называется* и [н'э] *пр^ноизойд^нет*.

Наличие зияния. В частице резко возрастает количество нередуцированных реализаций конечной фонемы, если следующее слово начинается с гласного: *ужас* [н'э] *охватывает*?

2. Семантические факторы:

1. Частица не служит для выражения в предложении общего и частного отрицания.

Она является основным средством отрицания, но степень этого отрицания может быть различна. Частица может приобретать различные модальные или эмоционально-экспрессивные оттенки значения, зачастую утрачивая своё основное значение отрицания.

Как представляется, существует зависимость между редуцированным/нередуцированным произношением гласного в частице не и степенью выраженности отрицания. Как правило, чем категоричнее отрицание, тем чаще говорящий не редуцирует гласный.

1. Экспрессивное усиление отрицания при употреблении совместно с частицей отрицательных местоимений (*никто, нигде* etc.), оборотов с частицей *ни* (*ни капли, ни чуточки* etc): *Тогда ничего* [н'э] *мешает человеку*.

2. Степень отрицания возрастает в сочетаниях *вовсе не, далеко не* и т.д., что проявляется в увеличении количества нередуцированных вариантов: (*он вовсе* [н'э] *так умен*).

3. Некоторые конструкции с частицей не образуют идиоматическое сочетание.оборот воспринимается как единое целое, отрицательное значение частицы ослабляется, что вызывает редуцированное произношение гласного в ней.

3.1. Две одинаковые формы одного и того же слова могут выражать:

- а) неуверенное отрицание: *Полянка* – [н'и^э] *поля́нка*;
- б) неопределенность, неясность признака: *едет* – [н'и^э] *éдет*;
- в) безразличие для последующего: *плачь* [н'и^э] *плачь*.

3.2. Частица не соединяет инфинитив и личную форму одного глагола: *знать* [н'и^э] *зна́ю*.

3.3. Частица соединяет две одинаковые формы однокоренных глаголов: *таскать* [н'и^э] *перетаскать*.

4. В конструкциях, имеющих положительную коннотацию, употребление частицы не носит экспрессивный характер, а не информативный; не чаще произносится говорящим без редукции:

4.1. В сочетании с *как* (*как же, да как* etc.): *Кто как* [н'э] *ты, проработав...*

4.2. Конструкции с двойным отрицанием выражают энергичное утверждение: [н'э] *могу* [н'э] *сказать*.

При простом отрицании частица может произноситься как с редукцией, так и без неё. Но преобладающим всё-таки является нередуцированный вариант.

При просодическом подчеркивании частицы *не* или всего фонетического слова, к которому она относится, гласный в частице может произноситься и редуцированно, и нередуцированно при статистическом преобладании последнего варианта.

Частица *не* стремится к грамматической и лексической самостоятельности. Это соответствует современным тенденциям к увеличению числа служебных частей речи с таким фонетическим оформлением, которое свойственно полнозначным самостоятельным словам.

О.В. Антонова (Москва)

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ИНИЦИАЛЬНОЙ ФОНЕМЫ /J/ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

Настоящая работа посвящена описанию поведения в русском литературном языке инициального йота в особой позиции – перед [и] в формах местоимений *их, им, ими*. На рубеже XIX – XX вв. в этих формах нормативным считалось произношение с предшествующим йотом: *йимъ, йихъ, йими* [Востоков 1859: 237], [Грот 1876: 131], [Чернышев 1915: 21], [Кошутин 1919: 25] и др. Из анализа названных источников очевидно, что произношение [j] в других словах перед начальным [и] не считалось нормативным. Однако одновременно существовало и другое мнение. В.А. Богородицкий в своем «Курсе грамматики русского языка» полемизирует с А.Х. Востоковым: «Действительно ли: «буква **и**

¹ Работа выполнена при поддержке ОИФН РАН грант «Традиции и новаторство в культуре русской звучащей речи» и РГНФ: грант № 07-04-00243а «Активные процессы в современной русской фонетике: система и подсистемы».

только в местоимениях *им, их, ими* и после *ь*, напр. *чьи, статьи*, произносится двоегласно: *йимъ, йихъ, йими, статьии*; во всех других случаях чисто?» [Богородицкий 1887: 33] и приводит транскрипции: *ййаему* (и ему); *ййспъдвълъ* (исподоволь) и мн. др. [Богородицкий 1887: 33, 107, 168] (примеры с начальным [й] без предшествующего [й] не зафиксированы). Еще более категорично высказывался Р. Ф. Брандт, утверждавший: «Слова <...> не начинаются со звука и: перед зачинным и слышится всегда легкий йот, напр. ййва. [Брандт 1892: 14]. Вторая точка зрения не снижала популярности у лингвистов последующих поколений, в то время как первая нашла поддержку, например в работах М. В. Панова, ср. [Панов 2002: 105-106]. Но дополнительный анализ упомянутых и некоторых других источников не позволяет ни принять, ни категорически отклонить точку зрения А. Х. Востокова и Р. Ф. Брандта. Очевидно, что описываемое явление – часть общего для литературного языка и большинства русских диалектов и идущего с разной скоростью процесса выпадения йота в инициальной позиции перед гласными.

Разнообразие факторов, в зависимости от которых на месте *е, ё, ю, я* фонема < j > в современном русском литературном языке реализуется вариантно (нулем звука или [й], [й̞]) [Касаткин: в печати], свидетельствует о том, что это активный фонетический процесс, начало которого фиксировалось лингвистами еще на рубеже XIX – XX вв., а результатом становится увеличение числа позиций, в которых выпадение йота становится все более вероятно.

В согласии с этим процессом развивалась и фонетическая судьба местоимений *их, им, ими*. «И в алой, и в оранжевой системе [й] не произносится в начале слова перед [и] ударным. Говорят: *им, их, ими* – с начальным [и]» [Панов 2002: 30]. Любопытно также, что в лекции Д. Н. Ушакова о коренном московском произношении и в рассказе «Дачники» не зафиксировано ни одного примера с *й* или [й̞] перед [и] как в формах местоимений, напр.: [и̞х]сѣла, [и̞х]редукция, йпавбрал (*их побрал*) и т.д.; так и в прочих случаях, напр.: [и̞]скажѣются, [и̞]сторически, [и̞]зложѣния, [и̞]сходѣть, [и̞]менно, и пр. И это несмотря на то, что Д. Н. Ушаков — представитель желтой (в терминологии М. В. Панова речь младшего поколения середины XIX – начала XX вв.) произносительной системы.

Наблюдения над речью современных молодых москвичей подтверждают все вышесказанное. Группе информантов (12 испытуемых, все коренные москвичи) было предложено прочесть отрывки из художественных текстов, насыщенные местоимениями в интересующей нас форме. Анализ звучащего материала показал, что только в речи двух информантов непоследовательно в сильной фразовой позиции (только в том случае, если местоимение было выделено акцентом) встречались эти формы с предшествующим йотом, напр.: *я ненавижу* [jʲ]х, *она восхищалась* [jʲ]йм, [jʲ]их слова, [jʲ]ими созданные; однако без акцента *j* мог и отсутствовать (это было выяснено при повторном чтении текста тем же информантом): [и]х слова, [и]ми созданные.

Итак, начальная фонема /j/ в формах местоимений *их*, *им*, *ими* в конце XIX – начале XX вв. нормативно реализовывавшаяся как [j] ([jʲ]), в настоящее время реализуется нулем звука. Причем возможно, что и в указанный период нуль в этой позиции также встречался чаще, чем это отмечено исследователями (ср. произношение Д.Н. Ушакова, В.Н. Пашенной).

Также очевидно, что фонетическая судьба местоимений *их*, *им*, *ими* складывалась полностью в соответствии с процессом расшатывания инициальной позиции йота перед гласными в целом. Постепенная утрата йота в этих формах, очевидно, берет начало в существенно более раннем времени, чем это отмечалось исследователями, однако в сознании говорящих йот, вероятно, долгое время инерционно осознавался как необходимый, т. к. очевидна была этимологическая связь с другими формами местоимений, в которых позиция йота по-прежнему прочна. Возникает, однако, вопрос, почему в позиции перед [и] в формах местоимений процесс выпадения йота протекал быстрее, чем в словах в позициях перед другими гласными, в таких словах, как напр.: *естественный* и даже *едá*. Представляется, что ответить можно так: на примере других, более изученных моделей (например, разрушение позиционной мягкости согласных в XX в.) известно, что подобные процессы идут с большей скоростью в частотных словах, а именно местоимения наиболее частотны в обычной разговорной речи.

В настоящее время произношение [j]им, [j]их, [j]ими для современного литературного языка следует признать архаичным.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВОСПРИЯТИЯ ЗВУКОВ НА МЕСТЕ ФОНЕМЫ /j/ В ПОЗИЦИИ ПОСЛЕ ГЛАСНОГО В КОНЦЕ СЛОВА

Фонема /j/ в современном русском литературном языке может реализоваться различными способами; основные ее реализации описаны в работах Р.И. Аванесова, М.В. Панова, Л.Л. Касаткина. Существуют позиции, в которых возможна вариативность реализации фонемы /j/.

Мнения исследователей о реализации фонемы /j/ не всегда совпадают. Например, это касается позиции конца слова после гласного (в таких словах как *ста́рый, си́ний, ли́сий* и т.д.). Так, Л.В. Щерба считает, что в этой позиции [й] не произносится; Р. Кошутич пишет, что [й] слышен, но очень слабо; Р.И. Аванесов полагает, что здесь произносится [й]; а М.В. Панов считает, что в этой позиции [й] не произносится, но при этом слоговая интонация закрытого слога сигнализирует о нём.

В связи с этим было принято решение провести эксперимент по восприятию звуков на месте фонемы /j/ носителями русского литературного языка в позиции после гласного в конце слова.

Было подобрано 25 минимальных пар слов, различающихся наличием или отсутствием фонемы /j/, местом ударения, количеством слогов и частотой употребления. Все примеры делились на две группы:

1. фонема /j/ после [и]: *апте́карей* и *апте́кари*, *Ва́ней* и *Ва́ни*, *де́ятелей* и *де́ятели*, *пельме́ней* и *пельме́ни*, *преподава́телей* и *преподава́тели*, *роди́телей* и *роди́тели*, *то́карей* и *то́кари*, *бу́дний* и *бу́дни*, *ве́щий* и *ве́щи*, *круглоще́кий* и *круглоще́ки*, *оди́нокий* и *оди́ноки*, *Пи́й* и *пи*, *пла́вкий* и *пла́вки*, *ра́дий* и *ра́ди*, *ре́зкий* и *ре́зки*;

2. фонема /j/ после [ы]: *измя́тый* и *из мя́ты*, *косола́тый* и *косола́пы*, *отра́дный* и *отра́дны*, *пра́вый* и *пра́вы*, *привлека́тельный* и *привлека́тельны*, *ре́дкостный* и *ре́дкостны*, *со́тый* и *со́ты*, *хи́лый* и *хи́лы*, *Ма́шей* и *Ма́ши*, *схо́жий* и *схо́жи*.

Все примеры были включены в специально составленные предложения, где исследуемые слова стояли как в сильной

фразовой позиции, так и в слабой. Например, слово *отра́дный* в сильной фразовой позиции: *Мы переехали в поселок От-ра́дный;* в слабой фразовой позиции: *Он совершил отра́дный прорыв.* Слово *отра́дны* в сильной фразовой позиции: *Эти показатели развития города Камык отра́дны;* в слабой фразовой позиции: *Её слова отра́дны сердцу.* Эти предложения были произнесены диктором и записаны на жесткий диск компьютера. С помощью компьютерной программы Sound Forge исследуемые слова были вырезаны из контекстов и переписаны в случайном порядке на цифровой носитель. Каждый пример повторялся три раза.

Анкеты с примерами были розданы аудиторам: 10 специалистам-фонетистам и 10 другим носителям русского литературного языка. Примеры были прослушаны аудиторам, которые должны были на слух определить, какое именно слово было произнесено – с [и́] или без него. У них также была возможность ответить «не могу определить». С целью получения статистически достоверных результатов эксперимент был проведен во второй раз через несколько дней с теми же аудиторами. Результаты первого и повторного экспериментов были обработаны совместно.

Эксперимент позволил выявить определенную закономерность:

1. Аудиторы точнее определяли слово, находящееся в сильной фразовой позиции и чаще ошибались, если слово находилось в слабой фразовой позиции. Так, при прослушивании слова: *бу́дный*, стоящего в сильной фразовой позиции, 60% аудиторов решило, что было произнесено слово *бу́дни*, а 35% аудиторов определило слово как *будни*. Прослушав слово *измя́тый*, 65% аудиторов решило, что пример был произнесен с [и́], а 35% аудиторов определило произнесенное слово как *из мяты*. В слабой фразовой позиции процентное соотношение заметно меняется: только 15% аудиторов смогли правильно определить, что диктор произнес *бу́дный* и 45% аудиторов верно определило, что диктор произнес *измя́тый*. Таким образом, статистический анализ данных показывает, что слабая фразовая позиция оказывала большое влияние на восприятие аудиторами произнесенных диктором слов.

2. Аудиторы меньше ошибались в определении слов, в которых [и] стоит после [ы], и чаще ошибались в определении слов, в которых [и] стоит после [и]. Так, в сильной фразовой позиции наибольший процент узнаваемости [и] после [ы] обнаружился в слове *отрадный* – 75%, а после [и] в слове *вещий* – 55%. Наименьший процент узнаваемости [и] после [ы] в слове *измятый* – 65%, а после [и] – *одинокий* – 45%.

3. Экспериментальное исследование также показало, что аудиторы практически безошибочно определяли произнесенные без [и] слова. Большинство ошибок было в определении слов с [и].

Ю.М. Ашинская (Москва)

ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ МЕСТА УДАРЕНИЯ В ГЛАГОЛЬНЫХ СЛОВОФОРМАХ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

Динамический характер развития языковой системы приводит к изменениям, которые могут быть незаметны носителям языка, но фиксация которых необходима для выявления факторов, приводящих к этим изменениям. На изменение места ударения в современном русском языке влияет несколько тенденций. Одной из них является тенденция к перемещению ударения на корневой слог в глагольных словоформах (по выражению Т.М.Николаевой, это «семантизация» ударения²). Другой – тенденция к выравниванию ударения во всех формах слова. С целью выявления этих тенденций было проведено исследование речи молодого поколения москвичей. Исследование проводилось в форме опроса. Главным инструментом опроса служил опросный лист.

Ярче всего эти тенденции можно было проследить на примере глагольных форм прошедшего времени. Материал для исследования состоял из 42 предложений, в которые были включены словоформы глаголов прошедшего времени. Сведения, полученные в результате опроса, были обработаны на

² Т.М.Николаева. Грубая ошибка или назойливая тенденция? // Сборник к 70-летию Л.П.Крысина. М., 2007.

компьютере с помощью статистической программы «Дасистема 4.0». Число опрошенных, ответы которых использовались при выведении результатов, составило 101 человек.

Так, варьирование места ударения распространяется на небольшую группу глаголов с односложной основой и подвижным ударением (*брать, быть, гнать, врать, гнить, дать, лить, пить* и др.). Проблему варьирования ударений в этих глаголах можно разделить на 2 части – ударение у непроизводных глаголов и ударение в префиксальных формах этих глаголов.

В формах прошедшего времени непроизводных глаголов можно наблюдать 2 типа варьирования ударений – сдвиг ударения происходит в формах женского рода с окончания на корень (*ткать – ткал – тка́ла* и младш. *тка́ла*; *вить – вил – ви́ла* и младш. *ви́ла* и др.), а в формах среднего рода – перенос ударения с корня на окончание (*лгать – лгал – лга́ло* и младш. *лга́ло*; *плыть – плыл – плы́ло* и младш. *плы́ло* и др.).

Сдвиги ударения в префиксальных формах этих глаголов отражают тенденцию к передвижению акцента на корневую морфему. Так, в словоформах *продал, обнял, прожил*, по данным проведенного эксперимента, существует сильное варьирование между приставочным и накоренным ударением, словоформы *на́нял, при́няли, про́кляли* достаточно устойчиво удерживают ударение на приставке, а глаголы с корнем *ли-* (*обли́ло, поли́ло*) в основном произносятся с накоренным ударением. В этой группе глаголов также действует тенденция к переносу ударения с флексии на корень в формах женского рода (*избра́ла, воззва́ла, прогна́ла*). В формах среднего рода (*отдало́, ожилó, началó* и др.). также можно проследить тенденцию к акцентному сдвигу с предлога (корня) на флексию.

Аналогичному воздействию этой тенденции подвергаются глаголы и в формах множественного числа (например, *кля́ли, приня́ли*). Однако процесс акцентологического сдвига с корня (префикса) на окончание в этих формах выражен не так ярко. Это можно объяснить проявлением грамматической функции ударения – формы единственного числа начинают противопоставляться формам множественного.

Тенденция к перемещению ударения на корневую морфему не ограничивается только сдвигом акцента с приставки на корень. В возвратных глаголах акцентный сдвиг на корень

происходит с постфикса -ся (*лился* и *ли́лся*, *взялся* и *взя́лся*). В большинстве словарей формы с ударением на постфиксе в прошедшем времени единственного числа мужского рода уже признаются устаревшими (за исключением лексем с корнем -ня- (*принялся*, *обнялся*) и слова *начался*). Современные словари также признают допустимыми корневые ударения в формах среднего рода и множественного числа (*брало́сь*, *брали́сь* и старш. *бра́лось*, *бра́лись*; *дало́сь*, *дали́сь* и старш. *да́лось*, *да́лись*). Тенденция к корневому ударению проявляется и в женском роде (*дала́сь* и младш. *да́лась*).

Таким образом, тенденция к перемещению ударения на корень поддерживается акцентными сдвигами у приставочных непродуктивных глаголов с приставки на корень в единственном числе мужского, среднего рода и во множественном числе, в формах соответствующих возвратных глаголов, а также в формах женского рода. Тенденция к выравниванию парадигмы поддерживается перемещением ударения на окончание в формах среднего рода и множественного числа глаголов прошедшего времени.

Е.Л. Бархударова (Москва)

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СИСТЕМЫ РУССКОГО КОНСОНАНТИЗМА В СВЕТЕ РАБОТЫ НАД ПРОИЗНОШЕНИЕМ В ИНОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ

В рамках типологического анализа звукового строя языка в качестве наиболее важных обычно выделяются три направления. Первое из них связано с разграничением универсальных, типологических и специфических черт фонетической системы [Зубкова 1990]. Изучение русского консонантизма в русле этого направления имеет давнюю традицию. В практических курсах русской фонетики наименее представленным является аспект позиционного варьирования звуковых единиц.

Рассматривая систему русского консонантизма на фоне иноязычных систем, К.В. Горшкова указывала, что варьирование по месту и способу образования является универсальной чертой,

характеризующей любой язык, а варьирование по глухости-звонкости и твердости-мягкости следует отнести к типологическим чертам русского языка. Конкретизируя это положение, необходимо отметить, что позиционная мена звуков по месту и способу образования затрагивает, прежде всего, систему русских шумных согласных, тогда как в большинстве языков в звуковые чередования по указанным признакам вступают сонорные.

В интерферированной русской речи иностранцев это проявляется в одинаковом произношении фонетических слов *сом бы* и *сон бы* (**so*[m] *бы*), произношении заднеязычного носового [ŋ] перед [к], [г] (*су*[ŋ]*ка* вместо *су*[m]*ка*), появлении палатального [ʎ] перед [ч'] ([ш':]) (*ма*[ʎ]*чик* вместо *ма*[л']*чик*) и других отклонениях. Отсутствие нейтрализаций сонорных по месту и способу образования обуславливает типологическое своеобразие русской фонетической системы.

Следует также иметь в виду, что в ходе освоения неродного языка универсальные фонетические закономерности далеко не всегда являются определяющими. Дело в том, что в иноязычных системах нередко нет тех сочетаний шумных согласных, в которых в русском языке имеет место обязательное варьирование по месту и способу образования. В этом случае иностранные учащиеся обычно опираются на буквенные обозначения, стараясь произнести так, как написано. В результате в таких словах, как *сшить, приезжий, лётчик, переводчик, отсадить* и многих других, консонантные сочетания произносятся неправильно.

Второе направление типологического анализа звукового строя языка связано с изучением соотношения вокализма и консонантизма. Доминация консонантизма в русском языке проявляется в количественном соответствии согласных и гласных, позиционной зависимости гласных от согласных, особенностях функционирования сонорных.

С соблюдением принципа градации сонорности в русском слоге сопряжены возникновение слоговых сонорных, появление гласных вставок перед сонорными и их оглушение. В связи с этим звуковой облик и ритмическая структура фонетического слова приобретают вариативный характер: *смысл* [смь'съл] и [смы'сд], *Кремль* [кр'эмъл'] и [кр'эмд'], *смотр* [смóтър] и [смотр].

Сказанное необходимо учитывать в процессе обучения произношению носителей разных языков, прежде всего – слоговых и неслоговых с чертами силлабизма (вьетнамского, китайского, корейского и других). Обычно они воспринимают русскую звучащую речь «сквозь призму» слоговой структуры родного языка и соответственно «слышат» гласные вставки там, где их нет. В подобных случаях важно обозначить позиции, в которых появление гласных вставок возможно, но не обязательно.

Предложенное М.В. Пановым разделение языков на преимущественно парадигматические и преимущественно синтагматические определяет третье направление типологического описания фонетической системы [Панов 1977]. В языках со звуковым строем преимущественно парадигматического характера позиционная мена звуков часто связана с нейтрализацией. Это отличает систему русского консонантизма от большинства иноязычных систем, которые могут быть охарактеризованы как преимущественно синтагматические. Данная особенность звукового строя русского языка определяет ярко выраженную фонетическую вариативность, которая накладывает ограничения на орфоэпическую (подробнее см. [Горшкова 1980]). В иноязычных системах проблема орфоэпической нормы обычно не имеет большой остроты, что необходимо учесть в процессе обучения русскому произношению.

Наличие звуковых чередований, приводящих к нейтрализации, обуславливает частотность омофонов: *столп* и *столб* [столп], *кот* и *код* [кот], *дуг* и *дуг* [дуг], *колоться* и *колодца* [калѡцѣ]. Знакомство с явлением омофонии значительно облегчает освоение фонетических закономерностей русского языка в иноязычной аудитории. Таким образом, результаты типологического анализа системы русского консонантизма в обозначенных направлениях могут быть использованы в ходе создания и совершенствования практических курсов русской фонетики.

ЛИТЕРАТУРА

- Горшкова К.В. О фонеме в языке и речи // *Slavia orientalis*. Warszawa, 1980. – DXXIX. – N 1/2. – С.79–83.
- Зубкова Л.Г. Фонологическая типология слова. М., 1990.
- Панов М.В. О двух типах фонетических систем // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977. С. 14–24.

СЦЕНИЧЕСКАЯ РЕЧЬ КАК ПОДСИСТЕМА ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ

Сценическая речь как произносительная подсистема обладает функциональными, стилистическими и произносительными особенностями. Среди последних можно отметить следующие.

1. В сценической речи существует специфическое распределение произносительных вариантов: одни создают нейтральный произносительный фон, другие используются в качестве средства актерской игры (Р.И. Аванесов, М.В. Панов, С.М. Кузьмина и др.).

Нейтральный произносительный фон создают фонетические и живые традиционные орфоэпические нормы полного стиля.

К средствам актерской игры относятся устаревшие орфоэпические нормы, диалектная, разговорная и просторечная фонетика.

2. В сценической речи существуют особенности позиционного распределения аллофонов некоторых фонем.

2.1. Р.И. Лихтман, проанализировав записи театральной речи 6 актеров второй половины XX века, пришла к выводу, что «для сценической речи характерна особая реализация фонемы <а> [после мягких согласных – С.Б.]: в отличие от <о> и <е> 1) она почти не реализуется в звуке [е], 2) в качестве ее варианта иногда может выступать звук [а].» Анализ речи артистов Малого театра первой половины XX века говорит о том, что такими же позиционными особенностями фонема <а> отличалась и тогда. Таким образом, на всем протяжении XX века эканье сценической речи отличалось от общелитературного: в театральной речи эканье представляло собой систему, в которой совпадают только две фонемы – <о> и <э> (Р.И. Лихтман), т.е. из системы выпадала фонема <а>, реализовавшаяся преимущественно звуком [и] и нелитературным вариантом [а].

2.2. Сценическая речь отличается нарушением позиционного распределения вариантов фонемы <ж>: в условиях усиленного артикулирования и повышенной отчетливости произношения звук [и]-неслоговой может усиливаться до [j] практически в любой фонетической позиции. Таково было произ-

ношение актеров Малого театра в первой половине XX века. Эта особенность также носит, по-видимому, не частный, а общий характер: она отмечалась исследователями и во второй половине XX в. Так, о приоритете [j] над [и]-неслоговым перед безударным гласным в речи актеров Камерного театра писала Н.Е. Ильина.

2.3. Особенностью сценической речи является и нарушение соответствия фонетической структуры слова и позиции слова во фразе: чтобы сделать заметней характерологическую черту, актер произносит слово в сильной фразовой позиции, в том числе и деформированное. «Получается произношение, возможное только в театре: все сугубо разговорные фонетические деформации, которые характерны разговорной речи для слов, акцентно не выделенных, в сценической речи могут принадлежать словам, на которых находится синтагматическое или полное словесное ударение» (Н.Н. Розанова).

3. Анализ сценической речи артистов Малого театра первой половины XX века показал, что театральная речь может отличаться от литературной и ходом изменения орфоэпических норм. Такое расхождение зафиксировано в последовательностях по степени устойчивости ассимилятивного смягчения согласного *p*, построенных для общелитературного произношения (по данным фонетической литературы XX века) и для сценической речи (по данным произношения В.Н. Рыжовой, А.А. Остужева, П.М. Садовского, Е.Н. Гоголевой):

А) в общелитературном произношении (степень устойчивости смягчения убывает сверху вниз):

а) *p* + мягкий переднеязычный

б) *p* + мягкий губной

в) *p* + мягкий заднеязычный

Б) в сценическом произношении:

а) *p* + мягкий заднеязычный и переднеязычный

б) *p* + мягкий губной

в) *p* + мягкий зубной.

ФОНЕТИЧЕСКАЯ И ИНТОНАЦИОННАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В УСЛОВИЯХ РУССКО-ЧУВАШСКОГО БИЛИНГВИЗМА

Потребность сравнивать родной язык с изучаемым изначально присуща сознанию человека. А.А. Реформатский считал, что мнимое тождество первичного, родного, и вторичного языков ведет к длительному и устойчивому сохранению интерференции.

Фонетический аспект звучащей речи билингва ярко отражает процесс и результат взаимодействия языковых систем контактирующих языков. Исследование признаков фонетической интерференции и ее влияния на качество неродной речи билингва представляет теоретический и практический интерес.

У. Вайнрайх понимает под фонетической интерференцией не только нарушения реализации фонем, но и разрушения их позиций. Он с фонологической точки зрения выделяет четыре типа интерференции.

Под интонационной интерференцией предлагается понимать взаимодействие интонационных систем в речи билингва ситуации естественного или искусственного языкового контакта, проявляющегося в модификациях интонационных единиц и интонационных средств выражения, включающих мелодические, акцентуационные, ритмические, темпоральные и другие изменения в звучащем тексте /высказывании/.

Недифференциация фонем и интоном, которая происходит, когда смешиваются такие два звука или интономы вторичной системы, соответствия которым в первичной системе не наблюдается: так в чувашском языке это явление объясняется «недостаточным репертуаром» на определенном участке фонологической системы, ср.: «пример – примерь» → чув. *приме*[p]; *Козловка* – *кузовка* → чув. *К*[y]ловка.

Он пошел в кино¹. – Он пошел в кино³? – чув. Он пошел в кино⁴.

Сверхдифференциация, при которой на звуки вторичной системы накладываются фонологические различия первичной системы, где их не должно быть. Сверхдифференциация на уровне фонем выражена в геминии согласных, присущей чувашскому языку в отличие от русского, ср.: лавка → чув. лавкка. Сверхдифференциация на уровне интоном не обнаружена.

Реинтерпетация различий наблюдается в тех случаях, когда двуязычный индивид различает фонемы и интономы вторичной системы по тем признакам, которые являются для нее лишь сопутствующими или избыточными, тогда как для его первичной системы они релевантны. Происходит переразложение фонем и интоном вторичной системы на отдельные фонемы в первичной, ср.: океан → чув. оке[йа]н.

³ Ты ме чешься, ¹ ты м у чишься, ³ грусти шь...

Субституция звуков в узком смысле происходит с теми фонемами и интонами, которые в обоих языках определяются одинаково, но в их нормальном произношении существуют различия. Происходит отождествление достаточно близких, но не одинаковых фонем и интоном. Ср.: тащить → чув. та[ш]ить.

⁵ Как О ² й сегодня день! Как О ⁵ й сегодня день? → чув. – Как О ² й сегодня де нь!?

Д.Д. Беляев (Тула)

ПРОЦЕДУРА ФОНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ДЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Фонологический анализ, производимый слушающим, проходит следующие этапы:

1. Анализ фонетической позиции аллофона (материального или нулевого).

2. В дифференцирующей позиции – прямой переход к фонеме; в нейтрализующей – формирование поля нейтрализации.

3. Максимально возможное сужение поля нейтрализации.

Основной способ сужения поля нейтрализации – проверка. 4 типа проверки различаются силой грамматических связей между проверяемым и проверочным словом:

Типы проверки Морфемы	ПР-1 Формы того же слова	ПР-2 Произво- дящие слова	ПР-3 Прочие одно- коренные слова	ПР-4 Слова с дру- гим корнем
Корни	+	+	+	–
Аффиксы в основе	+	+	+	+
Аффиксы вне основы	–	+	+	+

В словах с ударным префиксом **вы-** прежде всего необходимо удалить (ПР-2) или заменить (ПР-3) его. Это позволяет легко проверить гласный звук [Г] в любой морфеме:

[вы н'ис] – [н' ос], [вы н'ис'ит] – [н'ис' от], [вы н'ис'ин] – [н'ис' он] <о>.

В прочих случаях для корней и частично аффиксов в составе основы максимально надёжны ПР-1, затем ПР-2; лишь в последнюю очередь применяется ПР-3. Такая приоритетность нередко позволяет избежать противоречивых проверок:

ПР-1: [с'ид лó] <а·о·э·и> – [с' од лъ] <о>;

ПР-2: [вз рас(о)но́] <о·т> – [во́з рьст] <т>; [зъ им а́дáv'иц] <а·о·э·и> – [за j ом] <о>.

Отождествление проверяемой морфемы требует обязательного учёта формы и семантики. Наличие **полиформии** (исторических чередований) может повлечь за собой абсолютный запрет на проверку одного варианта морфемы другим. Например, для корней:

1) полногласные / неполногласные сочетания [у кьрат'ит' : сь крат'ит'] и др.;

2) наличие / отсутствие конечной носовой фонемы [по м'ин áт' : пь м'и нут'] и др.;

3) формы повел. накл. с конечной фонемой <j> [из б'и́j зн'и́j : изб' иj] и др.;

4) сочетание с суффиксом несов. вида [сь скач'ит' : са ска́к' ивьт'] и др.

При подборе проверочных слов необходимо учитывать возможность **омофонии** ([с'ид' ът'] : [с'ид' ът']) и особенно **паронимии** морфем:

[мак' а́т'] «воздействие предмета на жидкость» : [пръ ма́к а́т'] «воздействие жидкости на предмет»; [равн' а́т'] «одинаковый» : [равн' а́т'] «прямой»;

[пръ скач' ъ́] «периодическое направленное движение» : [пръ скач' ъ́] «однократное ненаправленное движение»; [ач' ш'ип'и́т'] «разделять» : [ач' ш'ип'и́т'] «сдавливать»;

[нъ в'ис а́т'] «находиться в состоянии» : [нъ в'ис но́] «изменять состояние объекта»;

[ста́] ъ́ «находиться в состоянии» : [ф ста́] ъ́ «изменять своё состояние».

Для большинства аффиксов наиболее эффективна ПР-4. Здесь также возможна как омофония ([пръ' изво́л] : [пръ' изы́к]), так и паронимия, в т. ч. осложняемая полисемией: [пр'и́ твар'и́т'] (дверь) «неполнота» – ПР-4: [пр'и́ звук] <и>; [пр'и́ твар'и́т'] (план) «переход» – ПР-4: [пр'и́ дъ́н] (кем) <э>.

Согласные звуки, в отличие от гласных, проверяются не целиком. Сильная позиция необходима только для проверяемого признака (признаков). Поэтому возможна **косвенная** проверка: проверочный звук не соответствует полю нейтрализации, но сужает его и способен фонетически чередоваться с проверяемым аллофоном:

[ч' ъ́т' #] <т'д'> – ПР-3: [ч' ъ́т' ъ́ч'ку] (глухой, возможно [т||т']) <т'>;

[тк а́ц (е)к'и́] <ц'т'д'> – ПР-2: [тк а́ц'] (глухой слитный, возможно [ц||ч']) <ц>.

При отсутствии или избытке проверочных слов проверка не действует. Но для определения согласных фонем имеется ещё один способ – применение **презумпций**.

Для фонетических нулей это **презумпция простоты**: «Если не доказано однозначно наличие фонемы, то она отсутствует». Например: [кóс(ə)н ъ́с'т'] <ə'т>, [ка́к' и́(ə)и] <ə'j> – проверок нет; [рас(ə)ла́] <ə'т> – ПР-1: [рóс_] / [рает'ъ] ⇒ везде <ə>.

Для согласных звуков – **презумпция исходного признака**: «Если не доказано наличие у фонемы вторичного признака, то она обладает признаком исходным». Исходными являются признаки, преобразуемые в ходе несимметричных фонетических процессов.

Регрессивные ассимиляции (кроме звонкости / глухости)
твёрдость → мягкость; зубность → передненёбность;
взрывность → слитность:

[к^аз'н'] <з'з> ⇒ <з>; [вы^{иш} шыј] <ш·ж·с·з> – [выс' óк' иј] / {вы^{иш} ы} ⇒ <с>;

[л' óч' ч'ик] <ч'ц·т·д·т'·д'> – [л'ит' át'] / {л'ит' э́т'} / {л'ич' ү́} ⇒ <т>.

Прогрессивная ассимиляция

[ч' → ш']: [вош' ш'ик] <ш'·ч'> – [л' óч' ч'ик] / {абуф ш'ик} ⇒ <ч'>.

Некоторые поля нейтрализации не поддаются сужению или сужаются лишь частично:

1) Неполная проверка: [гр^ьмаз'д'йт'] <а·о·э·и>, <з'·с'·з·с> – ПР-3: [грам^бз'д'к], <а·о>, <з·с>;

2) Неполная презумпция: [з'д' э́с'] <с'·з'·с·з> ⇒ <с·з>; [л^учш ыи] <ц'·т·д> ⇒ <т·д>.

3) Избыточная проверка: [л'ита́(ј)им] <о·э·и> – ПР-4: [ид' óм] / [с'ид' ýм], <о·и>.

В этих случаях конечная цель деятельности слушающего не достигнута и проблематичный аллофон реализует **гиперфонему** (недостаточную / избыточную), которая при смене коммуникативной роли закрепляется в составе данной морфемы и для говорящего.

Н.В. Богданова (Санкт-Петербург)

АЛЛЕГРОВЫЕ ФОРМЫ РУССКОЙ РЕЧИ КАК ИСТОЧНИК ПОПОЛНЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЛЕКСИКОНА

Давно замечено, что «частота повторения одного слова (разрядка автора – Н.Б.) благоприятствует его изменению и сокращению»³. И в современной русской речи существует достаточно большое количество слов, которые устойчиво

³ См.: И.А. Бодуэн де Куртенэ. «Фонетические законы» // И.А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию, т. II. М., 1963. С. 205.

подвергаются сильной редукции и функционируют преимущественно не в своих «идеальных» фонетических обликах, а в редуцированных вариантах, иногда даже более распространенных и узнаваемых, чем «идеальные», «словарные»⁴. К подобным явлениям «неканоничной» фонетики могут быть отнесены междометия и восклицания как «особые ингредиенты речи»⁵, звукоподражания⁶, «звуковые жесты» и «ономатопеические слова»⁷, а также усеченные формы сверхчастотных слов типа [š:’ás] – *сейчас*, [týš:’ъ] – *тысяча*, [zdrás’t’ъ] – *здравствуйте*, [g(ъ)r’ít] – *говорит* и т. п., которые А.А. Реформатский назвал «allegro-выми остатками», своеобразным «минимумом разговорной речи»⁸. Все эти лексические единицы относятся к так называемому «сверхядру» современной лексической системы и представляют интерес для исследователей в самых разных аспектах.

Одним из таких подходов к данному материалу может быть, как представляется, рассмотрение данных аллегровых форм сверхчастотных слов русской речи как источника пополнения современного лексикона.

В доказательство подобного предположения заглянем в этимологический словарь русского языка. В нем обнаружива-

⁴ Идею о том, что слово представляет собой не просто последовательность фонем, а некий целостный облик находим еще у Н. С. Трубецкого (*Трубецкой Н. С. Основы фонологии*. М., 1960. С. 43); ср. также: «Слова воспринимаются не как слагаемые из ряда фонетических единиц, а как цельные величины, в которых значение и звучание представлены в единстве» (*Л.Р. Зиндер. Общая фонетика*. М., 1979, с. 51; ср. также одно из первых указаний на важность «общего облика слова» – *С.И. Бернштейн. Назревший вопрос // Русский язык в школе*, 1936, № 5, с. 107; *Он же. Вопросы обучения произношению*. М., 1937, с. 25).

⁵ *Якобсон Р.О. Мозг и язык // Р.О. Якобсон. Избранные работы*. М., 1985. С. 275.

⁶ *Юшманов Н.В. Экстранормальная фонетика (рукопись)*. Архив АН СССР, ф. 77, оп. 5, № 251, 1946.

⁷ *Якобсон Р.О. Звуковые законы детского языка и их место в общей фонологии // Р.О. Якобсон. Избранные работы*. М., 1985. С. 107.

⁸ *Реформатский А.А. Неканоничная фонетика // Развитие фонетики современного русского языка*. М., 1966. С. 96-109.

ется масса слов, которые своим происхождением обязаны не тому или иному словообразовательному процессу и не каким-либо видам заимствования из других языков, а действию одного из главных законов языковой эволюции – закона экономии речевых усилий.

Первыми в этом списке оказались частицы: **частицы**: *вишь* ← *видишь*; *бишь* ← *баешь*; *ишь* ← *вишь* ← *видишь*; *дескать* ← *де* + *сказать*; *мол* ← *молвил*; *де* ← *деяти*; *-с* ← *сударь*; *небось* ← *не бойся*; *-ся* ← *себя*; *чу!* ← *чую*; *бы* ← *быть*; *ведь* ← *ведать*; *чай* ← *чаять*; *нешто* ← *неужто*.

Далее в этот круг лексем попали **междометия**: *спасибо* ← *спаси Бог*; *пожалуйста* ← *пожалуйте*, *сударь*; *баю-бай* ← *баять*; *тс-с!* – *и-и!* – *ти!* – *чи!* ← *тише*.

Такими же с точки зрения возникновения в языке оказались **предлог** *для* ← *д'ля* ← *дело* и **связанный корень** *-дцать* ← *десять* в *двадцать*, *тридцать*, *двадцать* и под., а также немногочисленные знаменательные слова - **наречия**: *почти* ← *почитать* ('*считать*'), *покамест* ← *пока место*; и **существительные**: *дока* ← *доктор* (как свидетельствует словарь⁹, это слово пришло в язык из речи семинаристов, от лат. *doctus, doctor* – 'ученый') и *фра* ← *франт*¹⁰.

Все эти слова образовались из «нормальных» слов в силу чисто фонетических причин, в результате большей или меньшей небрежности произношения, так называемой «лени человеческой». Видно, что слов таких в языке немало, они вполне заслуживают уважения, их обязательно учитывают в любых системах обработки или преподавания языка.

А теперь сравним эти лексические единицы, давно ставшие полноценными словами русского языка, с теми, что относятся к аллегровым формам речи:

⁹ Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971. С. 127.

¹⁰ Там же, с. 474.

<i>здрaст[вуйт]e</i>	<i>тыщa</i>	<i>щaс</i>
<i>то[ль]ко</i>	<i>ко[г]дa</i>	<i>пожал[уй]стa</i>
<i>на[в]eрно</i>	<i>ско[ль]ко</i>	<i>то[г]дa</i>
<i>пийсaт</i>	<i>шийсaт</i>	<i>семьсaт</i>
<i>вoсемьсaт</i>	<i>пpa[ви]льнo</i>	<i>слeдy[ю]щий</i>
<i>сeдня</i>	<i>чe[лoвe]к</i>	<i>бy[д]eм и бy[дe]м</i>
<i>мo[ж]eт</i>	<i>кa[ж]eтcя</i>	<i>м[eн]я</i>
<i>т[eб]я</i>	<i>с[eб]я</i>	<i>[c]м[от]рю</i>
<i>г[овo]рит и некоторые другие¹¹.</i>		

Лингвистам все такие слова хорошо известны, преподаватели русского языка как иностранного усердно учат своих питомцев избегать их в речи, специалисты по разговорной речи, особенно по риторике, относят их к произносительным ошибкам. Думается, однако, что явления такого рода не должны оцениваться однозначно как ошибки речи. На мой взгляд, это просто на наших глазах происходящий процесс создания в языке новых слов, основанный на универсальном законе языковой экономии. Это отмечал еще И.А. Бодуэн де Куртенэ, ср. его замечание: «Наблюдая скорое и небрежное произношение, мы подмечаем вновь развивающиеся стремления языка в фонетическом отношении»¹². Добавим к этому: по-видимому, и в лексическом отношении также.

¹¹ Относительно полный словарь сверхчастотных слов русской речи см., например, в: Фонетика спонтанной речи / Н. Д. Светозарова. Л., 1988.

¹² Бодуэн де Куртенэ И.А. Подробная программа лекции в 1877-78 учебном году // И.А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963. С. 109.

ЭВОЛЮЦИЯ РОЛИ СЛОГА В ДЕТСКОЙ РЕЧИ В ОБЛАСТИ ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКИ

С.С. Высотский уделял большое внимание изучению звуковой стороны оформления слова («звуковая оболочка») и слога как составной единицы этого целого качественного образования, которое формируется под влиянием конкретной системы определенного диалектного образования (Очерки по фонетике северно-русских говоров. М., 1967; Исследования по русской диалектологии. М., 1973). Мысль о взаимодействии слога и ритмической структуры слова с системной организацией в целом и легла в основу данной работы.

Дело в том, что на протяжении овладения родным языком система языка в языковом сознании ребенка меняется. В связи с этим изменяется и функциональная природа слога в ритмической организации слова.

На основе анализа детской речи с рождения ребенка до 12-13 лет в работе показаны изменения функциональной роли слога в речевой деятельности ребенка.

Фонетическая система русского языка в языковом сознании взрослого на последнем этапе своего развития состоит из двух уровней, которые неразрывно связаны между собой. В этом случае фонетическую систему русского языка в образной форме можно представить в виде дерева, корни которого представляют систему паралингвистической фонетики, где фонетические явления выступают в качестве экспонентов паралингвистических значений мажорного и минорного содержания средней и высокой субъективной ценности, отражая зонную структуру человеческих эмоций (См. Е.Н. Винарская, Г.М. Богомазов «Возрастная фонетика». М., 2005). Тогда ствол и крона дерева представляют собой фонетическую систему лингвистического порядка, где фонетические явления связаны с выражением лингвистических значений лексического и грамматического характера. А так как корни дерева нельзя отделить от ствола дерева, не разрушая самого дерева, то и фонетика русского языка представляет собой двухуровневую систему, в основании которой

лежит паралингвистическая система, на базе которой возникает и функционирует лингвистическая система. При этом паралингвистические значения, сформированные корневой системой, присутствуют в стволе и кроне дерева, постоянно сочетаясь с лингвистическими значениями. В то же время паралингвистические значения в кроне дерева наиболее ярко проявляют себя при ясной и солнечной погоде, т.е. в формах образной речи.

Естественно предположить, что роль слога как элементарной произносительной единицы во всех обозначенных структурах различна.

В период детской дословесной речи ребенок овладевает корневой системой, где слог в формах гуления и лепетной речи выступает в виде квазислога и где не выделяются составные элементы подобного образования. В данном случае квазислоги и ритмические структуры, состоящие из них, являются экспонентами паралингвистических значений мажорного и минорного типа средней и высокой субъективной ценности.

Далее наступает период овладения ребенком словесной речью. И здесь можно выделить два этапа.

На первом этапе квазислог преобразуется в слог, подчиняющийся закономерностям лингвистической фонетики, т.е. нормам фонетической системы родного языка. Слог осознаётся как сложное образование и делится на согласные и гласные фонемы в результате противопоставления лексических и грамматических значений в слове и в элементах слова, связанных с ними. При этом ритмические структуры слова помимо паралингвистических значений наполняются лингвистическими значениями. Так, нисходящие ритмические структуры, связанные с выражением минорных значений, становятся экспонентной формой для проявления в речи существительных (папа, мама, тетя и т.п.), а восходящие – с выражением протоглагольных форм (пипи, кака, бобо, бабах и т.п.). При интуитивном слогаделении ребенок сначала овладевает моделью открытого слога и делит слова с помощью исключительно открытых слогов. Далее он овладевает закрытым слогом и использует его при интуитивном слогаделении. При этом ребенок сознательно делит на слоги прежде всего предупредительно-ударную часть слова, где сосредоточены в основном лексические значения слова, а потом осваивает деление на слоги заударную часть слова, где сосредоточены грамматические значения.

Намечается связь слога с морфемной структурой русского слова. Этому способствует сформировавшаяся уже ранее связь квазислога и лингвистического слога с паралингвистическими значениями мажорного и минорного характера. Сначала возникает потенциальная связь с определенным типом морфем. Так, закрытые слоги типа CVC, где C – любой согласный, а V – любой гласный, имеют тенденцию становиться экспонентом корневой морфемы существительных (мам, пап, тётъ и т.п.), т.е. устанавливается связь с корневой морфемой существительных вообще, а не конкретной морфемой. Такого рода потенциальная связь слога с морфемой помогает сформироваться фонологической системе в щербовском ее понимании, где фонема лишь потенциально связана с морфемой. В этот период слог распадается на фонемы щербовской фонологии.

Однако в последний период этапа освоения ребенком фонетической системы, когда начинает формироваться двухуровневая фонологическая система (дети младшего школьного возраста), при интуитивном слогоделении дети ориентируются на морфологический принцип слогоделения. В этом случае слог стремится стать экспонентом конкретного морфа, т.е. элементы слога связывают свою судьбу с фонетическими чередованиями в конкретной морфеме. Вероятно на этом этапе русский ребенок использует в своей речевой практике изолирующий, а не звукофонемный тип языка. Но флективный характер русского языка заставляет ребенка перейти от использования изолирующего типа языка к его звукофонемному варианту, где слог чаще не совпадает с границами морфем, чем совпадает. Однако этот скоротечный период, когда при интуитивном слогоделении ребенок ориентирован на морфологический принцип слогоделения, не пропадает даром. Именно на этом этапе (дети 9-10 лет) возникает возможность в языковом сознании ребенка установить связь функционирования фонемы с жизнедеятельностью конкретной морфемы, т.е. возникает база для освоения фонологической системы в понимании Московской фонологической школы, где фонема и ее свойства могут быть установлены в рамках конкретной морфемы, состоящей из ряда морфов.

Таким образом в языковом сознании ребенка формируется двухуровневая фонологическая система, где фонемы нижнего уровня сходны с фонемами щербовской фонологии и обеспечи-

вают процессы восприятия речи, а фонемы верхнего уровня обеспечивают процессы порождения речи и фиксации ее на письме и сходны с фонемами Московской фонологической школы. При этом фонемы верхнего уровня сначала вновь обеспечивают предупредительно-ударную зону слова, а потом – заударную (сначала среди согласных, а потом – среди гласных). Этот период связан с формированием фонетической и фонологической системы русского языка (дети 12-13 лет). На этом этапе слог может состоять как из фонем нижнего, так и верхнего уровня. На этом же этапе формирования фонетической системы ритмическая структура слова становится более автономной и не обремененной ассоциациями с конкретными лексическими и грамматическими значениями.

Итак, на каждом этапе освоения русского языка в языковом сознании ребенка фонетическая система приобретает новые свойства, которые отражаются в звуковой оболочке слова как целостного образования, в частности в функциональных изменениях слога и ритмической организации слова. При этом фонетическая система в целом и слог как минимальная произносительная единица не теряют свойства предшествующих этапов, а развивает и расширяет возможности фонетической и фонологической системы русского языка, адаптируя их к новым потребностям речевой деятельности.

Е.М. Большева, Е.И. Литневская (Москва)

К ВОПРОСУ О ФОНЕТИЧЕСКИ НЕПОЗИЦИОННОМ ЧЕРЕДОВАНИИ

Одним из основополагающих тезисов МФШ является разделение чередований на фонетически позиционные и фонетически непозиционные; вторые, в свою очередь, делят на грамматически позиционные (обязательно реализующиеся в позиции перед определенным морфом) и грамматически непозиционные. Фонетически позиционными чередованиями по традиции занимается фонетика, фонетически непозиционными – морфонология. И если фонетически позиционные чередования исследованы в должной мере, то вопрос о направлении

морфонологического чередования (чередования фонем в морфеме) до сих пор описан явно недостаточно.

Определение исходного морфа, фонемы которого подвергаются чередованиям в определенных грамматических позициях, осуществляется по-разному. Так, С.М. Толстая пишет о возможности выбирать этот морф произвольно, Е.С. Кубрякова полагает возможным считать таковым морф начальной (словарной) формы, Р.О. Якобсон предлагает считать исходным самый длинный морф. Н.Е. Ильина и М.В. Панов подчеркивают единство морфонологии и фонологии в необходимости поиска объективных критериев определения исходного морфа и предлагают видеть их в понятиях морфонологически сильной и слабой позиции.

Сильная позиция в морфонологии – позиция максимального различения фонем перед определенным морфом. Для согласных, например, это позиция перед нулевым окончанием у существительных (гри<б>, голу<б'> и т.д.). Однако оказывается, что при установлении направления чередования невозможно не учитывать направление словообразовательной производности. Так, в словоформах *дым* – *дымить* – *дымлю* можно установить чередование <м> / <м'> / <мл'>, и это будет соответствовать направлению словообразовательной производности, т.к. *дым* → *дым-и-ть*. Но в *корм* – *кормить* – *кормлю* существительное *корм* производно от глагола при помощи нулевого суффикса, который не всегда вызывает чередование мягкого с парным ему твердым, ср.: *травить* → *травл-Ø-я*. Еще большую проблему вызывает установление направления чередования, представленного в формах одного и того же слова, например *нёс* – *носит* – *ношу*.

Тем не менее в лингвистике принят стандартный способ описания направления морфонологических чередований: парный твердый / парный мягкий / согласный другого образования. Как профессиональный лингвист, так и рядовой носитель языка выстраивает ряды чередующихся звуков в некоторой «правильной» последовательности, например: с / с' / ш и никак иначе. Если привести соответствующие примеры и попросить еще раз подтвердить указанный порядок, наступает сбой: из совокупности форм *нёс*, *носит*, *ношу* носитель языка не готов поставить на первое место именно *нёс*. Объяснить, почему это происходит, сложно.

Возможно, причина кроется в тех знаниях о языке, которые были заложены в подсознание с помощью школьного учебника. Ряды чередований задавались на полях или в рамочке списком букв, который ребенок запомнил именно в такой последовательности. И причина выбора в описываемом эксперименте задается на самом деле не особенностями языковой системы, а простым фактом интуитивного узнавания того, что уже где-то видел.

Фонема идентифицируется в пределах морфа – таково жесткое требование, всеми разделяемое и не подвергающееся сомнению на уровне абстрактного правила. Насколько четко мы на самом деле ему следуем, когда делаем транскрипцию? Как проверить слова *дорогой*, *молоко*, *вождение*? Ответ рождается молниеносно: *дороже*, *молочный*, *водит*. Морфы подменены, но на такую вольность принято не обращать внимания. В случаях же с *широкий* – *ширь*, *водичка* – *воды*, *зеленый* – *зелень* подчас не замечается даже сама вольность: идентичность буквенного представления корня рождает иллюзию абсолютной корректности проверки. Мы исходим из интуитивного представления о том, что морфы отличаются только чередующимися фонемами. Нам кажется, что в *дорог-* и *дорож-* первые четыре фонемы совпадают – отличаются лишь финальные г-ж. Возможно, что это и так, хотя ударным [о] будет только перед [ж], перед [г] примеров нет.

Тезис о поэлементном совпадении морфов требует специального обсуждения, которое не приводится ни в одном учебнике по фонетике. Подобное молчание симптоматично. Процедура проверки буквы, заложенная еще в начальной школе, как известно, предполагает возможность замены одного морфа другим. Так формируется и закрепляется в коллективном сознании представление об идентичности тех элементов морфов, которые пишутся одинаково. Это представление становится фактом языковой картины мира любого русского человека, в том числе и того лингвиста, который пишет учебник по фонетике или учит студентов азам фонологической транскрипции. Нам трудно усомниться в том, что кажется само собой разумеющимся и привнесено во взрослую жизнь из глубокого детства.

Таким образом, можно говорить о фонетической стороне языковой картины мира, которая в силу своей первичности оказывает существенное влияние не только на наивные, но и на профессиональные лингвистические научные построения.

БУКВЫ В ФОНЕТИЧЕСКОЙ СТОРОНЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Фонетическая сторона языковой картины мира включает представления людей о звуковом строе родного языка. Эти «знания» являются наивными и не всегда совпадают с лингвистическими теориями и с объективными данными.

Ориентация на букву – неотъемлемая часть языковой картины мира. В процессе обучения чтению у носителей языка формируется алгоритм приоритета буквы, который становится фактом коллективного сознания и потом влияет на лингвистические, профессиональные решения. Попробуем найти данные, существование которых объясняется интуитивным феноменом приоритета буквы.

1. Когда фонема не совпадает с буквой, возникают методические сложности с усвоением материала.

При анализе примера *солнце* студенты сомневаются как в твердости звука [ц], так и в наличии [ъ] на месте буквы *е*. Колебания связаны с «мнением», свойственным коллективному сознанию, о произношении закрытого [е] или, на крайний случай, [и] на месте орфографического *е*. Предыдущий согласный при этом должен быть мягким – позиция интуитивно оценивается как слабая по твердости /мягкости.

Аналогичные представления вызывают транскрипцию типа [ж'и]знѣ. Ошибка закономерная и частотная. Намек на нее рождает неуверенность: что-то мешает услышать [ы] и твердый [ж]. Набор аналогичных ошибок известен любому преподавателю. Какие слова лучше дать на транскрипцию? *К сожалению, часы, жюри, доброго* и т.д. – таков привычный набор примеров с шокирующей дистанцией между буквой и звуком.

Приставка *под-* осознается как идентичная независимо от ее произношения: *поднят, подпись, поднять, подписан*. С другой приставкой в аналогичном ряду примеров *розыгрыш, роспись, разыгрывать, расписывать* дела обстоят сложнее. Студентам требуется время, чтобы смириться с мыслью о ее фонемном представлении в виде <роз>.

С огромным трудом осознается тождество окончаний *-ый, -ой (зеленый, больной)*. Обязательно звучит вопрос: а *-ый* под ударением не бывает? После повторных объяснений прогнозируется финальное «А *-ий* как проверить?»

2. Думая о фонетических позициях, мы склонны опираться на буквенный облик слова вопреки научным установкам.

При обсуждении позиции перед *е* обычно не говорится, о звуке, о фонеме или о букве идет речь. Если *е* все-таки записывается не курсивом, а заключается в фонемные / звуковые скобки, то делается это без объяснений и ситуация с *деталь, детерминизм* не обсуждается. Но ведь некорректные примеры типа *бутерброд* не случайно приходят в голову в подтверждение тезиса о силе позиции: не задумываясь, мы продуцируем примеры, ориентированные именно на букву.

Тема об изменении звуков в потоке речи предполагает рассказ об ассимиляции, аккомодации, диссимиляции и т.д. Чтобы констатировать указанные явления, звук надо с чем-то сопоставить. С чем? Этот вопрос нигде не обсуждается. Аффриката [ч'] в подсчитать рассматривается как результат ассимиляции по глухости, мягкости, месту и способу звука [д] – основного представителя фонемы. Такое решение принимается и с точки зрения научной теории, и с точки зрения интуитивного желания носителя языка – счастливое совпадение. А с чем сравнивать [у] в просторечном тубуретка (вместо табуретка)? Хочется с *а* сравнить. Но откуда *а* во втором предупредном слоге?

3. Интуитивные представления о звукотипах во многом определяются знакомством с буквой. Буквы *ы, и, э* «удачно» называются – в один звук. Так формируется навык изолированного произношения этих звуков. С *е* сложнее: буква называется в два звука. Навык изолированного произношения закрытого [е] не формируется (в отличие от [ы]), и мы не можем продуцировать оппозицию [э]-[е] (в отличие от [ы]-[и]).

4. Буква влияет на произношение.

Вариант ж[ы]кет перешло в ж[а]кет под влиянием графического облика слова.

После узуальной замены эканья на иканье старая норма сохранялась как культурный феномен еще 100 лет: во всевозможных справочниках и словарях вокализм продолжал описываться в соответствии с экающей нормой. Такой подход

объясняется сложившейся в середине века практикой орфоэпической работы и связан с пониманием места вариативности в языке. Все это так. Но почему-то кажется, что приоритет буквы играл в процессе «сохранения» эканья далеко не последнюю роль. Если хочется, то услышишь разницу между *лиса* и *леса*, хотя ее нет. Сам услышишь и другим поможешь, прочитав в педагогическом вузе лекцию в соответствии с традиционными установками.

5. Представления о слоге неразрывно связаны с графическим обликом слова

Если попросить переставить слоги в слове *коза*, получим [за-ко], а не [за-ка]: даже профессионал-лингвист исходит из буквенного облика слова, а не из звукового.

Почему мы склонны делать слоги закрытыми? Маленьких детей учат разбивать консонантные сочетания: *мос-тик над реч-кой*. Графический способ подачи материала «работает» на формирование навыка: слова дробятся с помощью черточек-палочек. Кроме того, визуальный облик слова постоянно соотносится с требованием читать медленно, по слогам. В сознании ребенка за термином «слог» закрепляется интуитивное представление о совокупности букв, сгруппированных по указанному принципу.

А.А. Бурыкин (Санкт-Петербург)

СКОЛЬКО СЛОВ С НАЧАЛЬНЫМ <Ы> В РУССКОМ ЯЗЫКЕ?

В дискуссионном вопросе об отношениях звуков [ы] и [и] и о фонематическом статусе гласного <ы> едва ли не ключевую позицию занимает вопрос о дистрибутивных характеристиках этой фонетической единицы. Аргументом против фонологической самостоятельности <ы> является если не отсутствие, то во всяком случае разнообразная нестандартность контекстов с <ы> в абсолютном начале слова. В данной работе мы пытаемся оценить лексикографическую репрезентативность слов с инициальным <ы> в качественном и количественном отношении.

В «Сводном словаре современной русской лексики» (т.2., М., 1991. С.709) начальное Ы как отдельная рубрикационная единица не отмечено, но такая статья имеется в БАС (т.17, стлб., 1709-1710), где отмечено, что «слово» Ы имеет два значения – название буквы и название звука. Такая же статья есть и в словаре под редакцией Д.Н.Ушакова и в «Большом толковом словаре русского языка» (СПб., 1998, С.1512). Любопытно, что в словарях обходится молчанием вопрос о фонемном статусе <ы>.

В «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» (т.40, СПб., 1904. с.96) приведены следующие онимы с начальным <ы> : *Ыгыта*, – река в Якутии, название которой ныне пишется как *Ыгыатта*, *Ылыч* – река в Вологодской губернии (с альтернативным написанием *Илыч*), *Ытыккельское озеро* и *Ытык-Хая* – гора на берегу Лены.

В Большой Советской энциклопедии (т.29, М., 1978, стлб.1624-1626) приведены слова *Ыгыатта* – название реки, Ыйбён – название корейского ополчения (исторический термин), личное имя *Ыльчи Мундок* – полководец государства Когурё 7-8 века н.э. и ойконим *Ыныкчанский*. В «Большом энциклопедическом словаре» и «Большой Энциклопедии Кирилла и Мефодия» к этим словам добавлено слово ыр – общее название песен у некоторых тюркских народов.

Единичные топонимы с инициальным Ы фиксируются специальными словарями географических названий (чаще ойконимы) и региональными энциклопедиями (гидронимы и оронимы). В Справочнике почтовых индексов СССР имеются следующие ойконимы с начальным Ы: *Ыджид-Яд*, *Ырген-Шар* (Коми), *Ыйзу* (Эстония), *Ызар*, *Ынтымак* (Киргизия), *Ынырга* (Алтай), *Ырбан* (Тува), *Ыллымах*, *Ымыяхтах*, *Ыпах-сыт*, *Ыныкчанский*, *Ыстаннах-Хочо*, *Ытык-Кюэль* (Якутия).

Полноценная документация топонимов с начальным Ы дана в «Топонимическом словаре Северо-Востока СССР», составленном В.В.Леонтьевым и К.А.Новиковой (Магадан, 1989). В нем зафиксировано 42 топонима с начальным Ы, входящих к чукотскому, корякскому, эскимосскому и якутскому языкам (с.420-422), и, что характерно, не всегда начальное Ы соответствует такому же гласному языков-источников: ср. *Ылвылыу* мыс в Беринговском районе – чук. ылвылыу «дикий

олень», но *Ытыльваям* (ручей в Пенжинском р-не) – чук. *Ив'тылв'аям* «длинный ручей», *Ылланг* (горы у реки *Ыллангваям*, Олюторский р-н) – коряк. *гиллэн'в'эем* «ольхаовая река» и др. Важно, что данный словарь есть словарь русской топонимики, хотя и вошедшей в русский язык из языков народов Северо-Востока.

В «Северной энциклопедии» М., 2004) приведены три слова с начальным Ы: *Ысыах*, «праздник якутов, посвященный наступлению лета», *Ымыяхтахская культура* – археологическая культура позднего неолита в Восточной Сибири и *Ыгы-атта* – название реки в Якутии.

В книге Н.Г. Самсонова «Якутские имена Якутск, 2000, с. 17, 23) приведена фамилия *Ымыков* и женские имена *Ыйдана* и *Ыткыса*. Сюда надо добавить эстонские фамилии типа *Ыйм*, *Ыйспуу*, имя селькупской богини *Ыланта-Кота*, среди ненцев имеется женщина с инициалами О.Ы. Ядне – *Ольга Ыкковна*. В Анадыре живет чукча *Борис Ыттыгыргын*, а в окрестностях – *Роза Ынкенау*. Начальное Ы встречается в составе корейских личных имен.

В начале XX века топоним *Ылыч* имел вариант *Илыч*. В БСЭ есть статья «Алтынсарин Ибрай, казахский педагог-просветитель, писатель, фольклорист». По-казахски его имя пишется *Ыбырай*, так оно пишется и в наши дни по русски. Отсутствие слов с начальным Ы в словарях, по имеющимся фактам, выглядит не особенностью языка, а сложившейся лексикографической практикой. Таким образом, имплицитный запрет на употребление буквы Ы в начале слова с начала XX века постепенно преодолевается, количество слов с начальным Ы увеличивается, и среди них уже имеются имена нарицательные типа *ыйбён*, *ыр* и этнографический термин *ысыах*, который должен войти в толковые словари русского языка. Таким образом, в истории русской фонетики и графики появление слов с начальным звуком [ы] и словарные фиксации слов с начальной буквой Ы представляют не вполне совпадающие во времени, но однонаправленные и связанные друг с другом процессы. В наши дни фонема <ы> в русском вокализме выглядит уже реальностью.

УСТНАЯ ПУБЛИЧНАЯ РЕЧЬ 30-70-Х гг. XX в. И МЕСТО В НЕЙ ФАКТОВ РАЗГОВОРНОЙ ФОНЕТИКИ

Собственно фонетические характеристики разговорных явлений описаны весьма детально и не вызывают сколь-нибудь серьезных разночтений. Вместе с тем вопрос о границах, в пределах которых присутствие разговорных форм считается «вполне литературным», не имеет однозначной трактовки. Так, согласно точке зрения, разрабатываемой научным коллективом Отдела современного русского языка ИРЯ РАН, подобные формы считаются уместными и нормативными лишь при установке на неофициальное общение, а их распространению в устной речи общественного назначения «нового» времени способствует ослабление жестких рамок официального публичного общения. Согласно другой точке зрения, развиваемой в коллективной монографии «Современная русская устная научная речь» под ред. О.А. Лаптевой, тот же самый круг форм оценивается иначе – как принципиальное свойство всякой устной речи, что, подчеркнем, не следует понимать как постановку знака равенства между двумя основными разновидностями устной литературной речи – разговорной и публичной.

Такое положение дел объясняется разными причинами. Одна из них может быть определена как изоляционизм «спорящих сторон». Речь идет о том, что, решая одну и ту же проблему и отстаивая свою позицию, ученые ведут полемику, оставляя без должного внимания доводы своих оппонентов и принципиальные несовпадения в исходных посылах. Так, прежде всего приходится иметь в виду, что представители конкурирующих концепций оперируют неравноценным языковым материалом. А это обстоятельство, в свою очередь, ведет к тому, что процедура установления нормативного статуса рассматриваемых произносительных форм и тем самым механизма нормирования в разных сферах устной литературной речи соответствующими учеными строится существенно по-разному. В основе первой из указанных точек зрения лежит обследование лишь одной сферы литературного языка – непубличной быто-

вой речи. По отношению к сфере официального общения (личного и публичного) выводы о норме делались без специального обследования существующего здесь узуса. Авторы второй точки зрения исходят из наблюдений над речевым поведением носителей литературного языка во всех сферах – не только разговорной, но и устной научной и речи радио и телевидения. Другая причина видится в отсутствии прочных связей между накопленным опытом описания двух типов речи – разговорной и специальной (по классификации Д.Н. Шмелева) и обсуждением общих вопросов теории литературного языка, т.е. известным несоответствием абстрактно-теоретического и эмпирического типов исследований.

Размышляя над обозначенной в заглавии проблемой, мы исходили из того, что «лингвистическое знание может развиваться только как результат неустанного диалога между исследователями языкового материала и существующими учениями» (Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. С. 3). В соответствии с таким представлением цель проводимого исследования была определена как анализ и осмысление устной речи общественного назначения того временного отрезка, к которому относится открытие разговорной фонетики, и ее оценка не только и не столько сквозь призму предъявляемых к ней идеальных требований, сколько в плане «реальной модальности». Столь же важным было и сопоставление полученных результатов с данными частно-описательных исследований отдельных разновидностей устной литературной речи в их настоящем состоянии. При этом в ходе исследования были задействованные тексты, созданные в естественных условиях (где информант не скован условиями эксперимента), являя собой примеры публичной коммуникации, но не собственно дикторской речи. Кроме того, абсолютное их большинство – это фактически озвучивание письменного текста, говорение «по бумажке». И хотя в лингвистической литературе стало едва ли не правилом указывать на особое положение так называемого чтения вслух написанного текста, не считая его частью (разновидностью) устной публичной речи, с этим трудно согласиться, по крайней мере когда речь идет об орфоэпической норме, т.е. особенностях устройства фонетической составляющей на сегментном уровне. Думает-

ся, что такой материал не только правомерен, но дополнительно интересен тем, что он, как принято теперь говорить, содержит разговорную стихию. Иначе говоря, для анализа были привлечены тексты, созданные носителями литературного языка – актерами и режиссерами, писателями и учеными – в ситуации, «обратной» той, которая, как считается, провоцирует расшатывание кодифицированной произносительной нормы.

На данном этапе развития научного знания без учета результатов обследования такого языкового материала невозможно судить о закономерностях функционирования разговорных форм, их правильности, коммуникативной целесообразности и т.п. О работе над этой проблемой, точнее, о ее результатах и будет сказано в докладе.

G.M. Vishnevskaya (Иваново)

ACCENTUAL VARIATION IN ENGLISH POLYSYLLABIC WORDS

As is well known, in English polysyllabic words the stress may fall on practically any syllable (being relatively free and determined by several linguistic and extralinguistic factors). The degrees of stress can also vary within a word (primary, secondary, unstressed syllables, two primary stresses): *i'maginable*, *conver'sation*, *'flap,doodle*, *,recon,sili'ation*, etc. There are also large families of English derivatives marked by pronunciation differences (both segmental and suprasegmental): *'nation*, *'national*, *,natio'nality*, *,nationali'zation*, *'nationa,lize*. At the same time, there are words of the same type which have no stress shift or any other phonetic changes: *pro'tect*, *pro'tective*, *pro'tection*.

There is a typically English phenomenon called conversion when polysyllabic words have one and the same graphic form but do not coincide in their pronunciation and grammatical function. They are marked with a stress shift within a word. Such conversion pairs are representing different parts of speech: *'conduct* n. – *con'duct* v., *'frequent* adj. – *fre'quent* v., etc. Conversion is also connected with qualitative changes in the segmental elements of words (in vowels: under stress or without it). With the right stress

shift the initial full formation vowel (as in *'conduct'*) may be erroneously misplaced by a neutral sound, the schwa sound (as in *con'duct*). These peculiarities are not always mentioned in the dictionary entries. There may take place a wrong substitution of a full formation vowel by the schwa in the word final position in the conversion pairs without any stress shift of the type: *as'sociate* n. – *as'sociate* v., *'delegate* n. – *'delegate* v., etc. As a result, ignoring these differences in the phonetic form causes misunderstandings on the part of the speaker or the listener (in a native speaker versus non-native speaker communication).

The pronunciation of compounds is even more of a problem for an English language learner. Compounds in English are a type of word structure made up of two or even more constituents, each of them being a noun, a verb, an adjective, or a preposition. Most compounds have an early stress pattern: *'fingerprint*, *'flame-thrower*, *'motorway*, *'typewriter*, etc. However, there are quite a number of deviations from the pattern. The compound itself may belong to any of the categories – Noun, Verb, Adjective, etc. Thus one can find compound nouns (*'tele,cast*, *,audio'frequency*), compound adjectives (*'pains,taking*, *,well-'known*), compound verbs (*,double-'cross*, *'air-con,dition*), compound adverbs (*,over'seas*, *'overboard*), compound conjunctions (*,notwith'standing*, *,in so 'much as*), compound prepositions (*'just off...*, *'onto*), compound pronouns (*,each'other*, *'you two*) and even supercompounds or composite nouns (*,early-'warning*, *,system*, *,cock-and-'bull,story*).

English language learners are also at a loss when stressing the English phrasal verbs (two-part and three-part verbs) – word groups that include a verb combined with prepositional or adverbial particles, such as *in*, *out*, *to*, *from*, *up*, *down*, etc. The main pronunciation question with phrasal verbs concerns the placement and distribution of stress on the verb, the particle and the other words in the sentence. Phrasal verbs have either one stress (on a verb or a particle) or two stresses (on both the elements): *You'end up wit 'everything you'want*. *Come on 'out to the 'patio*. *Are we'picking him 'up at the'station?* It should be noted that in many cases it is the verb, which is stressed. But the speaker might also choose to stress the particle in order to convey a particular meaning of emphasis or contrast: *I 'saw him 'speaking to the 'president* versus *And 'later he 'spoke 'for the president*. The majority of

English phrasal verbs have two stresses, with the primary stress on the particle, and the secondary – on the verb. The two elements of such phrasal verbs are separable, with the object of the verb coming between them. In this case there are three ways of stressing the combination: when the object is a pronoun, it must come between the verb and the particle and does not receive any stress (*‘Turn it ‘on*); when the object is a noun coming between the two parts of the phrasal verb the stress falls upon this noun and the particle is left unstressed (*‘Turn the ‘light on*); when the object is a noun (and the noun is important for the speaker’s meaning) coming after the verb and the particle, then it tends to be stressed and the stress on the particle can be lost (*‘Turn on the ‘light*). With an extra preposition after the particle, in three-part phrasal verbs, the second element is generally stressed, the third element is unstressed (*I’ll make ‘up for it*). However, if the word following the preposition is a noun, the speaker might choose to stress it, then it is only the verb that retains the stress: both the particles could reduce it (*She ‘puts up with a ‘lot*).

Thus, one can very well understand why there is a degree of uncertainty and variability about the stressing of word combinations for an English language learner. Mistakes in the stressing of English compounds can render a learner’s speech incoherent. Phonetic variation in English polysyllabic words is not easy for a non-native English speaker to master. One has to have enough practice to use the right accentual patterns in these words, which are recurrent in all kinds of English. Unfortunately, dictionaries for general and professional purposes, with the exception of authoritative pronunciation dictionaries (EPD, LPD), do not often contain detailed phonetic information on the pronunciation of polysyllabic words in English. Besides, these words are rarely pronounced in isolation, they can change their accentual patterns under the influence of the context, the rhythmic organization of speech, the speaker’s attitude and other factors.

С.С. ВЫСОТСКИЙ И ГРАНИЦЫ СТАРОМОСКОВСКОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ

Сергей Сергеевич назвал практически всех, кто создал характеристики старомосковского (тогда московского) произношения с 1879 по 1935 г., и обронил фразу: «...Московский говор, очевидно, издавна не представлял собой того идеально-го единства, о котором говорили языковеды старшей поры» [Высотский 1972/1984]. Основная причина – «воздействие старых диалектов», «речь со следами диалектных особенностей» [там же]. Свидетельствую, что в речи московских рабочих даже 60-70-х гг. XX в. имелись явные следы этих диалектных особенностей [Ганиев 1971]. Когда я рассказал об эксперименте С.С. Высотскому, он задал мне великолепный вопрос диалектолога-этнографа: «А Ваши дикторши были в платочках или в шляпках?» К тому времени я уже не помнил персонально 30 моих информанток-работниц, поэтому в ответ я развел руками.

0. Имена, как писал Радован Кошутич, «младых москвичей», – это В.Я. Брюсов, Н.С. Трубецкой, учитель Высотского Д.Н. Ушаков, Н.Н. Дурново и др. Они склонялись к единообразной норме, хотя в чтении Ушаковым и Дурново в 1910 г. рассказа «Дачники» А.П. Чехова имелись расхождения в произношении. Недаром Ушаков заметил: «В пределах правильно произношения есть целый ряд отдельных случаев допустимых варьантов» [Ушаков 1928].

Учителя Ушакова и Дурново знали и старшие «варьянты», и при этом все это вместе называлось московским произношением. [Впервые его назвал «старым московским» Л.В. Щерба в 1936 г., хотя за год до этого Ушаков говорил о московском произношении]. Оба варианта прослеживаются не по всем пунктам, изложенным Ушаковым в «Русской орфоэпии и ее задачах» в 1928 г.

1. Носители старшей нормы (напр., Ф.Е. Корш и его ученики А.А. Шахматов и др.) знали или застали безударные <a, o> после твердых шипящих в виде ослабленного [э]: ж[э]ра, ж[э]леть, ш[э]ры, ш[э]лунишка, ш[э]мпанское, ш[э]рманщик,

ж[э]ндармерия. В говоре «младых москвлян» вместо старого ж[э]ра слышалось уже ж[ы]ра, ж[ы]леть, ш[ы]ры, ш[ы]лунишка, ш[ы]мпанское, ш[ы]рманщик, ж[ы]ндармерия с ослабленным [ы] [Кошутич 1919]. Нормативным было тогда Ш[ы]ляпин и Ущ[ы]ков.

2. Старшая норма признавала верными звуки [x] перед взрывными согласными: ло[x]ти, тра[x]тир, ле[x]че, [x] кому, [x] товарищу, [x] чему, мя[x]че [Шахматов 1910/11]. «В доказательство того, что они не портят русской речи, – писал о своей великой сверстнице-актрисе В.И. Чернышев, – сошлюсь на прекрасное произношение покойной В.Ф. Комиссаржеской, от которой я слышал ясное и последовательное *хто*» [Чернышев 1915].

3. Наконе[ш]ник, как слово «разговорное, обиходное», произносил Корш [Корш 1901]. О вариативности в речи чн свидетельствовал Кошутич: «В слове *сердечный* образованные москвичи произносят [ч'н] при обоих значениях: 'добрый' и от *сердце* (напр., *сердечная болезнь*), однако народ в значении 'милый, дорогой' произносил *сердечный* с [шн] (*друг сердешный, таракан запешный*). Если раньше различалось произношение све[ч']ной сбор – све[ш]ное сало, встре[ч']ный иск – первый встре[ш]ный, то сейчас, – пишет Кошутич в начале 20 в., – в каждом удобном случае в большинстве произносят везде [ч'н]... И вообще в целом ряде случаев сочетание [шн] ощущается по сравнению с [ч'н] как признак речи простого люда, напр. пе[ш]нй к звучит слишком просто, и люди с образованием в большинстве случаев говорят пе[ч']нйк» [Кошутич 1919].

[Понятия «раньше» – «сейчас» относятся к поколениям, а замечание о «народе», «простом люде» требует отдельного комментария по материалам С.С. Высотского (о чем ниже, в конце тезисов)].

4. Ф.Е. Корш в начале 20 в. отметил в Москве произношение сумаше[ч':]ий «в говоре образованных» [Корш 1901]; Кошутич: в речи старшего поколения в *лучший, лучше* тоже звучал [ч':], книжное произношение отличалось звуко сочетанием [чш] [Кошутич 1919].

5. Смягчение согласных перед мягкими согласными: возьмем из этой области 2 позиции. Старшее поколение, по Кошутичу, непременно произносило [р'] в словах *рви, скорпион*,

кормить, гордиться, портниха, борзятник, в словах с бывшим «вторым полногласием» [Соболевский 1907] *церковь, верх, четверг*. Брандт в конце XIX в. предлагал перейти к написанию *верьхъ, перьвый* [Брандт 1892]. Образованные молодые люди в этих словах и производных от них (*верхний, церковный*) чаще произносили [р] твердый. В их речи значительно уменьшилось число произнесений [р'] перед мягкими («чаще твердо, чем мягко»). Мягкое [р'] сохранилось в таких словах, как *скорбь, борц, смерть, перстень, вертеть*, «хотя и здесь, впрочем, твердое произношение не исключалось» [Кошутич 1919].

В литературной, как тогда называли, речи в период 50-60-х гг. XIX в. и позже звучали мягкие губные перед мягкими задненебными и зубными ([к', г', х', д', т', з', с']): *ловкие, робкие, крепкие, сёмге, дверь, Тверь, змея, смех*. Отверждение в отдельных позициях, напр. перед [к', г', х'], в московском говоре произошло на рубеже веков.

6. Чернышев указывал, что в старину в финали глагольной формы 2 л. ед. произношение было иным: «...Окончание глаголов *шься* прежде произносилось *сса*: сердисса, стараисса, занимаисса и т.д. Теперь книжное окончание *шса* (твердое *с* из живой речи) заметно вытесняет старое произношение и, кажется, господствует в языке книжных людей» [Чернышев 1915]. Кошутич отмечал [с:] в концах глагольной формы не как факт прошлого: «В быстрой (небрежной) речи вместо [шс] (графически *-шьс-*) во 2 л. единств. наст. вр. можно услышать долгое [с:]: *моешься – [мойс:ъ]*» [Кошутич 1919].

7. Корш о некоторых иноязычных заимствованиях: «У нас есть, несомненно, стремление к более или менее точному воспроизведению иноязычных звуков. ...Так, мы выговариваем *поэт, якобинец, ...бюро*» с безударными [а, о, ï], а не со звуками [а, е, и], «что, пожалуй, также можно услышать, но от людей малообразованных» [Корш 1901]. Проф. Р.Ф. Брандт возражал: «...Я не согласен с Коршем насчет общности у образованных россиян произношения *роет, yakobinets, ... büro*... – на мой слух это произношение манерное» [Брандт 1904].

Ушаков изложил основы московского произношения в двадцати с лишним пунктах [Ушаков 1928; Ушаков 1935]. Разница в количестве с предложенным здесь объяснима с точки зрения заглавной проблемы: где проходят границы старо-

московского произношения с учетом концепции С.С. Высотского. Разница уравнивается, если мы скажем о трех моментах. Сначала о том, что ушло навсегда из столичного кодифицированного говора (ж[ы]ра, поц[а]луй, бо[у]ратый, кори[ш]невый, зло[й], знани[й] в им. ед., дво[й], умне[й], дав[н']й в муж. р., хо[д']т, а[б]ат, ка[с']ир и т.д.). Это был последний этап старого московского произношения. Затем уравниванию помогает обращение к преемственности позднейшей орфоэпии: мы усвоили аканье (т.е. речь «свысока», см., напр., Высотский 1972/1984), звук [ъ] в окончаниях сущ. мн. ч. -ям, -ями, -ях, в конце деепричастий типа сидя; [ы] на месте <и> после предлогов, союза и инициалий внутри синтагм; сочетание ци и посейчас произносится с [ы] – можно продолжить этот перечень. Граница московского произношения, по Ушакову, Брандту и др., проходит до начала буквенного произношения [Ушаков 1928]. Очень существенная «нижняя граница в произношении москвичей в эпоху старомосковского говора (образованных людей), о которой мало упоминал даже Ушаков и которую отметил как диалектолог Высотский, – это московский «городской мещанский говор, говор низших слоев населения, говор необразованных классов», который в недавнем прошлом бытовал на городских окраинах, за городскими заставами [Высотский 1972/1984].

Ж.В. Ганиев (Москва)

ФОНЕТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ И ГОСПОДСТВУЮЩАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Когда идеология гласила, что рабочие составляют численное большинство общества и являются передовой, лучшей его частью, то со временем неоправданно разбухали государственные статистические данные, и к рабочим тяжелой и легкой промышленности, отраслей энергетики, разработчикам недр, к работникам транспорта и т.д. (к тем, кого и до 1917 г. называли рабочими) добавились парикмахеры, продавцы, портные и другие работники ателье, переплетчики, лаборанты на предприятиях, сверкопировщики, чертежницы, кладовщики, со-

циологи и экономисты разводили руками – ну как тут можно сопоставить данные по годам. Во-вторых, те, кто хотел бы обследовать культурный уровень, речь рабочих, в те достопамятные годы брались за нешуточное дело, пример тому расстрелянный в 37-м Г.П. Данилов.

Знаток культуры и языка городских низов С.С. Высотский отмечал, что речь рабочих, в том числе московских, пересытана диалектными и просторечными элементами [Высотский 1972/1984]. Наш эксперимент тоже показал, что в произношении московских рабочих не было стабильности, в том числе из-за просторечия, влияния диалектов, отсутствия навыка в чтении вслух.

Пока исследовалась твердость-мягкость согласных перед мягкими согласными, произношение сочетаний согласных, безударный вокализм, произношение отдельных грамматических форм и т.д., результаты имели «невинный» фонетический вид, по которым можно было делать предсказуемые выводы: информанты-уроженцы Москвы происходили от приезжих родителей из деревень, поселков, ближних и дальних областей. Но как дошло дело до анализа произношения иноязычных заимствований (безударное оканье-аканье, твердое-мягкое произношение согласных перед <е>) – всего 60 слов на 60 информантов, по 10 слов каждому), – культурный «раскол» в обществе стал очевиден. Читали, бывало, [фан']етика, [сан']ет (каждое слово в 3 вариантах), [пайэ́т, пайе]з'ия, и[н']ертный, и[н'т']енсивный, брю[нэ]т, па[тэ]нт, паш[тэ]т, конфе[рэ]нция, ши[нэ]ль, эк[з']емпляр, [тэ]кст, [нзы]он (неон), к[сэы]нон, порт[вэ]йн, [дзысэ]рт. Было, конечно, и верное произношение, при этом анализировалась совместимость вариантов, но все равно шок от результатов был.

Слова западного происхождения чаще всего «проявляют» уровень культуры, цивилизованности человека. Получилось в итоге так: в словах *брюнет*, *патент* половина и больше просторечных произнесений, в слове *синтетический* их было более 70%. [Несколько напоминает ныне бытующее компью[т']ер.] На 600 произнесений ошибочных случаев набралось 15%.

Независимо от «политики» хочу оговориться, что не совсем согласен с рекомендацией Р.И. Аванесова по поводу слов *критерий* (доп. [т']), *артерия* (то же), *бактерии* (то же), *интенсивный* (рекомендовалось только [т] твердое), *стратег* (доп. [т]).

Если бы тогда проводилось полномасштабное сопоставление произношения упомянутых информантов с теми, кого принимали за эталон (и что легло в основу монографии Р.И. Авансова и «Орфоэпического словаря русского языка»), то случилась бы у партначальников «немая сцена» (как в финале «Ревизора»): «гегемон» превращался в «заднескамеечника», каким в массе он и был (люди, невзирая на пропаганду, знали, что в ряды рабочих шли во многом те, кто не хотел учиться дальше, не хотел приобщаться к культуре, знаниям). В настоящее время нет такой явной связи рабочей специальности с вариантом произношения у ее обладателя. Более того, просторечие распространилось в широких кругах городского (в том числе столичного) населения, среди пожилых и молодых, продавцов и учителей и т.д., что говорит об ухудшении преподавания родного языка и снижении уровня культуры речи.

С. Гжибовский (Польша)

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛЬСКОЙ ФОНОЛОГИИ

1. Польский наряду с восточнославянскими относится к тем славянским языкам, фонетическое развитие которых после падения редуцированных во многом определялось категорией твёрдости-мягкости. Это нашло отражение в корреляции по палатальности и в аллофонизации гласных [i] – [y]. Такое состояние в польском языке сохранялось примерно с XI по XIX в. и было отмечено рядом исследователей начала XX в. [см. Бодуэн де Куртенэ 1912].

Одной из ярких фонетических особенностей польского литературного языка считалось также сохранение носовых гласных [ɛ̃], [ɔ̃], и в ряде фонологических описаний им приписывался отдельный фонематический статус [Wierzchowska 1980:158].

Однако по мере совершенствования фонематического анализа интерпретация этих явлений стала подвергаться пересмотру.

2. Попытки по-другому посмотреть на статус явления коснулись прежде всего носовых гласных, поскольку давно была известна их способность «разлагаться» перед смычными согласными на гласный и носовой согласный, что позволяло

именно так их интерпретировать и так же рассматривать случаи проявления «носовости» гласных [ɛ̃] и [ɔ̃] перед фрикативными согласными или в конце слова, где «носовость» называется дифтонгической. Второй сегмент имеет глайдовые характеристики, интерпретация которых разнообразна. Наиболее оптимальной кажется интерпретация его как носового глайда, конкретная реализация которого обусловлена последующим согласным. Это находит поддержку также со стороны аналогичной «носовой реализации» всех польских гласных при записи m или n перед фрикативными согласными в иноязычных словах или ŋ в исконно польских словах.

Одинаковый характер реализации «исконных» носовых гласных и цепочек «гласный + носовой согласный» позволяет одинаково их анализировать, а их интерпретация как бифонемных сочетаний в обоих случаях оказывается наименее противоречивой.

3. Реинтерпретация категории твёрдости-мягкости связана с изменениями, имевшими место в польском языке на протяжении XX века. Раньше в польском консонантизме можно было отметить наличие: 1) твёрдых согласных /p, b, m, f, v, t, d, s, z, c, ʒ, p, r, l (или w), l, ʃ, ʒ, ɕ, ʒ, k, g, x/, 2) палатальных /j, ɕ, ʒ, ʃ, ʒ, ɲ/ 3) и мягких (т. е. палатализованных) согласных /p', b', f', v', m', k', g', x'/, которые вместе с /ɲ/ и соответствующими твёрдыми могли составлять 9-членную мягкостную корреляцию, а гласные [i] – [y] были аллофонами одной фонемы. Адаптация же иноязычных слов соблюдала этот статус, т. е. после твёрдых согласных иноязычное /i/ заменялось гласным [y], ср. *typ, dyplom, syrena, rysunek, cysterna* и т. д.

Эта корреляция была стабильной, хотя к концу XIX в. рассматривались явления, ослабляющие её, например, утрата противопоставления мягких и твёрдых согласных в финальной и преконсонантной позициях, возможность смягчения всех твёрдых согласных перед глайдом [j] в образованиях типа *melodia, historia, bestia*, а на словесных и предложно-префиксальных стыках также перед гласным [i], который, находясь в аллофоническом отношении с [y], в таких контекстах проявлял тенденцию к самостоятельности и, сохраняя своё качество, приводил к появлению новых (полу)мягких согласных [t', d', s', z', ʃ', ʒ', c', ʒ', ɕ', ʒ'], ср.:

4. Такое решение этих вопросов польской фонологии было принято почти повсеместно. Различия между исследователями касались частностей. Другой интерпретации придерживались сторонники деривационной генеративной модели, и в настоящее время в рамках натуральной фонологии стали появляться интерпретации, возвращающиеся к традиционной трактовке этих явлений.

ЛИТЕРАТУРА

Бодуэн де Куртене И.А. Польский язык сравнительно с русским и древнецерковно-славянским. Санкт-Петербург, 1912

Milewski T. Z zagadnień językoznawstwa ogólnego i historycznego, Warszawa PWN, 1969

Sawicka I. Fonologia // Dukiewicz L., Sawicka I., Gramatyka współczesnego języka polskiego. Fonetyka i fonologia, Kraków 1995

Wierzchowska B. Fonetyka i fonologia języka polskiego, Wrocław: Ossolineum, 1980

Г.Н. Гиржева (Великий Новгород)

ПОНИМАНИЕ ФОНЕМЫ В РАЗЛИЧНЫХ МЕТОДОЛОГИЯХ

Видение объекта определяет методы, методики и процедуры лингвистического исследования. В одних теориях познавательный процесс понимается как процесс нахождения смысла (смысл является объектом познания). В других теориях в познавательном процессе важен субъект как порождение смысла. Теории первого типа принадлежат к феноменологической и позитивистской (эмпирической) методологии, теории второго типа – к функциональной [Лещак 1996: 107].

Позитивистские лингвистические исследования представляют собой наблюдение за внешнеречевыми формами в их линейном развертывании.

В фонологии на позициях позитивизма стоит Ленинградская фонологическая школа. Трактовка фонемы в ЛФШ возможна только в тесной связи с артикуляционными и акустическими характеристиками ее представителя в определенной позиции:

фонема («звук языка») понимается как акустический образ реально произносимого и слышимого звука [Щерба 1983: 8]. Эмпирический принцип в отношении объекта исследования проявляется в способах определения объекта, например: «каждую самостоятельную фонему можно протянуть» [Щерба 1983: 13].

Иное представление о фонеме у представителей Московской фонологической школы. Фонема рассматривается как инвариантный языковой феномен, независимый от акустических и артикуляционных частных реальностей произношения. Феноменологи трактуют фонему как «сущность», определяющую «явление» отдельных звуков [ЛЭС 1990: 553]. В этом состоит основное отличие этой методологии от позитивистской: феноменологи считают, что звуковые явления детерминированы фонемой.

В функциональной методологии любой констатируемый факт (фонетический, морфологический, стилистический), любое речевое действие понимается «как различного рода функциональные отношения в пределах опыта конкретного человека – носителя данного языка» [Лещак 2002: 70].

Основным объектом исследования в функциональной методологии является языковая деятельность. Она состоит из трех видов функций: язык – речь – акустико-артикуляционная сигнализация. Язык понимается как отношение когнитивной картины мира к речи, обусловленное регулятивной коммуникацией, а речь, как отношение интенции к языку и к акустико-артикуляционной сигнализации, а акустико-артикуляционная сигнализация – это отношение речи к различным типам сигнальных последовательностей (звуковых, графических).

Язык и стадия акустико-артикуляционной сигнализации не связаны напрямую. Между интенцией и стадией сигнализации существует стадия активизации языка – речь. Речь понимается не как физический поток звуковых волн, а как последовательность представлений о звучании или как цепочка акустических образов [Лещак 1996: 352].

Принципиальное отличие функциональной методологии от представленных выше состоит в том, что фонема не является собственно единицей, а то, что называется термином фонема, вообще напрямую не связано со звуком как физической единицей.

Фонемой мы называем совокупную информацию о всех возможных репрезентациях, в том числе и акустико-артикуляционных, плана содержания данного знака на стадии речи. Представление носителя языка об акустических и артикуляционных признаках, обеспечивающее узнавание и возможность произнесения звука, называем **фоном**.

Звук является реализацией фона. Но фон детерминирован, обусловлен звуком. Последовательность фонов (представлений о звучании и артикуляции) входит в план выражения словоформы языкового знака и обеспечивает сигнальную репрезентацию словоформы. Информация о различных последовательностях фонов разных словоформ языкового знака формируется в сознании носителя языка при формировании языкового опыта, в процессе речи.

Таким образом, ни порождение, ни восприятие речи не является процессом соотнесения акустического и артикуляционного варианта с инвариантом или звуковым типом. Фонема – это совокупная информация о возможных последовательностях фонов планов выражения словоформ языкового знака, обеспечивающая процесс фонации, репрезентации словоформы в речи, а уже затем процесс акустико-артикуляционной сигнализации.

ЛИТЕРАТУРА

Лещак О. Языковая деятельность. Основы функциональной методологии лингвистики / О. Лещак. Тернополь: Пудручники і посібники, 1996.

Лещак О.В. Очерки по функциональному прагматизму: Методология – онтология – эпистемология / О. В. Лещак. Тернополь-Кельце: Пудручники і посібники, 2002.

Лингвистический энциклопедический словарь / Отв. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.

Щерба Л.В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. Л., 1983.

К ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ ОСНОВАМ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙЦЕВ ПРОИЗНОШЕНИЮ РУССКИХ ГЛАСНЫХ

Отклонения в интерферированной русской речи иностранцев могут объясняться разными причинами. Нередко проявление акцента в русской речи китайцев связано с различиями в функционировании звуковых единиц в русском и китайском языках. Ниже будут рассмотрены обусловленные указанной причиной ошибки китайцев в области русского вокализма.

Отклонения в функционировании гласных в китайском акценте могут объясняться двумя причинами. Во-первых, законы функционирования гласных в родном языке переносятся учащимися на изучаемый язык. Во-вторых, функционирование гласных в русском языке отличается большим разнообразием, которое не воспринимается учащимися. Именно поэтому редукция гласных является актуальной проблемой для китайцев. В отличие от русского в китайском языке обязательной является только количественная редукция. Качественная редукция факультативна и наблюдается лишь в определённых случаях.

Особенности функционирования китайских гласных, которые проявляются в интерферированной русской речи китайцев, во многом обусловлены существующими в китайском языке ограничениями на сочетаемость звуковых единиц в структуре слога. Многие китайские гласные могут употребляться не во всех позициях. Это главное отличие китайского языка от русского, где большинство фонем возможно в любой позиции. В результате в процессе изучения русского языка китайцы неправильно произносят целый ряд звуковых сочетаний, в том числе и тогда, когда звуки, входящие в эти сочетания, есть в их родном языке. Ошибки китайцев, связанные с ограничениями в сочетаемости звуковых единиц, могут быть как фонологическими, так и фонетическими.

В связи со сказанным можно привести некоторые примеры.

1. Часто считается, что китайцы не различают [y] и [o], поскольку у них встречаются ошибки при произнесении слов типа *пьёт* и *пьют*, *лёт* и *лют*, *бёт* и *бют* и т.п. Русские не слышат разницу в произношении этих слов китайцами, полагая, что на месте [y] произносится [o] — [p'jot] и т.д. Со

логая, что на месте [y] произносится [o] — [pʰjot] и т.д. Со своей стороны, китайские учащиеся уверены, что *пьёт* и *пьют* различаются в их произношении.

Мы даём следующее объяснение. В китайском языке [j] и [u] не сочетаются. Не сочетаются также [j] и дифтонг [ju], который похож на русский [ʲu]. Так как система китайского вокализма богата, китайцы без труда находят «замену»: дифтонг [ɔ:ɥ], который заканчивается на [u], и сочетается с [j] ([jɔ:ɥ]). Они произносят слово *пьют* как **n[jɔ:ɥ]t* с дифтонгом [ɔ:ɥ], а слово *пьёт* — с монофтонгом [C:]. Поскольку в дифтонге [ɔ:ɥ] звук [u] — короткий неслоговой гласный, русские почти не ощущают его на слух и воспринимают произношение **n[jɔ:ɥ]t* как [pʰjot]. Для китайца же эта вторая часть значима.

2. В числе черт китайского акцента в русской речи принято указывать на усиление дифтонгоидного характера русского [o]. Однако это происходит далеко не во всех позициях. При произнесении сочетаний [mo], [no], [bo] и некоторых других китайцы редко делают ошибки. Сочетания же [ko], [go] и некоторые другие китайцы произносят с дифтонгом на месте [o]. Дело в том, что сочетания [mɔ:], [nɔ:] и [bɔ:] знакомы китайскому языку, в то время как сочетаний [kC:] и [gC:] нет, а есть лишь сочетания [k] и [g] с дифтонгом [ɥɔ:]. Между тем, как известно, звук [o] в русском языке носит дифтонгоидный характер ([ʲo]). Китайцы утрируют дифтонгоидность, произнося [ko] и [go] как [kɥɔ:] и [gɥɔ:] — с усилением начальной лабиализации. Например, слова *гость*, *какой* произносятся как **[gɥɔ:]сть*, **ка[kɥɔ:]й*. Подобные ошибки по той же самой причине китайцы делают и при произнесении некоторых других сочетаний звуков, например [do], [to], [no], [lo], [xo].

Соответственно при обучении китайцев русскому языку на начальном этапе рекомендуется начинать работу со звуко сочетаний [bo], [po], [mo] и [fo], аналогичные которым есть в китайском языке. Лишь после этого можно вводить сочетания [go], [ko], [to] и другие, названные выше.

В указанных случаях акцентные черты достаточно легко устранить, если знать причины их появления. Они связаны не с отсутствием в китайском языке сходных с русскими звуковых единиц, а с различиями в закономерностях употребления звуковых единиц в русском и китайском языках. Важно нау-

чить студентов закономерностям сочетания согласных и гласных в русском языке и указать на возможность их употребления в разных позициях, а также на те отличия, которые существуют в сочетаемости согласных и гласных в русском языке по сравнению с китайским. Обучение китайцев произношению русских гласных должно строиться с учётом тех различий, которые существуют в родной и изучаемой языковых системах. Это позволит, во-первых, построить курс от простого к сложному и, во-вторых, найти опоры в системе родного языка для обучения китайцев русскому произношению.

И.Г. Добродомов (Москва)

ИСТОКИ И СЛЕДЫ ПРАСЛАВЯНСКОЙ ГОРТАННОЙ СМЫЧКИ <ʔ>

Большой интерес в современной фонетике к гортанной смычке как своеобразной фонеме современного русского языка (см.: Добродомов в: Проблемы фонетики IV, 2002) неизбежно ведет к постановке вопроса о ее происхождении, поскольку исследователи давно высказывались в пользу существования подобного звука уже в праславянской фонетике, где было отмечено: «§ 96 Въ известную эпоху жизни общеслав. праязыка все начальныя его гласныя стали произноситься съ придыхательнымъ приступомъ, переходившимъ затемъ при известныхъ условияхъ в h, й, ѣ»¹³.

С этим протетическим звуком, прикрывавшим начальный якобы чисто вокалический слог, исследователи уже давно связывали появление протетических согласных.

Но, насколько мне известно, в славянском историческом языкознании никто до сих пор не ставил вопроса и том, откуда появился этот пограничный сигнал на стыке вокалического конца и вокалического же начала соседствующих слов; также не рассматривалась проблема следов этого пограничного сигнала в последующей жизни славянских языков, кроме увязывания этого постулируемого звука со славянскими протезами.

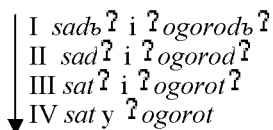
¹³ Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915. С. 54.

Появление гортанной промежуточной артикуляции на стыке слова с вокалическим исходом (а таковыми были все славянские слова в эпоху открытых слогов) с вокалическим началом (анлаутом) следующего слова можно рассматривать как имманентное явление, позволяющее избежать зияния и сандхических преобразований, неизбежных в этих условиях. Толчком же для проявления этого имманентного процесса был переход анлаутных согласных *-t, -d, -s, -r, -n* в гортанную артикуляцию перед их исчезновением (падением конечных согласных в ранний праславянский период).

Появившаяся в конце слова на месте исчезнувших согласных гортанная артикуляция стала восприниматься как граница слова в его конце, впоследствии оторвавшаяся от него и перешедшая постепенно к следующему слову в качестве его начала. Она исчезла перед шумными согласными анлаута и сохранилась перед глухими и сонорными согласными анлаута следующего слова.

Прикрывающая кажущийся абсолютным анлаутом гласный в начале слова, гортанная смычка обнаруживается в русском произношении преимущественно в этой позиции при появлении перед этим анлаутом как полнозначного, так и служебного слова.

Именно конечная гортанная смычка, будучи глухим согласным, после падения *ъ, ь* вызвала оглушение оказавшихся перед нею ауслаутных звонких шумных согласных, что проходило поэтапно и привело к оглушению звонких шумных не только в абсолютном конце слова, но и перед гласными и сонорными согласными на стыке со следующим словом:

Обращение к постулируемому славянской сравнительно-исторической фонетикой глухому смычному гортанному согласному, рефлекс которого в русском языке сейчас сохранились лишь фрагментарно, позволяет дать правдоподобное объяснение оглушению звонких шумных согласных в конце слова после падения *ъ, ь*.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КВАЗИСЕГМЕНТНОЙ СТРУКТУРЫ РЕЧЕВЫХ СИГНАЛОВ РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМ

Сравнительное изучение интонации в типологически разных языках сопряжено с проблемой выбора базисных сегментов речевых сигналов для проведения первичного анализа их временных, энергетических, мелодических и формантных параметров. Сегментация речевых сигналов, традиционно проводимая на основе выделения единиц речи, часто становится невозможной по причине недостаточной статистической значимости акустических делимитативных признаков речевого сигнала. Соответственно возникает необходимость поиска новых методов сегментации речевого сигнала, основанных не на системах единиц языка и речи, а на универсальности свойств речевых механизмов.

Известно, что экстралингвистические факторы процесса речевой коммуникации модифицируют просодику речи его участников (частоту основного тона, темпоральные, амплитудные и формантные параметры речевого сигнала). Вегетативные процессы в системе центрального управления речью обуславливают ее эмоциональный компонент, а сознательные процессы управления речью – интенциональный компонент [1]. Эти два важных компонента речевого механизма непосредственно отражены как в акустической форме речевого сигнала, так и на разных уровнях его структуризации.

Поскольку просодика разных языков может сильно отличаться, то встает вопрос: существуют ли кроме просодических другие, универсальные, характеристики речевого сигнала, которые также являются переносчиками в нем экстралингвистической информации: такие параметры, которые опосредованно связаны с влиянием экстралингвистических факторов на механизмы речи?

На наш взгляд, при поиске ответа на этот вопрос перспективным может стать анализ временных параметров квазисегментной структуры речевого сигнала (КСС), которая обнаруживается посредством оценки динамики текущих значений ко-

эффициента корреляции между выборками значений формантных параметров сегментного состава речи. Такая динамика на временной оси образует квазициклы речевого сигнала (КЦР), в которых длительности первой фазы (с высоким уровнем текущих значений коэффициента корреляции, больше 0,7) обозначаются t_1 мс, а длительности второй фазы (с низким уровнем коэффициента корреляции, равным или меньше 0,7) – t_2 мс.

Эксперименты показали, что квазисегментная структура речевого сигнала наряду с его просодической организацией является одним из средств передачи в нем экстралингвистической информации. Характер распределения текущих значений временных параметров КЦР (t_1 мс и t_2 мс) опосредованно отражает динамику процесса центрального управления речевым трактом на стадии моторной реализации программы высказывания. КЦР характеризуются свойством изоморфизма по отношению к просодической организации речи.

Предполагается, что природа квазисегментной структуры речевого сигнала связана с взаимодействием совместно функционирующих нейронных систем, управляющих поперечным сечением речевого тракта и его мышечным напряжением вдоль оси речевого тракта.

Ниже приводятся данные статистической оценки влияния факторных эффектов на средневыворочные величины параметра t_2 в речевых сигналах при семикратном репродуцировании пятью русскими и пятью китайскими дикторами коммуникативных заданий просьбы, приказа и требования в случайном порядке (дикторы читали одинаковый по смыслу текст на родном языке, см. таблицы 1 и 2).

Таблица 1.

1-ФАКТОРНЫЙ ДИСПЕРСИОННЫЙ АНАЛИЗ выборок текущих значений параметра t_2 , характерных для речевых сигналов русских дикторов (непараметрический)		
Краскал-Уоллис=5,981	Значимость=0,05	степ.своб = 2
	Гипотеза Н ₀ : <Нет влияния фактора на отклик>	
Джонкхьер=53	Значимость=0,0054	степ.своб = 3,14
	Гипотеза Н ₁ : <Есть влияние фактора на отклик>	

Таблица 2.

1-ФАКТОРНЫЙ ДИСПЕРСИОННЫЙ АНАЛИЗ выборки текущих значений параметра t_2 , характерных для речевых сигналов китайских дикторов (непараметрический)		
Краскал-Уоллис= 5,94	Значимость= 0,051	степ.своб = 2
	Гипотеза H_0 : <Нет влияния фактора на отклик>	
Джонкхьер= 76	Значимость= 0,006	степ.своб = 3,17
	Гипотеза H_1 : <Есть влияние фактора на отклик>	

Отраженные в таблицах результаты статистического анализа показывают, что критерий Джонкхиера выявляет значимое влияние коммуникативных установок русских и китайских дикторов на средневыворочные значения параметра t_2 . Это позволяет сделать вывод об однородности механизмов производства речи с коммуникативной установкой 1) просьбы; 2) приказа; 3) требования, характерных для русской и китайской языковых систем.

На основе представленного метода анализа временных параметров квазисегментной структуры речевого сигнала можно также проводить диагностику эмоционального состояния диктора и анализ экстралингвистических компонентов различных видов дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

Жинкин Н.И. Механизмы речи. М., 1958.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОРФОЭПИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ

Вопрос о существовании территориальных вариантов русского литературного языка вызывает научный интерес и в настоящее время. Более пристальное изучение результатов взаимодействия литературного языка и диалектов позволит охарактеризовать современное состояние произносительной нормы, её функционирование в речи носителей литературного языка.

Рассмотрим особенности распространения ассимилятивной мягкости согласных в речи жителей, проживающих на территории Красноярского края. Красноярский край представляется не только как самостоятельная административная единица, но и как лингворегион с условно выделяемыми различными типами языковой среды. В спектре проблемы регионоведения на обозначенной территории можно выделить следующие компоненты: ядро, или мегаполисная зона – г. Красноярск; периферия, или околосамополисная зона – г. Ачинск, г. Канск и маргинальная зона – село Сухоной Уярского района, посёлок Ельники Иланского района Красноярского края. Жители обозначенных населённых пунктов участвовали в эксперименте с 2000 г. по 2007 г., всего в исследовании приняло участие 230 чел., в настоящее время ведётся сбор материала в Богучанском районе Красноярского края. Информанты отбирались по единым требованиям: 1) высшее или среднее специальное образование; 2) русский язык является родным. Языковой материал был получен при помощи направленного метода – чтение фонетически сбалансированного текста «Антонович», составленного М.В. Пановым. Собранные данные впоследствии проверялись посредством использования ненаправленного метода – запись спонтанной речи тех информантов, которые уже участвовали в эксперименте.

В лингвистических и социолингвистических работах определены общие тенденции развития произносительных вариантов в области консонантизма, которые сводятся к следующему: последовательно вытесняются традиционные орфоэпические варианты хронологически новыми вариантами – изжива-

ется мягкость первого зубного, губного согласного в позиции перед мягким губным, зубным (например, *ве[т'в']и* – *ве[тв']и*, *по[з'л']ить* – *по[зл']ить*, *лю[б'в']и* – *лю[бв']и*); произносительные варианты [ж':], [шн], [ш'ч'] вытесняются вариантами [ж:], [ч'н], [ш':] (например, *по[ж':]е* – *по[ж:]е*; *ску[шн]о* – *ску[ч'н]о*; *весну[ш'ч']атый* – *весну[ш':]атый*).

Определение М.В. Панова ассимилятивной мягкости согласных как напряжённой точки орфоэпии является актуальным на современном хронологическом срезе. Продолжающиеся исследования подтверждают наличие значительной вариативности и неравномерности процесса изживания ассимилятивной мягкости.

Ассимилятивная мягкость согласных зависит от многих факторов: качество согласных по месту и способу образования, сонорность / шумность согласных, положение сочетания согласных в слове (внутриморфемная / сандхияльная позиция), качество предшествующего гласного (переднего / непреднего ряда), употребительность и стилистическая окраска слова, позиция по отношению к ударному гласному, позиция конца слова, длина слова, степень прозрачности связи первого звукосочетания с твёрдой фонемой, сочетания трёх и более согласных с последним мягким и др. Названные условия, сдерживающие или ускоряющие процесс – изменение $C'C' > CC'$, указаны в статье «Факторы, обуславливающие течение процесса – изменения $C'C' > CC'$ в современном русском языке» [Касаткин 2003: 144–172]. В настоящей работе обращается внимание на некоторые позиции, в которых вероятным высока: 1) начало слова (*здесь*, *сняла*, *злясь*; *две*, *светится*, *свежей*); 2) стык предлога и слова (*без дела*, *с нею*); 3) стык приставки и корня (*сделает*, *измеряю*); 4) разные артикуляционные характеристики согласных звуков – зубной перед мягким губно-зубным внутри слова (*Матвей*, *резве*, *ветвистыми*); 5) губной перед мягким губным согласным (*бомбили*, *о бомбе*, *о любви*).

При сопоставлении частотности употребления мягкого варианта в речи жителей мегаполисной, периферийной и маргинальной зон было обнаружено следующее:

1. Ассимилятивная мягкость согласных распространена неравномерно: убывает от маргинальной зоны к мегаполисной. В речи жителей г. Красноярска чаще встречаются варианты, относящиеся к «младшей» орфоэпической норме, причём эта тенденция обнаружена во всех вышеназванных группах слов, что подтверждается статистически, например, в слове [з'л']ясь частотность мягкого варианта в речи жителей п. Ельники Иланского района Красноярского края составила 1,000, в речи жителей г. Канска – 0,530, г. Ачинска – 0,175, п. Сухоной Уярского района Красноярского края – 0,000, г. Красноярска – 0,000; [с'н']яла - п. Ельники - 1,000, г. Ачинск, п. Сухоной – 0,800, г. Канск – 0,720, г. Красноярск – 0,000. В остальных группах слов употребление мягкого варианта также высоко в периферийной зоне (г. Канск), маргинальной (п. Ельники) и снижено в мегаполисной зоне (г. Красноярск) и территориально более близких зонах (Уярский район, г. Ачинск).

2. Ассимилятивная мягкость согласных последовательно поддерживается в речи жителей периферийной и маргинальной зон, удалённых от г. Красноярска, что позволяет предположить формирование нового, достаточно крупного территориально-системного образования – региолекта. По определению А.С. Герда, «региолекты имеют свой ареал, но он охватывает не только ряд сопредельных диалектов, но и города и посёлки городского типа, расположенные в этом ареале» [Герд 2000: 48]. При выделении границ региолектов в качестве коррелята используется понятие территориального говора как самой мелкой ареальной разновидности языка. Региолекты как особая форма устной речи утратили многие архаические черты диалекта, развили новые особенности, с одной стороны, связанные с литературным языком, с другой стороны, с просторечием, не совпадая с ним полностью [Герд 1995: 13].

Функционирование традиционных орфоэпических вариантов в речевой практике продолжается. Следовательно, процесс замены орфоэпических вариантов «старшей» произносительной нормы на варианты «младшей» произносительной нормы не завершён. Это во многом объясняется распространением русского литературного языка на большой территории России. Территориальный фактор является определяющим при функционировании орфоэпических вариантов в разных регионах

нашей страны. Возникающие региональные особенности в общих орфоэпических процессах современного русского литературного языка обуславливаются диалектной базой, формирующей локальные разновидности литературного произношения.

ЛИТЕРАТУРА

Герд А.С. Введение в этнолингвистику. СПб., 1995.

Касаткин Л.Л. Факторы, обуславливающие течение фонетического процесса-изменения $C'C' > CC'$ в современном русском языке // Русский язык в научном освещении. – 2003. № 2 (6). С. 144–172.

Л.М. Захаров, О.А. Казакевич (Москва)

ФРАЗОВАЯ ИНТОНАЦИЯ В КЕТСКОЙ, СЕЛЬКУПСКОЙ И ЭВЕНКИЙСКОЙ РЕЧИ

В докладе предполагается представить предварительные результаты инструментального анализа фразовой интонации аудиозаписей кетской, селькупской и эвенкийской речи. Анализ проводился в рамках проекта «Взаимодействие сегментного и супraseгментного уровней в фонетике языков Сибири (на материале контактирующих языков среднего течения Енисея и сопредельных территорий)»¹⁴. Материалом послужили аудиозаписи монологической (фольклорные тексты, рассказы о жизни) и диалогической речи на говорах селькупского, кетского и эвенкийского языков, функционирующих в бассейне Среднего и Верхнего Таза и Среднего Енисея, сделанные в 2000–2006 гг.

Интонация (фразовая просодия) обычно определяется как «совокупность просодических характеристик предложения: тона, громкости, длительности, фonaции» [Кодзасов, Кривнова 2001: 380]. Тон считается важнейшей из этих характеристик. В проведенном исследовании основное внимание было направлено на анализ изменения значений основного тона. Анализ проводился с помощью программы Speech Analyzer.

Если аудиозапись нарратива сделать сравнительно легко (для этого достаточно попросить информанта что-то расска-

¹⁴ Проект реализуется при поддержке РФФИ: грант № 05-06-80234.

зять и в случае согласия перед началом рассказа включить соответствующую звукозаписывающую технику), то записи спонтанной диалогической речи получить гораздо сложнее. Дело в том, что обращенная к информантам просьба поговорить между собой на своем языке, чтобы мы смогли сделать аудиозапись, даже в случае согласия информантов провести для нас «показательную беседу», обычно дает материал сомнительного качества именно в силу «показательности» этого материала, его неспонтанности. Неестественность беседы имеет и еще одну важную причину: сегодня для подавляющего большинства кетов, для многих селькупов и эвенков, владеющих своим этническим языком, в повседневной жизни стало гораздо естественнее говорить по-русски, чем «по-своему». Несколько небольших диалогов нам удалось записать в качестве побочного продукта словарной работы, когда во время сеанса озвучивания словаря к нашему информанту заходил кто-то из его знакомых, и между гостем и хозяином происходил обмен репликами. Еще одним источником диалогической речи в наших корпусах оказывается запись рассказов о жизни и особенно запись фольклорных текстов: хорошие рассказчики в своем повествовании порой весьма эмоционально воспроизводят речь персонажей. Для увеличения объема и тем самым хотя бы отчасти представительности рассматриваемого материала мы включили в анализ диалогические вкрапления в нарративные тексты.

Несмотря на то, что селькупский, кетский и эвенкийский языки не состоят в родстве, а кетский еще и кардинальным образом отличается от селькупского и эвенкийского по внутреннему устройству, фразовая просодия в этих языках имеет много общих черт.

В текстах на всех трех языках в зависимости от тонального завершения можно выделить всего один основной и два периферийных типа синтагм.

Основной тип – это синтагмы с падением тона в конце. Нарративные тексты содержат практически исключительно синтагмы (как конечные, так и неконечные), характеризующиеся падением тона на конце, причем максимальное падение тона,

как правило, наблюдается в конечной синтагме предложения¹⁵. Синтагмы этого типа, как правило, начинается с небольшого повышения тона и затем постепенного его падения. При этом в селькупской и кетской речи начало синтагмы имеет более высокую частоту, чем конец. Для эвенкийской речи характерно более низкое значение частоты тона (по сравнению с кетским и селькупским языками) в начале синтагмы, сопоставимое со значением частоты тона в конце синтагмы. Максимальное значение частоты тона обычно совпадает с наиболее значимым словом синтагмы.

Синтагмы с падением тона на конце преобладают и в диалоге, в том числе и во всех типах вопросов (как общих, так и частных). Периферийные типы синтагм встречаются редко и только в диалоге. Отклонения от интонационного стандарта мы в большинстве случаев находим в синтагмах, имеющих в качестве наполнения периферийную лексику или даже внеязыковые «звуковые жесты». В наших примерах это 1) побудительные частицы, 2) вопросительное междометие 3) обращения, 4) невнятное «мычание», выражающее согласие. При этом нестандартные интонационные контуры жестко не связаны ни с одной из этих лексических единиц, а оказываются факультативными.

ЛИТЕРАТУРА

Захаров Л.М., Казакевич О.А. К вопросу о границах предложения в устных текстах на языке без устойчивой письменной традиции // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог'2006. М., 2006. С. 168–177.

Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика. М., 2001.

¹⁵ О возможности использования интонации в качестве критерия при членении селькупских и кетских текстов на предложения см. [Захаров, Казакевич 2006].

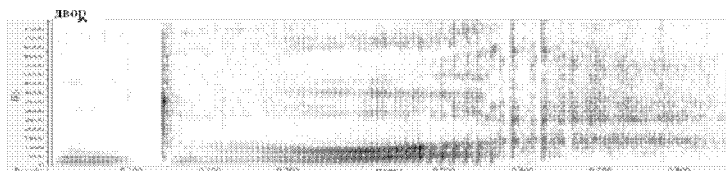
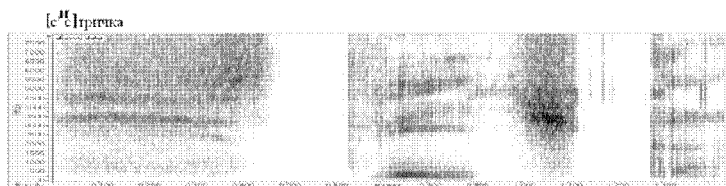
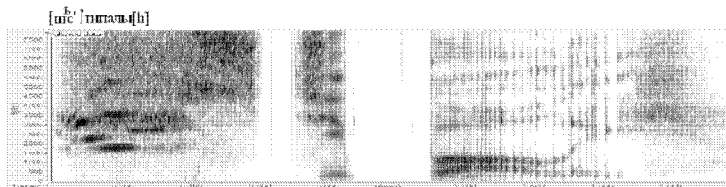
«НАСТУПЛЕНИЕ» ДИАЛЕКТНОЙ ФОНЕТИКИ НА ОРФОЭПИЧЕСКУЮ НОРМУ РУССКОЙ РЕЧИ

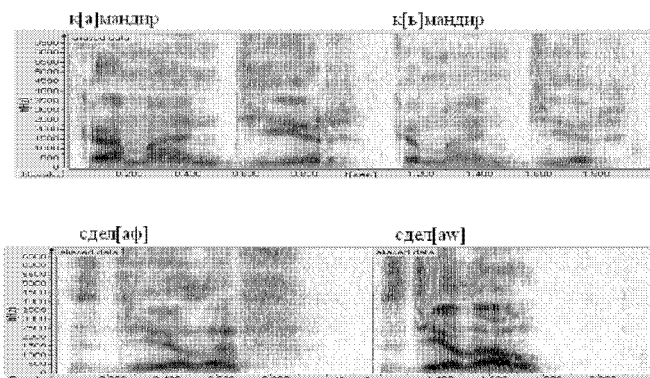
Звучащая речь XXI века являет собой сложное переплетение факторов, влияющих на ее развитие. Фактор социальный многоаспектен: это убыстрение темпа жизни, который отразился на речи всех развитых стран мира – темп артикуляции при речеобразовании сократился. Урбанизация способствовала привлечению значительного количества населения из сельских местностей, преимущественно с территорией близлежащих к крупным городам.

Отсюда одна из самых известных особенностей речи москвичей и петербуржцев, а именно: ритмические модели фонетических слов у петербуржцев имеют иное распределение по длительности гласных неударных позиций по сравнению с ударными. Отметим, что петербургская произносительная норма испытывала влияние севернорусских говоров без редукции, отсюда особенности ритмических моделей фонетических слов. Длительность второго предударного слога у петербуржцев около 40% по отношению к ударным, а у москвичей, чья речь формировалась на границе среднерусских говоров с редукцией, гласные, особенно в первой заударной позиции и слабых предударных, значительно короче, нежели у петербуржцев.

Известно, что редукция средневеликорусских говоров с редукцией приводит к тому, что в частотных лексемах слабый неударный слог выпадает и таким образом меняется ритмика слова. Например: вместо п[ъ]роход жители средней Волги произносят прох[о]т[т]; двухкорневое слово «теряет» слог и из трехсложного становится двусложным. По-видимому этим говорам в известной мере современное московское произношение обязано появлению глухих гласных между глухими шумными согласными, а также оглушению сонантов [j, р, л] после гласных [маh, двор, мол']; в позиции между глухими шумными, особенно длительными щелевыми. Высокую частотность приобретают «встроенные» гласные [ш^бс']типалый, [ш^бш]енкова (Шушенкова), [ш^бс']тливый и др.

Гласные верхнего подъема даже [y] подвергаются качественной и количественной редукции, оглушению и «встраиванию» в согласный. Нормативное произношение не допускает редукции первого предударного, однако высок процент «встраивания» гласного [и] первого предударного слога, например, [пѣс'н'д'ел'] (поседел), за[ш'б'т']ительный, [сш'итат'] (сосчитать).

Южневеликорусские говоры также вносят в речь остаточные диалектные явления. Даже у лиц широко образованных наблюдается отсутствие редукции заударных слогов: дум[аг'] вместо дум[ыг'], в слабых предударных: [ка]мандир. Часто отсутствует «иканье» при нормативном произношении в целом.

В области консонантизма отмечено употребление губно-губного [w] отсутствие оглушения звонких согласных в конце слова перед гласным или сонантом. Наиболее устойчивы навыки просодических отклонений, которые говорящий может исправить только в результате длительной тренировки. Так, профессора-филологи Г., П., чья речь сформировалась на южневеликорусской территории с характерным полным «аканьем», после пятидесяти с лишним лет постоянного проживания в Москве они сохранили ряд просодических особенностей слова и высказывания.

В заключение отметим, что современная звучащая речь развивается в основном по внутренним законам русского языка, утрачивая ряд особенностей, составляющих относительно избыточность, но не разрушая основы строя языка.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЛУХОВОГО ВОСПРИЯТИЯ ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ РУССКИХ СЛОВ БЕЗ ОПОРЫ НА НАПИСАНИЕ

Фонетический зачет, который сдают все иностранные студенты, занимающиеся в Санкт-Петербургском политехническом университете по программе предвузовской подготовки, к концу декабря 2006 года сдавали 110 студентов. Из них подавляющее большинство – это студенты из Китая: 69 человек (76 %). На втором месте по численности – студенты из Вьетнама 10 человек 11%. 6 студентов из Монголии, 6 – из Ганы, 4 – из Турции, 3 из Кот Д'Ивуара, 2 из Израиля. Такие страны как Замбия, Марокко, Бенин, Судан, Кабо-Верде, Коста-Рике, Перу, Корея, Франция и Финляндия представлены единичными студентами. Зачет состоял из двух частей. Первая часть состояла из 4 заданий и была направлена на оценку навыков восприятия русской речи на слух. Вторая часть, с таким же количеством заданий, была посвящена оценке произносительных навыков. В целом, первая часть зачета, посвященная восприятию, вызвала гораздо больше трудностей у всех студентов, вне зависимости от национальности.

Первое задание фонетического зачета, посвященное восприятию, представляло собой запись со слуха изолированно произнесенных открытых и закрытых слогов, состоящих из одного гласного и одного согласного. Всего 32 слога, включающие практически все фонемы русского языка. У подавляющего большинства студентов (92%) присутствовали те или иные ошибки, связанные с неразличением ряда русских фонем. Это прежде всего /t/ – /l/, /i/ – /ы/ (китайскими студентами фонема /ы/ часто еще воспринимается как /e/), /o/ – /u/. Много ошибок на восприятие мягкости – твердости согласного, особенно на конце слова. Китайские, вьетнамские, монгольские и некоторые студенты из Ганы очень плохо различают звонкие и глухие согласные. Камнем преткновения для большинства студентов начального этапа обучения являются русские аффрикаты «с», «щ». Чаше всего их заменяют /t'/ или /s'/. Типичная ошибка – неразличение свистящих и шипящих: /s/ – /š/, /z/ – /ž/, причем на фоне неразличения звонкости- глухости это дает очень пеструю картину. А /š'/, фо-

нема, по сути своей являющаяся мягким долгим вариантом и без того трудной фонемы /š/, вызывает еще и дополнительные трудности. В целом, характеризуя восприятие иностранными студентами изолированно произнесенных русских слогов, можно сказать, что количество ошибок зависит от фонемного состава слога.

Второе задание первой части подразумевало запись со слуха 20 русских слов, которые пишутся так же, как и произносятся. Из них 16 слов, с которыми студенты неоднократно сталкиваются в течение 2 первых месяцев обучения (*журнал, звук, банк, зал, брат, шкаф, стол, стул, музей, чей, врач, улица, мир, цвет, сыр, рис*) и 4 слова, вероятность знакомства с которыми на данном этапе обучения невелика. Это слова «щит», «лист», «бумага» и «папка». Краткое описание результата можно выразить фразой «Почувствуйте разницу!». Эти слова собрали рекордное количество ошибок – порядка 90 %, несмотря на то, что знакомые слова содержали фонемы, традиционно вызывающие большие трудности как при восприятии, так и при произнесении: /c/, /č/, /t/, /ы /, /ž/, а среди «незнакомых» слов только слово «щит» содержало фонему такого же уровня трудности.

Отмечено 15 вариантов написания слова «бумага» (*пумака, бумака, пумак, бумга, пумага, питида, вумага, умаг, помага, бумога, бумаго, бмаго, бумка, бумада, бумага*) и 24 варианта написания слова «папка» (*папка, бабака, бабка, пачка, попка, бапуга, бабушка, бапка, побка, пабка, папука, барка, брг, бабугка, побота, бопука, бабука, парка, бопка, пабука, вапка, побга, бобука, бапука*). То есть, при восприятии изолированно произнесенных слов решающим аспектом в отношении количества ошибок является не фонемный состав слова (как в случае восприятия слогов), а то, насколько данное слово освоено студентом в процессе обучения. О чем это говорит? Мне кажется, это объясняется процессами коартикуляции фонем (то есть процессом их взаимовлияния друг на друга, если их произнесение не является изолированным) и различием между артикуляторными программами слога и слова. Изолированно произнесенный слог подразумевает минимально необходимое уподобление фонем друг другу, достаточное для их беспрепятственного слитного произнесения. Кроме того, изолированный слог всегда находится в ударной позиции. Произнесение слова характеризуется единой для всего слова программой артикуляции, которая не только подразумевает гораздо более сильное взаимо-

влияние всех включенных в него реализаций фонем, но неизбежные процессы редукции (связанные с местом ударения) и ассимиляции (связанные со звонкостью-глухостью и твердостью-мягкостью). Соответственно, студенты, переходя в процессе обучения от восприятия изолированно произнесенных звуков и слогов к восприятию слов, учатся воспринимать слова не как последовательность уже знакомых им звуков и слогов, а как единые звуковые комплексы, написание которых они, как правило, заучивают отдельно (что связано, в частности, и с проблемами русской орфографии). Поэтому еще не освоенные звуковые комплексы они членят на фонемы с огромным трудом. Даже в тех случаях, когда написание слова, в целом, соответствует произношению (вариант «как слышится, так и пишется»), процессы «подстройки» звуков друг к другу (коартикуляционные явления) настолько усиливаются на уровне слова, что студенты все же учатся воспринимать и произносить слова не пофонемно, и даже не послогово, а именно как единые звуковые комплексы. Следует отметить, что ни с артикуляционной, ни с акустической точек зрения речевой поток также не членится на отрезки, соответствующие звукам речи. Нечленность же указывает на единство артикуляторной программы. Фонема является минимальной единицей языка: в речи же минимальной единицей является слог [Зиндер, 1960; Соссюр, 1933]. Как минимальная речевая единица слог характеризуется единой артикуляторной программой. При исследовании достаточно больших речевых цепочек наблюдается изменение характера программируемой единицы. при увеличении речевой цепочки от слога до текста характер программы меняется, что приводит к изменению программируемой единицы. Учитывая тот факт, что следствием реализации единой артикуляционной программы являются различные коартикуляционные явления, можно также предположить, что с изменением программируемой единицы явления, связанные с коартикуляцией, изменяются.

В докладе подробно рассматриваются ошибки иностранных студентом, сделанные при восприятии незнакомых слов и предлагаются пути решения вопроса о том, на каких этапах обучения и с помощью каких методических приемов возможно постепенное решение проблемы восприятия иностранцами новых для них русских слов «со слуха», с которыми они неизбежно сталкиваются в процессе жизни и получения образования в России.

ПРОИЗНОШЕНИЕ ВОКАЛИЗОВАННЫХ / НЕВОКАЛИЗОВАННЫХ ВАРИАНТОВ РУССКИХ ПЕРВООБРАЗНЫХ ПРЕДЛОГОВ

Известно, что односложные предлоги *в, с, из, от, о (об), к, над, под, без, перед, перед, через* могут иметь варианты *во, со, изо, ото, обо, ко, надо, подо, безо, предо, передо, черезо*. Но условия появления таких вариантов остаются не вполне изученными. Исследователи указывают на большое количество факторов, вызывающих появление гласного в конце предлога, в то же время каждый автор говорит о непоследовательном поведении предлога в конкретных условиях.

Чтобы прояснить этот вопрос, был проведен фонетический эксперимент, в котором участвовали 20 москвичей разного пола и возраста. Ими были начитаны на магнитофон типизированные предложения, в которых предлоги находились в меняющихся орфоэпических условиях. Также были исследованы аудиозаписи речи дикторов радио и телевидения, материалы официальных сайтов Интернета. Анализ данных позволил сделать следующие выводы.

На произношение предлогов *без, в, из, к, об, от, перед, пред, под, над, с, через* с гласным *о* оказывают влияние следующие факторы:

Фонетические

1) Наличие определенных сочетаний согласных в начале знаменательного слова: для всех предлогов: а) сочетания [сонорный + шумный]: *во Ржев* (25%), *но во Зеж* (0%) б) сочетания [в,ф + согласный]: *ко Фряново* (25%), *но ко Шрамовке* (0%); в) сочетания трех и более согласных (*ко Пскову, подо Влтавой*); для предлога *со* – сочетание [с, з, ш, ж + согласный], а также звук [ш']: *со Сретенском*(50%), *но со Дрездене* (0%); отмечены единичные случаи употребления варианта *ко* перед сочетанием [г + шумный]: *ко Гдову* (5%);

2) Длина фонетического слова в словоформе: чем короче слово, тем вероятнее вокализованность предлога: *ко лжи* (85%), *но ко лживым* (35%); 3). Расстояние между предлогом

и ударным гласным знаменательного слова: *во ржѣи* (95%), но *во ржанѣи* (5%);

4) Акцентное выделение предлога: Вы живете *во́* *Владимире* или *неподалѣку*? (во – 100%) и *Я живу в* (во) *Владимире* много лет (20% и 80% соответственно).

Качество ударного гласного в знаменательном слове не оказывает существенного влияния на появление гласного в предлоге. Ср.: *во львицу* (20%) и *во львенка* (20%); *во Франции* (80%) и *во Фрунзе* (75%) – во втором случае возможна ассимиляция с лабиализованным [y].

Лексические

Вокализированный предлог отмечен:

1) во фразеологизмах:

а) с формами местоимений *весь, всякий*: *во весь голос* (100%);

б) книжного характера: *мужчина в* (во) *цвете лет* (40% и 60% соответственно);

2) в словоформах с частотными освоенными словами, *во мгле* (80%) и *во Мглин* (0%); *во Франции* (80%) и *во Фряново* (65%). (Нельзя не отметить, что это наблюдение неожиданно, по аналогии с другими участками системы следовало бы ожидать предлогов на -о в редких словах).

3) перед формами личного местоимения *мне, мной*: *во мне, передо мной*;

4) перед местоимением *что*: *во что, обо что*;

5) перед формами слов *многое, многие*: ср. *Во многих* (100%) и *в многих* (0%); *со многими* (70%) и *с многими* (30%);

4) перед формами местоимений *весь, всякий, всяческий*: *во всяких* (90%) и *в всяких* (10%);

Грамматические

Предлог *во* употребляется:

1) в составе производных предлогов и предложно – падежных сочетаний: а) со значением совокупности людей, совместности (в род и твор. п.): *во главе комитета, во главе с министром*; б) со значением временного интервала (в род.п.): *во время урока*; в) в значении «ради» (в род. п.): *во имя высокой цели*;

2) как самостоятельный предлог со значением цели (во = ради) в словоформах официального или торжественного стиля: *во избежание* (ср.: *чтобы избежать*); *во славу* (ср.: *ради славы*).

Проведенные эксперименты показали, что в грамматическое значение словоформы существенно не влияет на поведение предлогов. Ср.: нуждаться *во дворе* [пример Е.А. Еськовой] (объектное значение, 100%) и *Мы вышли во двор* (обстоятельное значение, 100%).

Стилистические

Стилистический фактор оправдывает появление вокализированных предлогов как средства выразительности: 1) в фольклоре или при его стилизации (*во поле во чистое; У меня ль, молодца, // Ровно в двадцать лет! // Со бела со лица // Спал румяный цвет.* (А.Н.Полежаев, Песня, 1832);

2) в высокопоэтическом, торжественном стиле (И во имя твое святое//Поцелую вечерний свет. (М.И.Цветаева).

Как показало исследование, произношение вокализированных вариантов предлогов регулируется не только фонетически – «работает» совокупность языковых факторов, иногда действующих разнонаправленно, иногда согласованно, в связи с чем прогнозировать появление вокализованного/невокализованного варианта предлога можно только вероятно.

Л.Г. Зубкова (Москва)

СЛОГ И ФОНЕМА В КАЧЕСТВЕ ЭКСПОНЕНТОВ МОРФЕМЫ

В языке как иерархически организованной системе знаков особенно важен, согласно Л. Ельмслеву, тот факт, что некая «сущность может иногда иметь ту же самую протяженность, что и сущность более высокой степени» [Ельмслев 1960: 303]. Частота такого рода совпадений, как заметил И.А. Бодуэн де Куртенэ, обсуждая соотношение морфемы со словом-синтагмой, имеет типологическую значимость [Бодуэн де Куртенэ 1963, т. II: 183] и отражает степень автономности низшей единицы относительно высшей (ср.: [Зиндер 1979: 38-39]).

Степень автономности низших единиц по отношению к высшим характеризует глубину иерархического членения языкового целого в соответствии со степенью разграничения в нем лексического и грамматического [Зубкова 1999/2003: 167-173, 179-183;

2004: 50-55]. Частота слогов и фонем, способных самостоятельно экспонировать морфему, определенно связана с лексичностью/грамматичностью языка и его значащих единиц. По данным анализа народных сказок на языках различных типов – китайском, йоруба, бурятском, английском и русском¹⁶, слог чаще, чем фонема, выступает экспонентом морфемы, совпадая с ней в своих границах. Если развитие грамматических форм совершается так, как полагал В. фон Гумбольдт, – от отсутствия форм через их аналоги к подлинным формам [Гумбольдт 1984: 130-131, 343], то указанное конститутивное различие между слогом и фонемой вполне закономерно. И не случайно оно особенно ярко проявляется в изолирующих китайском и йоруба и в аналитическом английском, т.е. в языках с низким индексом синтеза (1,13 в английском, 1,32 в йоруба, 1,48 в китайском) и высоким индексом лексичности, а значит, высокой частотой знаменательных морфем (70,9% в китайском, 66,6% в йоруба, 60,4% в английском). Самостоятельными экспонентами морфем в китайском тексте выступают 98,7% слогов и 1,97% фонем, в английском – 78% слогов и 4,2% фонем, в йоруба – 58% слогов и 6,8% фонем. В агглютинативном бурятском и флективном русском с увеличением индекса синтеза (до 1,77 и 2,18 соответственно) и уменьшением индекса лексичности (до 55,2% и 34,1 %) слог остается более активным экспонентом морфемы, но число таких слогов резко сокращается – до 21,8% в бурятском и 28,3% в русском. При этом в синтетическом русском языке в отличие от остальных языков (включая бурятский), принадлежащих, согласно критериям Дж. Гринберга, к аналитическим языкам, возрастает почти до 20% число фонем, самостоятельно экспонирующих морфемы, тогда как в бурятском число фонем-морфем даже меньше, нежели в английском и йоруба, – всего 3 %.

И слог, и фонема чаще выступают самостоятельными экспонентами служебных морфем, реже – знаменательных. Слог чаще служит экспонентом служебного корня, чем аффикса. Фонема же чаще всего экспонирует аффикс и гораздо реже служебный, а тем более знаменательный корень.

¹⁶ Использованы данные, полученные учениками автора М.Д. Бада на материале русского языка и йоруба [Бада 1992] и А.Г. Ивановой на материале английского, бурятского и китайского [Иванова 2003].

Частота слогов-морфем зависит не только от знаменательности/незнаменательности морфем, но и от степени лексичности/грамматичности слов. Эта зависимость отчетливо прослеживается в йоруба, английском и русском языках, в которых частота слогов-морфем в общей совокупности слогов последовательно сокращается с ростом знаменательности словесных знаков – от служебных слов к местоимениям и, далее, к собственно-знаменательным словам: в йоруба с 82,8% до 72,4% и 48,7%, в английском с 98,5% до 92,7% и 62,6%, в русском с 89,1% до 27% и 20%.

В дистрибуции фонем-морфем подобная зависимость обнаруживается в языках флективного строя – слабее в аналитическом английском, сильнее в синтетическом русском. В обоих языках в общей совокупности фонем, конституирующих корневые морфемы в данном классе слов, частота фонем-корней убывает от служебных слов к местоимениям и собственно-знаменательным словам: в английском с 5,2% до 0,5% и 0,0%, в русском с 36,8% до 5,8% и 0,9%. Одновременно в русском в том же направлении увеличивается частота фонем-аффиксов – с 0,0% в служебных словах до 31,9 % в местоимениях и 41,8% в собственно-знаменательных словах.

В соответствии с частотой слогов и фонем, самостоятельно экспонирующих те или иные морфемы в определенных классах слов, меняется и степень автономности данных звуковых единиц по отношению к различным типам морфем в одном и том же классе слов и по отношению к одному и тому же типу морфем в разных классах слов.

ЛИТЕРАТУРА

- Бада Медар Доминик.* Соотношение звуковых и значащих единиц в языках с различным морфологическим строем: Дис. ... КФН. М., 1992.
- Бодуэн де Куртене И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М., 1963.
- Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. I – М., 1960.
- Зиндер Л.Р.* Общая фонетика. М., 1979.
- Зубкова Л.Г.* Язык как форма. Теория и история языкознания. М., 1999/2003.

Зубкова Л.Г. Автономность языковых единиц в их иерархии // Фонетические чтения в честь 100-летия со дня рождения Л.Р. Зиндера. СПб., 2004.

Иванова А.Г. Типологические особенности морфемного строения слова в китайском, английском и бурятском языках // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Владимир, 2003.

Д.А. Иванова (Москва).

ЕЩЕ РАЗ О СТАТУСЕ АНАЛИТИЧЕСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Общей тенденцией развития современного русского языка является стремление к экономии языковых средств, грамматическому лаконизму. Это находит выражение в увеличении числа аналитических конструкций и даже, в иных случаях, предпочтении их простым. Развитием тенденции к аналитизму является формирование в языке новых классов слов с отсутствием «излишней» морфологической оформленности. Одним из таких классов являются аналитические прилагательные, к которым можно отнести не только заимствования *беж*, *хаки* и т.д., но и собственно русские – *гос-*, *проф-*, *глав-* и др., чье присутствие в этой части речи пока не совсем доказано и вызывает неоднозначное отношение лингвистов. Именно этим образованиям и посвящена данная работа.

Впервые аналитические прилагательные как особая часть речи была выделена М.В. Пановым в статье 1971 г. К этой части речи он отнес неизменяемые слова, «обозначающие не-процессуальный признак в отвлечении от форм рода, числа, падежа и выражающие свою отнесенность к определяемому имени существительному аналитически, примыканием». Кроме того, эти слова отличает постоянная, фиксированная пре- или постпозиция при существительном, способность выступать в предложении в роли определения и никогда – в предикативной функции. М.В. Панов также предложил классификацию аналитических прилагательных, выделив 19 классов, и сформулировал причины, мешающие многим лингвистам принять эту часть речи. Среди них были названы: память о

происхождении этих слов и их разнородность, а также особенности орфографии – слитное, раздельное и дефисное написание. Но главное – необходимость доказательства самого статуса таких образований, того, что они являются самостоятельными словами, а не морфемами, частями сложносокращенных слов. Для этого единицы должны обладать способностью свободной сочетаемости, которая обусловлена неизменным либо позиционно изменяемым значением этой единицы во всех сочетаниях, а также возможностью замены данной единицы синонимической. Кроме того, существуют и второстепенные признаки слова: морфологический (цельнооформленность слова), синтаксический (возможность сочетаемости с частицами, союзами), фонетический (ударение, нередуцированность безударных гласных). По мнению М.В. Панова, такие единицы как *проф-*, *парт-*, *соц-* обладали как основным, так и второстепенными признаками слова. Но явление аналитических прилагательных только зарождалось, этот класс еще должен был доказать свою долговременность, «неоднодневность». А для этого требовалось время.

Итак, по прошествии тридцати шести лет с момента опубликования статьи М.В.Панова можно наблюдать следующее. Во-первых, единицы, претендующие на статус аналитов, не исчезли из языка. Становится все более очевидной их сочетаемость с практически неограниченным числом словоформ (точнее, ограниченным лишь семантически). При поиске в электронном Национальном корпусе русского языка, а также при анализе языка газет было установлено, что новые, как тиражируемые, так и окказиональные сложные слова с первой частью, претендующей на роль аналитов, образуются в языке постоянно. К пановским *пресс-хищникам* добавляются *пресс-атташе*, *пресс-брифинг*, *пресс-видеоцентр*, *пресс-коктейль*, *пресс-личности*, *пресс-хапуги*, *пресс-хата* и мн. др.

Во-вторых, в словарях подобные единицы даются с пометой «первая часть сложных слов со значением...» и примерами образований, в которых они встречаются. При этом сложные (или «мнимо сложные» (А.А.Реформатский) слова просто перечисляются, без уточнения их лексического значения, что показывает выводимость его из суммы значений составляющих образование единиц. Отдельные словарные статьи выделяются только

для старых, устоявшихся образований и слоговых аббревиатур (*Госиздат, госсек, госстрах*).

В-третьих, следует обратить внимание на восприятие данных единиц не только лингвистами, но и носителями языка с нефилологическим образованием. Ошибки, допускаемые при написании данных образований: мена слитного написания и написания с графическим сокращением точечного и дефисного типа (*госэкзамен, гос-экзамен, гос. экзамен; госпереворот и гос.переворот; гос. оркестр и госоркестр*) – все это свидетельствует об особом, «самостоятельно-словном» восприятии «первых частей сложных слов».

Итак, многочисленные примеры окказионально образующихся сочетаний, данные словарей, способы графической фиксации подобных единиц, восприятие их носителями языка указывают на устойчивость позиций аналитов в языке, на все более увеличивающуюся продуктивность этого класса.

Однако если ранее проблема аналитических прилагательных рассматривалась, прежде всего, с позиций морфемики и словообразования, то цель данной работы – взглянуть на вопрос с точки зрения фонетики, проанализировать звуковое оформление аналитов, которое, в свою очередь, может добавить недостающие аргументы в пользу «словности» этих единиц. Такими аргументами могут быть фонетические сигналы отдельности аналита: на просодическом уровне – их акцентированность; на сегментном уровне в области вокализма – отсутствие качественной редукции безударных гласных (*г[о]спан, г[о]скомитет*); в области консонантизма – возможность реализации конечных фонем аналитов по законам конца, а не середины слова (*гла[фв]рач, го[сч']иновник, го[сс']екретарь*). Дальнейшая работа будет состоять в подробном исследовании этих явлений.

ОБ ИНТОНАЦИИ СТИХОТВОРЕНИЯ В.ХЛЕБНИКОВА «А Я...»

Интонация письменного текста определяется по ряду объективных признаков лексического, грамматического и пунктуационного характера, а также по субъективным, авторским, приемам экспрессивного синтаксиса, графики, пунктуации, а в поэтическом тексте еще и разбивкой на стихотворные строки.

Стихотворение Велимира Хлебникова «А я...», написанное не по правилам классического стихосложения, задает определенный ритм четким расположением строк, каждая из которых представляет собой ритмическую группу (даже если она состоит из одного слова), интонационно оформленную, - интоному, определяющую направление движения тона и пределы интонационной вариативности.

Стихотворение, состоящее из 70 строк, не имеет деления на строфы, но ритмично повторяющаяся интонация примерно равных отрезков стиха позволяет различить в нем пять частей, соотносимых со строфами, с определенным сходством интонации в зачинах, средней части и концовках.

Интонационный зачин оформлен двумя интонамими восходящего типа, первая из которых реализуется наиболее высоким подъемом тона, а на одной-двух последних строках отмечается постепенное понижение тона, от интономы ровного типа до интономы нисходящего типа.

А я
Из вздохов дань
Сплетаю
В Духов день

Этот характерный интонационный рисунок (вверх-вверх-ровно-вниз) и ритмика играют весьма незначительную роль в развитии смысловых отношений, но они задают особое дыхание, которое проецируется на поэтические образы и вызывает чувственное восприятие полноты жизни с ее цветом, запахами, сверкающими бликами. Не случайно это дыхание сам поэт

назвал *вздохами*. Действительно, интонация зачина напоминает вздох, состоящий из двух глубоких вдохов, от избытка свежего дыхания, и постепенного выдоха.

Средняя часть строфы, написанная трехсложным размером, построена на ритмической смене интоном восходящего и нисходящего типа; эти интонационные волны успокаивают дыхание и настраивают на созерцание сменяющих друг друга картин и образов. В таком медитационном ритме является образ девушки, которой и посвящено стихотворение.

Концовка строфы оформлена двумя интонами нисходящего типа – глубоким падением тона. Образ девушки, мелькнувшей в середине строфы как видение, приобретает здесь конкретные очертания.

Таким образом, интонация стихотворения строится на двойном ритме дыхания – ритме «вздохов», от переполненности ощущений света, цвета, свежего утра, и спокойном, плавном ритме воспоминаний. Такой двойной ритм стиха напоминает движение морских волн, когда высокие валы ритмически накатывают через равные промежутки относительно спокойного волнения.

Все эти ритмы, создаваемые соединением метра и свободного стиха, прихотливым чередованием восходящих, нисходящих, ровных тонов, перекличкой образов, переплетены звуковыми узорами сложных рифм и паронимических подхватов.

Л.В. Игнаткина (Санкт-Петербург)

ДИНАМИКА ВАРИАНТНОСТИ УДАРЕНИЯ В ДУБЛЕТНЫХ ФОРМАХ СЛОВ

Ударение благодаря своей функциональной значимости является одной из важных единиц в фонетической системе русского языка, оно объединяет все слоги в единое целое, обеспечивая тем самым цельнооформленность слова. Многосложное слово без ударения или с неправильным ударением даже может вызвать коммуникативные затруднения. Обычно в слове кодифицируется только одно ударение, иногда два (основное и побочное). Значительно реже кодифицируются два равноправных варианта ударения. В общем словарном фонде доля таких слов

мала, но определение вектора изменений в постановке ударения именно в дублетных формах слов представляет большой интерес как в теоретическом, так и в практическом аспектах.

Материалом данного исследования послужили дублетные формы слов, зафиксированные в Орфографическом словаре Д.Н. Ушакова и С.Е. Крючкова /Словарь для учащихся средней школы в 6 изданиях (с разницей в 10 лет, с 1952 по 2002 годы)/. Количество дублетных форм за полувековой отрезок времени колебалось в разных изданиях от 48 до 30 слов, а общий (совокупный) список слов составил 79 единиц, однако исследовались только 72 единицы, исключение составили 7 слов, представленных не во всех изданиях Словаря. В результате сравнительного анализа выяснилось, что 13,9% слов сохранили двойное ударение (металлургия, одновременный, наголо, иначе, творог), у 40,3% слов два возможных ударения сменились одним (агент, буржуазия, знахарка, полиграфия, эксперт), одно ударение сменилось двумя у 18% слов (девичий, длинноволновый, пригоршня, роженица, тефтели), прошли через стадию варьирования ударения по схеме 1-2-1 16,7% слов (договор, лосось, мышление), прошли через стадию устойчивости ударения по схеме 2-1-2 9,7% слов (апартамент, каменноугольный, колледж), в одном слове (1,4%) становление ударения развивалось по схеме 2-1-2-1: дебаркадер.

Следовательно, в 68,4% случаев вариантность ударения исчезает и кодифицируется одно ударение. Это подтверждает мнение К.С.Горбачевича о том, что два равноправных ударения, как правило, заменяются одним. Однако можно говорить о длительности, волнообразности и непрерывности этого процесса, потому что в 21,6% случаев сохраняется вариантность ударения, причем в 18% слов от этой совокупности одно ударение заменяется двумя равноправными ударениями.

Кодифицированные варианты дублетных форм предъявлялись группе испытуемых, студентов филологов СПбГУ, с просьбой поставить ударение. Анализ полученного материала показал, что в ряде случаев рекомендации Словаря противоречат данным, полученным в ходе эксперимента. Отмечены были также случаи, когда широко употребляемый вариант отсутствовал в Словаре.

В связи с этим при составлении словарей важно учитывать данные экспериментальных исследований, целью которых является определение перспективной нормы произношения.

ВЛИЯНИЕ СЕМАНТИКИ НА МЕСТО УДАРЕНИЯ В КРАТКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

1. Как известно, во многих прилагательных в кратких формах меняется место ударения по сравнению с полной, при этом часто фиксируются варианты места ударения: *мёрзка* – *мерзká*; *узко* – *узкó*; *быстры* – *быстрý*. Но разные лексико-графические источники дают противоречивую информацию об акцентуации указанной группы слов, в связи с чем было предпринято экспериментальное изучение данного вопроса.

На предыдущем этапе исследования были выявлены различные факторы, способные влиять на место ударения в кратких прилагательных – это возраст, пол, техническое/гуманитарное образование информанта, а также устная или письменная форма опроса, ритмические условия во фразе, разные значения одного и того же слова и наличие или отсутствие приставки «не» в кратком прилагательном.

2. В настоящей работе внимание сфокусировано на вопросе о связи между семантикой прилагательного и местом ударения в нем.

Р.Ф. Касаткиной было отмечено различие в месте ударения между семантической группой параметрических прилагательных и омонимичными формами кратких прилагательных с непараметрическим значением. Проведенные эксперименты подтвердили это. Например, в предложениях *Игольное ушко слишком узко для пожилых людей* и *Ущелье узко, поэтому туда трудно попасть* слово *узко* акцентировалось по-разному: в первом случае прилагательное имело значение чрезмерной степени выраженности признака и тяготело к флективному ударению (*узкó*), во втором случае фиксировались варианты места ударения (*узко* и *узкó*) при предпочтительности первого варианта.

3. Для изучения вопроса об акцентировании кратких форм многозначных прилагательных был проведен специальный орфоэпический эксперимент, в котором принимало участие 72 человека. Опрашиваемые начитали на магнитофон 18 фраз, содержащих 13 кратких прилагательных, каждое из которых

было представлено в двух значениях – первичном и вторичном, переносном. Всего было получено 1872 ответа информанта. Предварительная гипотеза, основанная на непосредственных наблюдениях, предполагала, что место ударения в кратких формах многозначных прилагательных может разграничивать эти значения.

Например, слово *близкий* имеет значения 1) находящийся неподалёку, на небольшом расстоянии; 2) коротко знакомый, связанный дружескими отношениями. Например: Маленькие городишки территориально близки друг к другу и Отношения между людьми там не так близки, как в каком-либо провинциальном городке. В первом употреблении формы близки фиксировались варианты ударения (*близкíй* и *блízкий*); во втором случае – абсолютно преобладал вариант близкíй. Аналогично вели себя и другие прилагательные с подобной системой значений (*далёкий, дорогой, мягкий, серый* и пр.)

Как показало проведенное исследование, возможность различения первичных и вторичных значений кратких прилагательных по-разному проявляется в речи людей с гуманитарным и техническим образованием. В речи гуманитариев последовательнее проявляется различное акцентирование прямых и переносных значений многозначных слов, чем в речи «технарей».

При выяснении вопроса о влиянии семантики на место ударения учитывалось также и то, каким способом была получена информация. Выяснилось, что информант, письменно заполнявший опросник и, следовательно, имевший возможность подумать, чаще отражал разным местом ударения различие в значениях кратких прилагательных, чем информант, читавший текст устно и без подготовки.

Итак, как показали результаты проведённого исследования, на выбор места ударения в кратких прилагательных, помимо многих других факторов, влияет и семантика слова.

ОСОБЕННОСТИ АРТИКУЛЯЦИОННОЙ БАЗЫ НЕКОТОРЫХ СРЕДНЕРУССКИХ ГОВОРОВ¹⁷

1. Среднерусские говоры определяются как говоры, совмещающие черты, порознь характерные обоим наречиям. Однако далеко не все диалектные черты известны диалектологам. Одни из них обнаруживаются впервые, другие же получают уточненную лингвогеографическую характеристику.

В 1999-2006 гг. был проведен ряд экспедиций в села Гусь-Хрустального района Владимирской области и Спас-Клепиковского района Рязанской области. Обследовано около 20 населенных пунктов на этой территории. По классификации Захаровой-Орловой это восточные среднерусские акающие и окаяющие говоры. Их характеризует весь комплекс черт, отмеченных в монографии 1970 г. «Диалектное членение русского языка».

2. В экспедициях обнаружена важная черта – какуминальная артикуляция переднеязычных. Согласные [т'], [д'], [с'], [з'] могут артикулироваться в альвеолярной или постальвеолярной зоне, вызывая акустическое ощущение шепелявых. Шипящий ряд согласных также сдвинут назад. В подтверждение сказанного можно указать на сохранение в некоторых говорах более заднего образования передних гласных ([e^a], [и^a]) после некоторых согласных и в начале слова.

Эти говоры объединяет напряженность артикуляции, которая проявляется прежде всего в увеличении длительности согласного. Смычные получают удлинненную фазу смычки и медленную фазу размыкания, что вызывает длительную, неоднородную и напряженную послевзрывную фрикативную фазу. Такие согласные воспринимаются на слух как аффрикаты или аффрикаонды. «Настоящие» аффрикаты ([ц] и [ч]) произносятся как раздельное сочетание смычного и фрикативного, а не как сложный звук с единой артикуляцией.

¹⁷ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ: грант № 05-04-04118а «Говоры Мещерского края».

Свистящие и шипящие также могут иметь неоднородность и увеличенную длительность.

Согласный [р] часто обнаруживает ретрофлексную артикуляцию, которая четко проявляется при широком челюстном растворе перед гласным [а]: [габѣтэ], [гайѣн].

Думается, что в таких говорах в связь с какуминальной артикуляцией переднеязычных должны быть поставлены [l] («эль» средний, европейский) и неполное смягчение согласных, прежде всего [н].

3. Названные черты являются общими для окающих и акающих говоров на территории юга Владимирской и севера Рязанской областей. Система согласных обнаруживает, возможно, общую основу двух говоров, разделенных в настоящее время диалектной границей. Совпадение же изоглоссы оканья-аканья и некоторых других изоглосс с губернской границей Рязань-Владимир ставит под сомнение их древность в регионе.

М.Л. Каленчук, Р.Ф. Касаткина, Л.Л. Касаткин (Москва)

НОВЫЙ ОРФОЭПИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА: ПРОИЗНОШЕНИЕ И УДАРЕНИЕ¹⁸

I. Основные принципы: БОС включает только те слова (вместе с их словоформами), которые имеют а) произносительные варианты, выступающие в одних и тех же фонетических позициях, и/или б) варианты места ударения в одной и той же словоформе или в разных словоформах. В соответствии с традиционным пониманием орфоэпии БОС не приводит варианты грамматических форм.

II. Содержание: Вступительные статьи. Теоретическая статья. Словарь.

III. В словарь включены слова, имеющие следующие особенности.

1. Варианты места ударения: **ба́ржа** и **баржа́**, **джи́нсовый** и **джинсо́вый**, **заржа́веть** и **заржаве́ть**.

¹⁸ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ: грант № 06-04-303а «Большой орфоэпический словарь русского языка».

2. Подвижное ударение: **вода́** – **во́ду**, **це́лый** – **цела́** – **це́ло**, **держа́ть** – **держу́** – **де́ржишь** (не включены слова, у которых при постоянном ударении на окончании в словоформах с отсутствием гласного в окончании ударение сдвинуто на предшествующий слог: *пиро́г – пиро́га, колея́ – колёй*).
3. Наличие дополнительного ударения: **во́донепроница́емый**; **газонокоси́лка**, обычно произносится с дополнительным ударением: *газдо́нокоси́лка*; **микрора́йон**, может произноситься с дополнительным ударением: *ми́крора́йон*.
4. Беглые гласные *е, ё, о* в каких-либо формах: **теле́ц** – **тельца́**, **ко́шка** – **ко́шек**, **пенёк** – **пенька́**, **ро́жок** – **рожка́**, **порошо́к** – **порошка́** (слова с беглой *и* включают и другие орфоэпические особенности; например: **оди́н**, **одна́**, **одни́** – **о[д']ни́**, **ли́сий**, **ли́сего** – **ли[с'й]его** и **ли[с']его**).
5. Варианты звуков в одних и тех же словоформах: **жакёт** \ ж[а]кёт и ж[ы']кёт, **дрóжжи** \ дрó[ж'ж']и и дрó[жж]и, **це́рковь** \ **це́[р]ковь** и *допуст. устарелое* **це́[р']ковь**.
6. Сочетания букв, которые могут произноситься по-разному в разных словах при одних и тех же фонетических условиях: **отли́чник** \ **отли́[ч'н']ик**, **двóечник** – **двóе[шн']ик**; **отягча́ть** \ **отягч[к']а́ть**, **у́мягча́ть** \ **у́мягч[х']а́ть**; **усече́нный** \ **усече́[нн]ый**, в беглой речи возможно **усече́[н]ый**; **кипа́ть**, **кипа́ченный** \ **кипа́че[н]ый**.
7. Буквы, обычное значение которых в данной позиции не соответствует произношению в слове: **помóщник** \ **помó[ш]ник**, **семьсо́т** \ **се[м]со́т**, **близ** \ **бли[з']** го́рода.
8. Омонимы и разные значения одного слова, различающиеся местом ударения или произношением некоторых форм кроме исходной:

бой¹, **боя́**, *мн. бой́, боя́м* \ *Битва, поединок, борьба и др.* (акцентная парадигма АВ);

бой², **боя́**, *мн. бби́, бб́ям* \ *Мальчик-слуга* (а.п. АА);

грош¹, **гроша́**, *мн. грош́и, гроша́м* \ *Старинная монета в России* (а.п. ВВ);

грош², **грóша**, *мн. грóши, грóшам* \ *Мелкая монета в Польше и в Австрии* (а.п. АА);

орден¹, **ордена́**, *мн. орденá, орденáм* \ *Знак отличия за заслуги* (а.п. АВ);

орден², ордена, *мн.* ордены, орденам □ Монашеская община, тайное объединение (а.п. АА);

орден³, ордена, *мн.* ордены, орденам □ орденá, орденáм □ Архитектурный термин (а.п. АА/АВ);

истечь¹ □ Вытечь и др. \\ в формах с сочетанием кш: истéкший... – ис[т'ó]кший;

истечь² □ Окончиться (о времени) \\ в формах с сочетанием кш: истéкший... – ис[т'é]кший.

9. Омографы, различающиеся произношением исходной формы:

бездна¹ □ Пропасть \\ бé[зdn]а и допустимо бé[зн]а;

бездна² □ Много \\ бé[зн]а;

метр¹⁻² □ Единица длины. Стихотворный размер // [м'э]тр; **метр**³ □ Учитель, мастер // [мэ]тр;

незуйт¹ □ Принадлежащий к католическому ордену иезуитов \\ [ии]зуйт, в беглой речи возможно [йи]зуйт и [и]зуйт; **незуйт**² □ Лицемер, коварный человек \\ [йи]зуйт, в беглой речи возможно [и]зуйт;

слéдующий¹⁻², *прил. и суц.* \\ слéд[уй]ший, слéд[у]щий и допуст. слéд[уйу]ший¹⁹; **слéдующий**³, *прич.* \\ слéд[уйу]щий и допуст. слéд[уй]ший;

запасной¹ и допуст. устарелое запáсный, *прил.*; **запасной**², *суц.*;

что¹, *местоим. суц.* Обычно произносится с ударением ђ ни зá что, ни прѳ что и ни за чтѳ, ни про чтѳ; **что**², *союз.* Произносится без ударения.

10. Омографы в обычном письме, не отражающем ударение и не использующем букву ё:

мýка □ Сильное страдание; **мукá** □ Порошкообразный продукт;

пáрить □ Подвергать действию пара; **парíть** □ Дер- жаться в воздухе на неподвижно распростертых крыльях;

здѳрово, *наречие*; **здорѳво**, *междометие*;

нѳбо □ Видимое над землей воздушное пространство; **нѳбо** □ Верхняя стенка полости рта;

¹⁹ На месте [уйу] в этих словах обычно произносится [уу], однако такие фонетические тонкости в словарных статьях не отражаются, а описываются в теоретической статье.

падёж □ Грамматическая категория имени существительного; **падёж** □ Повальная гибель скота;

фен □ Прибор для сушки волос; **фён** □ Сухой, теплый ветер, дующий с гор.

11. Слова, у которых один вариант ударения или произношения является нормативным в литературном языке, а другой (или другие) находится за пределами литературной нормы (диалектные варианты не учитываются): **жа.люзі́** ! *неправильно жа.люзи*; **магазі́н** ! *грубо неправильно мага́зин*; **пре́жде** – пре́[жд'е] ! *не рекомендуется пре́[ж'д'е]*, *неправильно пре́[ж'ж'е]*; **райо́н** – ра[jó]н ! *неправильно ра[ио́]н*.
12. Первые основы сложных слов и приставки, которые могут выделяться сильным ударением во фразе: **водо-**, **до-** и др.
- IV. БОС отличается от других словарей более детальным анализом орфоэпических явлений, включением таких явлений, которые не рассматривались ранее в орфоэпических словарях.
- V. БОС включает много новых слов, вошедших в литературный язык в последние десятилетия.

М.Л. Каленчук (Москва)

О ПОЗИЦИОННОМ ПОДХОДЕ К ОПИСАНИЮ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ²⁰

Традиционно при описании русского литературного произношения выделяют два типа закономерностей – фонетические и орфоэпические. По отношению к фонетике принято считать, что «звук есть функция только двух определяющих – фонемы и фонетической позиции, в которой она находится» (М.В. Панов). К орфоэпии же относятся «вариантность звуковой реализации одних и тех же фонем и вариантность фонемного состава одних и тех же морфем без учета позиционных различий» (Л.Л. Касаткин). Из этих определений следует, что фонетика занимается реализацией фонем в разных позициях, а

²⁰ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ: грант № 06-04-303а «Большой орфоэпический словарь русского языка».

орфоэпия вариантами произношения в одних и тех же позициях. Последнее можно подвергнуть сомнению.

Орфоэпические исследования последних лет (в первую очередь, это работы Л.Л. Касаткина) показали, что орфоэпический материал, также как и фонетический, подчиняется позиционному описанию. Различие между фонетикой и орфоэпией в следующем:

реализация фонемы при действии фонетического закона стопроцентно предсказывается только фонетической позицией (напр., фонема /д/ на конце слова перед паузой реализуется глухим звуком – *са[т]*)

реализация фонемы при действии орфоэпической закономерности вероятно предсказывается целым рядом факторов разного характера, которые ранее было предложено называть орфоэпическими позициями.

Имея в виду, что стопроцентный результат – лишь частный случай вероятностной закономерности и что классическое определение позиции («условия употребления фонем в речи» А.А. Реформатский) не запрещает учитывать любые условия, способные влиять на реализацию фонем, можно построить единое позиционное описание произносительных закономерностей русского литературного языка.

Целесообразно заменить термины фонетическая позиция и орфоэпическая позиция общим термином произносительная позиция, под которым предлагается понимать любые языковые условия, релевантные для реализации фонем. Приведем примеры позиций разного типа, значимость которых была проверена в ходе исследования:

- **Фонетические**

- сегментные (напр., длина слова: *еди́ный* [и^е]ди́ный (64%), [и^е]ди́ный (36%); *еди́ственный* – [и^е]ди́ственный (24%), [и^е]ди́ственный – (76%); межслоговая ассимиляция гласных: *меж на́ми* м[и^е]ж на́ми (17%) и *меж ни́ми* м[и^е]ж ни́ми (68%);

- просодические (напр., *го[з]ба́нк*, но *го́[с]ба́нк* и *го́[з]ба́нк*);

- **Фонологические** (напр., положение перед определённой фонемой: *те́снее те[с']нее* (100%), положение пе-

ред фонемой /н'/) – *честнёе* че[с']нёе (82%) и че[с]нёе (18%), положение перед фонемой /т'/.

- **Лексические** (напр., частота употребления слова и степень его освоенности: *спит* [с']пит (21%) и [с]пит 79%) – *спич* ([с]пич 100%); *майонёз* ([мэй'нэс] – *майоран* [мэ'ярáн]);
- **Словообразовательные** (напр., положение на плотном/неплотном морфемном стыке: *расслаивать* ра[сс]лаивать (92%) и ра[с]лаивать (8%); *расследовать* ра[сс]лёдовать (56%) и ра[с]лёдовать (44%);
- **Грамматические** (напр., различное поведение конечных фонем первообразных/непервообразных предлогов (*скво[с'] окно́*, но *бе[з] окна́*);
- **Графические** (напр., *пу́ганы́й* (пу́га[н]ый 100%) – *испу́ганны́й* (испу́га[н]ый 80% и испу́га[нн]ый 20%).

Но существуют некоторые факты, не поддающиеся позиционному анализу, например, твердость/мягкость согласных фонем в заимствованных корнях перед /э/; произношение звуков на месте буквосочетания чн и пр.). Именно эти явления и есть область орфоэпии.

Исходя из сказанного выше, следует делить все произносительные закономерности не на фонетические и орфоэпические, а на позиционные и непозиционные. Результатом комплексного применения позиционного многофакторного подхода к явлениям русской фонетики должно стать описание, при котором реализация любой фонемы позиционно обусловлена и предсказывается вероятностно. Небольшая группа непозиционных явлений при этом задается списком.

Л.Э. Калнынь (Москва)

О КОНЦЕПЦИИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ФОНЕТИКИ В ТРУДАХ С.С.ВЫСОТСКОГО

В работах, относящихся преимущественно к 60-70-м годам, С.С. Высотский (далее – С.С.В.) предлагает новый для русской диалектологии того времени подход к определению особенностей фонетического строя отдельных диалектов. Принятый то-

гда способ записи диалектной речи основывался преимущественно на транскрипции, используемой при работе над «Диалектным атласом русского языка». Детализация фонетических сегментов фиксировалась на уровне звукотипов / звуков языка. Это отчасти было связано с тем, что системная интерпретация фонетических данных основывалась на принципах МФШ, сообразно которым для констатации фонемного тождества сегментов, выступающих в разных позициях, звуки речи необходимо было обобщать в виде звуков языка.

В противовес этому, С.С.В. считал необходимым изучать материальный субстрат звукового строя диалектов, физическую природу звуков речи как основу фонетического строя. Именно учет этих особенностей позволяет создать адекватное представление о дифференциации русского диалектного континуума на фонетическом уровне. Эта позиция С.С.В. согласуется с принципами *современной общей фонетики*, представленными, в основном в работах американских фонетистов. Сообразно этим принципам, при изучении фонетики идиома следует стремиться к максимально полному с антропофонической точки зрения представлению об инвентаре произносимых звуков. Такая информация не только позволит создать адекватное представление о фонетическом строе идиома, но и создаст предпосылки для включения фонетических явлений отдельных идиомов в более широкий языковой контекст, когда явления могут быть охарактеризованы с точки зрения их частоты и распространенности.

Особое значение для выявления фонетического облика диалектов С.С.В. придавал различию в их *артикуляционной базе* и показал это на примере описания ударного вокализма севернорусских говоров в своей известной статье 1967 г. («Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах»). Варьирование подъема в сочетании с симметрией/асимметрией уровня подъема гласных переднего и непереднего ряда дает восемь территориально локализованных «трапецидов гласных». Различие между ними воспринимается аудитивно, но по фонемным характеристикам они идентичны. С.С.В. определил эту ситуацию как «коллизия между оценкой качества гласных и представлением об их роли в системе вокализма». В этой коллизии эксплицирована та дистанция, которая существует между реально звучащей речью, с одной стороны, и

построенной на ее основе фонологической моделью, с другой. Модель, как фактор обобщения неизбежно оставляет за своими пределами ряд явлений речевого уровня, хотя именно они и могут определять фонетический облик идиома.

Повышение внимания к реальной фонетике русских диалектов позволяет внести *коррективы* в уже апробированные мнения. С.С.В. писал: «Непредвзятый подход к изучению любого языкового материала заставляет с большим вниманием интерпретировать даже такие его разделы где, казалось бы, уже все знакомо по предварительным сведениям об этой системе» (1977 «Звук речи в контексте»). В этой связи С.С.В. обратил внимание на такие особенности фонетики русских говоров, как – разная степень лабиализации гласных заднего ряда, проявляющаяся в форме и величине отверстия рта, в степени выпячивания губ (1967); разная артикуляция и дистрибуция гласного *ы*, особенности артикулирования заднеязычных и губных согласных (1978 «Звуковые изменения, не влияющие на основные черты фонологического строя говоров»).

С.С.В. считал, что изучение звуков в позиции даст лишь фрагментарную информацию о звуковом строе идиома. Необходимо рассматривать качество звуков и их поведение в более или менее обширном *контексте*, т.е. изучать «панораму речи». Контекст не только показывает редкие сочетания звуков. Только в контексте реализуются такие черты звукового строя, как фонетика фразы, влияние темпа на характер звуковой речи, нивелирование звуков в контексте («Звуки речи в контексте»). При этом однородные в каком-либо отношении фрагменты текста имеют индивидуальную статистику звуковых элементов.

С.С.В. считал важным изучение такой особенности говора, как фонетическая *вариативность*. Он подчеркивал, что вариативность – это не только реакция на языковые контакты, она является свойством фонетического строя живого языка. Выявление вариативности и поиски ее причин составляют один из компонентов описания фонетики говора.

Концепция описания диалектной фонетики, отраженная в трудах С.С.В., ориентирована на фиксацию особенностей реальной материи языка аудитивным и экспериментальным способами. Идеи С.С.В. нашли продолжение и развитие в трудах по фонетике русских диалектов (Л.Л.Касаткин, Р.Ф.Касаткина и др.).

**К ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКОМУ
АНАЛИЗУ КАЗАХСКОЙ ИНТОНАЦИИ
(на материале спонтанной и подготовленной речи)**

В нашем выступлении обсуждаются первые шаги к экспериментально-фонетическому анализу казахской интонации на материале спонтанной и подготовленной речи. Цель нашей работы – исследовать основные интонационные контуры спонтанной диалогической/монологической и подготовленной диалогической казахской речи с использованием экспериментально-фонетического метода с помощью программы *Praat* [Boersma & Weenink, 2006]. Насколько нам известно, данная работа является первым анализом казахской интонации с экспериментальным фонетическим подходом.

Наша работа описывает интонацию в высказываниях с просительной частицей *ма/ме* и состоит из следующих двух этапов: 1. запись спонтанной речи (диалога, монолога) и подготовленной речи (диалога); 2. анализ зафиксированного материала: а) определить и сегментировать границы между слогами; б) установить место тонального акцента [Оде, 2005:76-85]; в) описать форму движений высоты тона в данных высказываниях.

В 2006 г. мы записали спонтанную и квази-спонтанную речь. Испытуемые являлись носителями казахского языка - 7 дикторов с высшим образованием, из них 6 женщин и один мужчина. Дикторам были предъявлены подготовленные тексты, отрывки из художественной литературы и периодической печати (мини-диалоги).

На примере двух высказываний мы анализировали движения высоты тона, которые, как известно, реализуются в высказываниях по-разному. Говорящий реализует эти движения тона сознательно: как и где он реализует так называемые тональные акценты и их соединяющие движения высоты тона, зависит от намерения говорящего. Таким образом, движения высоты тона сигнализируют о месте выделяемого слога (тонального акцента): говорящий выделяет слог в том слове, которое носит важную для слушателя информацию.

В настоящей работе анализу были подвергнуты 2 подготовленных высказывания, прочитанные дикторами D1, D2, D4 и D7, в целом 8 высказываний. В двух приведенных примерах визиз жирный шрифт указывает на место тонального акцента.

Пример I: *Tegін zhatқан ken bar ma?* «бесплатно ли руда есть?». Этот пример характеризуется во всех реализациях наших дикторов нисходящим крутым тоном, резким понижением на вопросительной частице *ma* до среднего или низкого уровня. Сама вопросительная частица не носит тонального акцента. Далее, D1 и D2 реализуют главный тональный акцент во втором слоге слова *te-gin* «бесплатно» с реализацией восходящего движения тона, а D4 и D7 реализуют главный тональный акцент в слове *bar* «есть» с реализацией восходящего движения тона. Хотя оба высказывания имеют коммуникативную функцию вопроса, эти различия в интерпретации вопроса зависят от намерения каждого говорящего: в реализации дикторов D4 и D7, вопрос о том, существует ли бесплатная руда, а для дикторов D1 и D2 – вопрос о том, бесплатно ли существует руда.

Пример II: *Ädet özgere me?* «привычка ли меняется?». В этом примере в реализации D1 наблюдается восходящее движение тона на вопросительной частице *me*. В реализациях дикторов D2, D4 и D7 наблюдается крутое нисходящее движение тона в конце высказывания на вопросительной частице *me*. Слово *ä-det* «меняется» проанализировано как главный тональный акцент с восходящим движением тона в реализациях дикторов D1 и D2. Слово *öz-ge-re* «привычка» является главным тональным акцентом с восходящим движением тона в реализациях дикторов D4 и D7. Здесь так же, как и в примере I, оба высказывания имеют коммуникативную функцию вопроса, о чем уже говорит вопросительная частица *me*, но интерпретация вопроса – разная. Дикторы D1 и D2 спрашивают: привычка ли меняется?, а дикторы D4 и D7 спрашивают: меняется ли привычка?

В нашем выступлении мы демонстрируем данные примеры и на основе проанализированного материала обсуждаем первые попытки к классификации тональных акцентов в казахском языке.

ЛИТЕРАТУРА

Boersma, P., Weenink, D. (2006) Praat: doing phonetics by computer. Computer program, version 4.4.30, retrieved from <http://www.fon.hum.uva.nl/praat>.

Ode, C. (2005) “Что такое тональный акцент?” Жизнь языка и язык в жизни. Алматы, Казак университети, 76-85.

Л.Л.Касаткин (Москва)

ФОНЕМА КАК ДВУСТОРОННИЙ ЯЗЫКОВОЙ ЗНАК²¹

1. Широко распространено мнение, что фонетика изучает односторонние языковые знаки: звуки и фонемы, которые не обладают значением и служат для формирования звуковых и фонемных оболочек двусторонних языковых единиц, обладающих значением – слов и морфем.

Основатели Московской фонологической школы определяли фонему как «совокупность звуков, находящихся в отношениях позиционного чередования». Уточнение в эту формулировку внес М.В. Панов: фонема – «это функциональная фонетическая единица, представленная рядом позиционно чередующихся звуков». Эта формулировка допускает новое понимание фонемы: ряд позиционно чередующихся звуков лишь представитель фонемы, иначе говоря, ее означающее. Что же тогда означаемое? М.В. Панов не ставил такого вопроса, для него фонема, как и для основателей МФШ, была самым этим рядом позиционно чередующихся звуков.

Иная точка зрения на фонему была сформулирована представителями Пражской фонологической школы. Согласно замечательному открытию Ф.Соссюра, значение, содержание языковой единицы определяется ее противопоставлением другим единицам той же системы. По числу и характеру всех этих единиц определяется и содержание рассматриваемой единицы – число и характер ее дифференциальных признаков (ДП). Ис-

²¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ: грант № 07-04-00243а «Активные процессы в современной русской фонетике: система и подсистемы».

ходя из этого, представители ПФШ определяли фонему как сумму ДП, устанавливаемую на основе оппозиции фонемы другим фонемам языка.

М.В.Панов показал отличия между взглядами представителей МФШ и ПФШ, назвав единицу, описываемую МФШ, «парадигмо-фонемой», а единицу, описываемую ПФШ, «синтагмо-фонемой». М.В.Панов же показал и основу этих различий во взглядах: для «пражцев» при определении фонемы главной была ее сигнификативная функция, основанная на оппозиции фонемы другим фонемам в одних и тех же позициях, для «москвичей» же главной была перцептивная функция фонемы, основанная на ее способности отождествления одних и тех же слов и морфем, выступающих в разных позициях.

Но эти разные функции характеризуют одну и ту же единицу – фонему. Как я уже отмечал, МФШ и ПФШ, «описывая языковую реальность с разных сторон, дополняют друг друга. Поэтому теория фонемы должна строиться на синтезе взглядов МФШ и ПФШ».

2. Фонема – двусторонний языковой знак, включающий означающее и означаемое, внешнюю оболочку и содержание, значение. Означающее фонемы представлено множеством звуков, реализующих фонему во всех фонетических позициях, где она выступает, это ряд позиционно чередующихся звуков; означаемое фонемы представлено составом ее дифференциальных признаков. В разных позициях содержание фонемы может меняться. Наиболее полно оно выявляется в сигнификативно сильных позициях, где фонема противопоставлена наибольшему числу других фонем. В сигнификативно слабых позициях фонема противостоит меньшему числу других фонем, в этих позициях у фонемы состав ДП меняется. Полное описание фонемы должно учитывать всю ее парадигму с разными наборами ДП у ее членов. Краткое описание фонемы должно характеризовать ее содержание, ее ДП в сигнификативно сильных позициях.

3. В истории языка могут происходить изменения фонемы, которые могут касаться как ее внешней оболочки, так и ее содержания. Так, в истории русского языка произошло отверждение [ш'], [ж'] почти во всех позициях, но содержание фонем /ш/, /ж/ не изменилось: твердость/мягкость звуков, вопло-

щающих эти фонемы, не являлась и не является в настоящее время в большинстве русских говоров и в литературном языке ДП этих фонем, так как в этих системах /ш/, /ж/ не противопоставляются по этому признаку никаким другим фонемам. Твердость/мягкость – интегральный признак звуков, воплощающих /ш/, /ж/, характерный признак звуковой оболочки этих фонем.

На протяжении XVIII в. в русском литературном языке, по-видимому, не произошло никаких изменений в реализации фонемы /е/, однако изменилось ее содержание в связи с утратой в эту эпоху фонемы /ѣ/. Количество фонем, противопоставленных фонеме /е/, уменьшилось и изменилось содержание ДП «средний подъем» фонемы /е/: раньше /е/ противопоставлялась фонемам верхнего, верхне-среднего и нижнего подъёмов, а после утраты /ѣ/ – только фонемам верхнего и нижнего подъёмов. Во всех словах, где ранее выделялась фонема /ѣ/, на ее месте теперь стала фонема /е/, и ее функциональная нагрузка значительно расширилась.

Р.Ф.Касаткина (Москва)

КОМПРЕССИРОВАННЫЕ ФОРМЫ СЛОВ И ФРАЗОВЫЕ ПОЗИЦИИ В РУССКОЙ РЕЧИ²²

Эллипсис гласных, согласных, целых слогов и даже последовательностей слогов, считается свойственным разговорной речи. Принято считать, что кодифицированная речь свободна от этих деформаций «эталонного» облика фонетического слова. Однако анализ текстов небытовой спонтанной речи (интервью, монологической речи образованных людей по радио и ТВ, научных докладов – в тех случаях, когда эти доклады не читаются, а произносятся спонтанно) позволяет установить, что и в текстах подобного рода, далёких от «разговорной» речи, присутствуют все явления, перечисленные выше. Противопоставление «разговорная речь» – «кодифицированный литературный

²² Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ: грант № 06-04-303а «Большой орфоэпический словарь русского языка».

язык», сложившееся в коллоквиалистике, в данном случае не работает, и должно быть заменено другим противопоставлением: «спонтанная речь» – «подготовленная речь».

Такие фонетические реализации, как [ч'эк] (*человек*), [т'ер'] (*теперь*), [н'ик'их] (*никаких*), [бум] (*будем*), [к'ит] (*какие-то*) и др. регулярно фиксируются в спонтанной речи, относящейся, согласно классификации Д.Н.Шмелева, к официально-деловому стилю. По Р.И.Аванесову, такие редуцированные реализации слов относятся к сфере беглой речи, по Г.А.Бариновой к разговорной речи, по А.А.Реформатскому – к компрессивно-аллегровой речи (КАР)²³. По Л.В.Бондарко и др. (1974) обсуждаемые формы соотносятся с «неполным типом» произношения²⁴.

Согласно нашим наблюдениям, сфера появления таких форм в речи официально-делового стиля – слабые фразовые позиции. Этот термин так же, как и сама постановка вопроса о разграничении *фразовых позиций*, принадлежат С.С.Высотскому (1967)²⁵. Исследования последних лет дают основания наметить некоторую классификацию тех позиций, которые в совокупности именуются слабыми.

При наличии в высказывании тематической и рематической групп, в каждой из них в качестве коммуникативных центров обычно выступают тональные акценты – *тоник*²⁶ (тональный акцент, маркирующий тему, в соответствии с пониманием этого термина У.Чейфом²⁷ и *фокус*²⁸ (тональный

²³ Реформатский А.А. Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии. М., 1979.

²⁴ Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Гордина М.В., Зиндер Л.Р., Касевич В.Б. Стили произношения и типы произнесения. ВЯ, № 4, 1974.

²⁵ Высотский С.С. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967. Еще раньше, в работе 1949 г. С.С.Высотский впервые затронул вопрос о неоднородности речевой цепи.

²⁶ Термин *тоник* здесь используется в значении, принятом в интонологии.

²⁷ Chafe W. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics, and points of view // Subject and topic / C.Li (ed.). New York: Academic Press, 1976.

центр рематической группы). Позиции слов, находящихся под этими акцентами, являются сильными. Безакцентные, «теневые», участки высказывания – это слабые фразовые позиции.

Существует иерархия слабых позиций. Анализ магнитофонных записей спонтанной речи (интервью перед микрофоном и научных докладов) показал, что самыми слабыми, т.е. допускающими максимальную фонетическую деформацию слов, оказываются предтопикальные и постфокальные позиции. Например, в двух высказываниях, *Дека́брьские* [пс] *вече́ра* – это идея *Святослава Ри́хтера* и *Мне наконец уда́лось* *купить* билеты на *дека́брьские* [бэр'] *вече́ра* слово *вече́ра* выступает то в тематической, то в рематической группе, и в результате определение *дека́брьские* оказывается в первом случае в наиболее слабой предтопикальной позиции, а во втором – в слабой предфокальной позиции, что и находит отражение в разных степенях компрессии этого слова. В примере [ч'эк] *с улицы, так сказать, первый встречный, не сразу разберется в ситуации*, слово «человек» находится в предтопикальной позиции и редуцируется по правилу реализации слов в слабых позициях. В высказывании: *Это был совершенно необыкновенный* [ч'эк] это слово в постфокальной позиции произносится столь же редуцированно, т. к. фокус высказывания – на предшествующем слове *необыкновенный*.

Степени компрессии могут быть различными для разных слов. Наиболее частотные слова испытывают в слабых фразовых позициях максимальную компрессию, их можно называть к о м п р е с с и в а м и ([ч'эк] (человек), [бум] (будем), [ш'ас] (сейчас), [шэн:э] (совершенно), [сбпс'нэ] (собственно), [оч'] (очень). Примерами компрессивов являются в русском языке, помимо сравнительно небольшой группы аппелативов, многие отчества, преимущественно мужские, и некоторые женские (напр., [сánэч'] и [сánч'] – *Алекса́ндрович*, [ф'бдэч'] и [ф'оч'] – *Фе́дорович*, [бс'ич'] и [бш':] – *Носифович*; [сán:а] – *Алекса́ндровна*, [пáлнэ] – *Павло́вна*, [ф'бднэ] – *Фе́доровна*).

Для слов, испытывающих в слабых фразовых позициях неполную компрессию, предлагается рабочий термин частично компрессированные формы (ЧКФ). Примеры: [ин'с'тút] (*инсти-*

²⁸ О термине «фокус» см. Pierrehumbert J. The phonology and phonetics of English intonation. PhD thesis, MIT, 1980.

тут), [п'рál'нэ] (*правильно*), [нóув:] (*нового*), [интыг'р'jý] (*интервью*), [и'пón'и'ц] (*японец*), примеры со стяжением хиатусов: [ин'цат'йва] (*инициатива*), [т'атр] (*театр*), [с'анс] (*сеанс*), с межслоговой ассимиляцией гласных: [дукум'энт] (*документ*), [сэрагáт] (*суррогат*) и с элизией согласных в кластерах: [н'и'трál'нэ] (*нейтрально*), [н'ёрн'ич'эт'] (*нервничать*), [л'и'карст] (*лекарство*), [гос'] (*гость*) и т.д. Частично компрессируется также большинство женских отчеств ([м'ихáлнэ] – *Михайловна*, [с'т'ипáннэ] – *Степановна*, [н'икалáвнэ] – *Николаевна*).

Стилистические различия между официально-деловой и разговорной речью включают и фонетический аспект: в разговорной речи количество компрессивов и ЧКФ значительно выше, чем в других стилях речи. Кроме того, в разговорной речи отдельные компрессированные формы могут появляться даже в сильных фразовых позициях, напр., *Посмотри [пэсмар'й] сюда – Ты идёшь? – Щас!*

Компрессированные формы, возникающие в слабых фразовых позициях, не являются стихийными, но подчиняются определенным произносительным правилам. Анализ фонетического состава 200 наиболее употребительных русских компрессивов показал, что наибольшей устойчивостью в слабых фразовых позициях обладают ударные гласные и ключевые согласные, т.е. наиболее акустически выразительные, доминантные при восприятии: сибиллянты и аффрикаты: ш, ч', ш'иш', жс, жс'жс', з, з', с, с'. Термин «ключевые» согласные употребляем вслед за Л.Р.Зиндером (Отчет кафедры фонетики ЛГУ за 1962 г.), который позднее заменил его другим – «устойчивые» звуки (1964)²⁹.

Список устойчивых согласных Л.Р.Зиндера шире, чем наш список ключевых согласных, он включает все щелевые, глухие и звонкие смычные, а также все сонанты. Однако наше исследование показало, что самыми «неустойчивыми» оказываются щелевой *ф* и его звонкий коррелят *в*, сонанты *р* и *л*, а также разнообразные реализации фонемы /j/. Вопрос о расхождении этих двух списков будет более подробно обсужден в докладе.

²⁹ Зиндер Л.Р. Влияние темпа речи на образование отдельных звуков // Вопросы фонетики. Л. 1964.

ОСНОВАНИЯ КВАНТОВОЙ ФОНОЛОГИИ

В квантовой фонологии фонема понимается как совокупность, «пучок» (или лучше – структура) различительных признаков (РП).

В квантовом определении фонемы И.А. Бодуэна де Куртенэ как «аккорда» признаков имплицитно содержится мысль о том, что нижним уровнем языковой системы является уровень кинем, акусм, кинакем, т.е. уровень различительных признаков фонем. Эта идея эксплицитно высказана Э. Бенвенистом в книге «Общая лингвистика», в которой выделяется особо так называемый математический (признаковый) уровень языковой системы.

Р.О. Якобсон считает, что «дифференциальные элементы сами по себе имеют собственное место в языковом механизме и могут функционировать в нем самостоятельно» [1, с.73]. Таким образом, Р.О. Якобсон исходит из атомарно – квантового представления о фонеме: «Фонема может быть разложена на различительные признаки. Она представляет собой пучок этих признаков. Итак, идя вразрез с устаревшей, но все еще бытующей концепцией, мы можем утверждать, что фонема является сложным образованием: не фонема, а каждый из ее различительных признаков является неделимой, чисто оппозитивной сущностью» [1, с.87].

Мы исходим из фундаментального положения Бодуэна, что акусмы и кинемы как более детальные прообразы различительных признаков существуют как отдельно осознаваемые в интеллекте пользователя языком ментальные копии реальных акустических и артикуляционных черт фонетической реальности.

Важно при этом систематизировать терминологию и приписать обозначениям акусм строго тембровую терминологию, кинемам – строго артикуляционную терминологию и не смешивать одно и другое. Что касается кинакем, то терминологической базой для их обозначения можно избрать спектральную терминологию, взяв за основу термины Г. Фанта, Р. Якобсона и М. Халле, предложенные ими в знаменитой работе «Введение в анализ речи». Однако и эту систему бинарных терминов придется несколько трансформировать в трех планах:

1) терминологии следует придать последовательно спектральный характер и заменить термины типа «глухость» – «звонкость» (это чисто тембровые признаки) на спектральные, например, вместо термина «звонкость» использовать термин «гармоничность спектра», вместо термина «глухость» – негармоничность спектра и т.д.;

2) следует в некоторых случаях отказаться от бинарности признаков и использовать тернарные признаки и термины, например, в русском языке у гласных имеется три степени подъема спинки языка, и на спектрограмме это находит соответствие, в результате чего получается тройной признак, требующий тернарную терминологию на базе одного общего основания;

3) в ряде случаев признаки синтезируются, что также нарушает их последовательно бинарный характер в системе Г. Фанта, Р. Якобсона и М. Халле.

Таким образом, в нашей системе анализируются признаки разных объектов, имеющих разную физическую природу – звукотип, с одной стороны, и «артикулотип», с другой стороны, и следует признать необходимым отдельное исследование «артикулотипов» как таковых и звукотипов как таковых.

Целостное модельное представление о фонеме идиолекта может сложиться только с учетом как акустического, так и артикуляционного прототипа общей модели ментальной фонемы. Другими словами, модель ментальной фонемы включает в свой состав две оперативные модели – модель акусмофонемы языка слушающего и модель кинемофонемы языка говорящего, что связано с двумя фазами речевой коммуникации – говорением и слушанием. Такой подход опирается на определение фонемы Бодуэном именно как единства акусм, кинем и кинакем, которые признаются далее неразложимыми [2, с.289].

Целостного взгляда на фонему во всех аспектах ее функционирования в теоретической фонологии не было, и разработке подверглись только частные аспекты представления Бодуэна о фонеме – и самое главное – была устранена наиболее ценная психолого-ментальная сторона, что приводило либо к физикалистскому пониманию фонемы, либо к ее пониманию как конструкта, не связанного с конкретной фонетической реальностью (С.К. Шаумян постулирует принцип транспозиции фонемы-конструкта в любой реальной субстанции [3], что прибли-

зительно соответствует представлению о значении как о чистой значимости в глоссематике.

Таким образом, следует исходить из предпосылки, что существуют реально осознаваемые и регистрируемые приборами черты артикуляционной и акустической материи, которые используются в качестве базовых элементов языкового знака, однако чтобы приобрести знаковую сущность, эти черты должны быть осознаны отдельно в интеллекте индивида и в общественном сознании коллектива, т.е. приобрести языковую значимость и превратиться в различительные признаки.

Нами в работе «Фонология языка» [4] предложены термины «артикулятета» для обозначения реальной артикуляционной фигуры из органов речи и «артикулятема» для обозначения ментальной копии этой фигуры в интеллекте пользователя языком. Различительным элементом артикулятеты является, как уже упоминалось выше, отдельно взятое «па» из танца речевых органов при производстве звуков речи. Следуя разделению «эмических» и «этических» единиц в метаязыке лингвистики, такое «па» можно назвать термином «кинета», отталкиваясь от образной (ментальной) копии артикуляционной черты, которую Бодуэн назвал термином «кинема».

Итак, кинета является реальным элементом артикуляционной фигуры, кинема – это интеллектуально-ментальная копия кинеты в сознании индивида. Примером кинеты может быть огубленность как реальный фрагмент артикуляционной фигуры. В сознании кинета огубленности отражается в виде образа, который называется кинемой.

В перцептивной плоскости также уместно оперировать *этическими* и *эмическими* единицами. В качестве реальной черты звукотипа, имеющей этический характер, выступает элемент тембра, и в этом случае нам вновь придется прибегнуть к словообразованию на основе бодуэновских терминов - назовем реальную тембровую акустическую черту термином «*акуста*», отталкиваясь от бодуэновского термина «*акусма*». Примером акусты будет «высокий» или «низкий» тон звука, его шипящий или свистящий характер и т.д. Ментальным образом акусты как реальной тембровой слышимо-акустической черты является *акусма*, выделенная и описанная И.А.Бодуэном де Куртенэ

именно как психическая, образная копия реальной черты звука во многих работах.

Что касается *кинакемы*, представленной Бодуэном как синтез кинем и акусм, то для ее реального субстрата можно избрать артикуляционно-акустическую материю в единстве. Возможно, что реально такая материальная единица может быть зафиксирована в виде форманты спектра звука, поскольку форманты зависят от характера резонатора или источника шума и синтезируют в себе артикуляционную и тембровую материю (см. работы [5] и др., в том числе и работы С.С. Высотского).

Таким образом, реальная форманта представляет собой «кинакету» как прообраз кинакемы. Следовательно, кинакеты и кинакемы наиболее целесообразно обозначить в спектрально-формантной, акусты и акусмы – в тембровой, а кинеты и кинемы – в артикуляционной терминологии, не смешивая ту, другую и третью, а такое смешение можно часто обнаружить в фонетических описаниях. Еще В.А. Богородицкий предлагал не смешивать артикуляционное и акустическое описание звуков, – он писал: «Между тем в грамматических сочинениях эти две точки зрения очень часто смешиваются. Например, классифицируются звуки по органам произношения (значит, точка зрения произношения), а тут же нередко толкуется о звуках свистящих и шипящих (значит, имеется уже в виду сторона слышания – качество эффекта, производимого произнесенным звуком на слух)» [6, с.35]. Это справедливое замечание родоначальника экспериментальной фонетики в России следует постоянно учитывать, поскольку смешение терминов встречается сплошь и рядом – нет ни одного учебника по фонетике, где бы мы не встретили такое смешение.

Таким образом, целесообразно выделять и терминологически разделять:

1. Кинемы и кинеты как артикуляционные элементарные единицы, характерные для языка говорящего;
2. Акусмы и акусты как соответствующие тембровые элементарные (квантовые) единицы, характерные для языка слушающего;
3. Кинакемы и кинакеты, отображенные в формантах и особенностях спектра звука как синтетические элементарные частицы, служащие различительными элементами фонем языка индивида.

При этом, рассматривая форманты (кинакеты) как реальные прообразы кинакем, следует иметь в виду, что не всегда только частотное значение форманты определяет характер кинакеты и кинакемы, довольно часто можно наблюдать соотносительную характеристику формант, приводящую, например, к признаку компактности или диффузности формант в спектре, а также можно наблюдать энергетическое превосходство верхних или нижних формант спектра, приводящее к выделению различительных признаков (кинакет и кинакем) типа «повышенности второй форманты», которая соответствует акузме «дизности» на акустическом тембровом уровне восприятия или кинеме «палатализованности» на артикуляторном уровне речепроизводства.

Приведенные рассуждения позволяют по-новому рассмотреть природу языкового знака как такового. Мы приходим к парадоксальному выводу, что первичным языковым знаком полной семиотической системы, включающей язык индивида, оказывается артикулетета как топологическая фигура из органов речи. Воздушная струя, озвученная или не озвученная голосовыми связками (т.е. имеющая или не имеющая форманту основного тона), проходит через артикулетету и приобретает тембровую окраску, целиком зависящую от конфигурации резонатора и локуса шумообразования, учитывая способ локализации активного органа (смычка или щель), а также подключение дополнительного носового резонатора и дополнительную артикуляцию в районе палатума. Происходит параллельный процесс танца речевых органов и продувания получающихся фигур воздушно-звуковой струей из гортани, которая становится нагруженной информацией о происходящем танце речевых органов. Именно эта звуковая струя в виде звуковых волн доносится до слуха других людей и дешифруется как информация о танце, о его «па» и «турах». Образующийся в результате звук речи служит основным средством информации о характере артикулететы как первичного знака семиозиса.

В этой связи следует вспомнить теорию В. Вундта о звуковых жестах, изложенную в книге «Очерки психологии», весьма популярную в свое время и незаслуженно забытую в наши дни. В книге «Душа человека и животных» В. Вундт пишет:

«Язык есть всякое выражение чувств, представлений, понятий посредством движений» [7, т.2, с.484].

Нам представляется это направление мыслей В. Вундта очень перспективным, поскольку оно способно пролить свет на онтологию протослова в языках древности. Ничто не мешает предположить, что древнейшее протослово было изображением предмета при помощи движений органов речи, естественно, весьма приблизительного. Дальнейшее развитие протослова могло привести ко вторичному изображению предмета при помощи звуков речи, и отголоски такого состояния мы можем легко обнаружить в ономатопее в современных индоевропейских языках.

ЛИТЕРАТУРА

Якобсон Р.О. Звук и значение // Якобсон Р.О. Избранные работы. М., 1985. С.30-91.

Бодуэн де Куренэ И.А. Введение в языковедение // Избранные труды по общему языкознанию. М, 1963. Т. 2. С. 246-293.

Шаумян С.К. Проблемы теоретической фонологии. М., 1962.

Киров Е.Ф. Фонология языка. Ульяновск, 1997.

Фант Г. Акустическая теория речеобразования. М., 1964.

Богородицкий В.А. Гласные без ударения в общерусском языке. Казань, 1984.

Вундт В. Душа человека и животных. С-Пб, 1880. тт.1-2.

Ю.А. Клейнер (Санкт-Петербург)

О РЕАЛЬНОСТИ ГРАНИЦ И ГРАНИЦАХ СУППЛЕТИВИЗМА

В изданной в 2000 г. под редакцией В. Фромкин книге “Linguistics”, наряду с «полными супплетивами» типа англ. *to be – were*, рассматриваются «частично супплетивные» формы, со «следами корня», например, *buy – bought, sing – sang* и т.п., характеризующиеся, кроме того, некоторой регулярностью чередований гласных корня. Чередующимся гласным, а priori, приписывается статус самостоятельных фонем, т.е. отдельных единиц плана выражения, что предполагает наличие физических границ внутри словоформы и, соответственно, лингвистических

тические процедуры установления границ. Минуя эти процедуры, фонемный статус придется приписать и неслововым элементам (глайдам) в формах типа англ. [baund] – [bound] *bind – bound*, которые, строго говоря, не отличаются от «полных» супплетивов. В рамках классической фонологии некорректность данного подхода снимается введением недостающего этапа (членение на слоги) и, таким образом, восстановлением всей последовательности процедур сегментации (от плана содержания к плану выражения).

«Частичный супплетивизм» в книге Фромкин и др. основан на произвольном, т.е. не основанном на процедурах выделении «сегментов», как, например, в «сегментной фонологии», в которой процедуры сегментации отсутствуют. Такие сегменты, в свою очередь, рассматриваются в качестве «терминальных элементов», входящих в «нетерминальные единицы» более высокого уровня (“strict layer hypothesis”). Наряду с единицами сегментной просодики (слоги), они включают, с одной стороны, явные конструкты, типа «мор», не выделяемых ни при каком членении (т.е. не являющихся лингвистическими единицами), а с другой, отрезки речевой цепи, отграниченные от остального высказывания «гранями», в пределах которых действуют те или иные правила, такие, как «стопа» = сочетание ударной и безударной позиции с произвольными границами. (К «действующим внутри стопы» относится, например, «Правило сокращения английских дифтонгов», описывающее аллофонический по своей природе процесс).

Фактически, замена «границ» (*boundaries*) «гранями» (*edges*) в ряде направлений современной лингвистики означает отказ от процедур выделения дискретных фонологических единиц и, как следствие этого, от самих единиц.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЕЧНЫХ БЕЗУДАРНЫХ ГЛАСНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПРОСОДИЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ СЛОВ ВНУТРИ СИНТАГМЫ

В современном русском литературном языке реализация гласных в заударных конечных открытых слогах может отличаться от реализации тех же гласных в неконечных и/или закрытых слогах: «При аканье в заударном неконечном слоге фонемы *о* и *а* совпадают в варианте *ъ*, в конечном же слоге – в варианте *ь* или *а*. В последнем положении употребление звука *ъ* или *а* фонетически не разграничено: в одном и том же положении, в одном и том же слове, в речи одного и того же лица возможно употребление как *ъ*, так и *а*. Если и имеется разграничение в употреблении этих вариантов, то это разграничение жанрово-стилистическое и интонационно-синтаксическое: *ъ* произносится в обычной, более беглой речи, не в конце фразы или речевого такта, а *а* – в более отчетливой речи, в «полном стиле», в конце фразы или речевого такта»³⁰. Современные исследования дают основания утверждать, что гласные этих слогов отличаются еще большей вариативностью – так, в положении после твердого согласного звуки, реализующие фонемы <*a*> и <*o*>, могут варьироваться от [ъ] до [а] с «промежуточными» звучаниями [ъ^а] и [а^ъ].

Вопрос о том, какими именно факторами обуславливается реализация гласных в этом положении, в настоящее время остается открытым. Среди факторов этого рода очевидным образом выделяются, в частности, такие, как положение в конце или не в конце фразы или синтагмы, иными словами – отсутствие или наличие следующего слова; в последнем случае – положение перед гласным или согласным, с которого начинается следующее слово; в последнем случае – положение перед одним или группой согласных (соответственно, в закрытом – вследствие возможной ресиллабификации – или открытом слоге). Можно предположить также, что в том случае, когда после фонетиче-

³⁰ Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. Часть первая. М., 1949. С. 113-114.

ского слова с таким гласным следует другое фонетическое слово, некоторые свойства этого гласного могут зависеть от места ударения в последующем слове. Данная гипотеза была протестирована при помощи фонетического эксперимента, в котором приняли участие 32 носителя современной орфоэпической нормы. Материалом исследования служили 47 пар внутрисинтагменных сочетаний фонетических слов, в которых первое слово заканчивается гласным, реализующим фонему <a> после твердого согласного, второе начинается с твердого согласного; внутри каждой пары первые слова идентичны, а вторые различаются местом ударения (на первом или втором слоге) – например, *кромка ко́роба / кромка коро́бки, упаковка ка́ктуса / упаковка коко́са, этого го́рода / этого горо́ха, зёрна ко́лоса / зёрна коло́сса, крика во́рона / крика воро́ны*. Сочетания зачитывались в составе попарно идентичных фраз; второе фонетическое слово находилось в сильной фразовой позиции (под тематическим или рематическим акцентом), первое – в слабой.

Результаты исследования, приведенные в Таблице 1, дают основания утверждать, что длительность заударного гласного в конечном открытом слоге в позиции перед фонетическим словом с ударением на первом слоге составляет 123% от длительности того же гласного в позиции перед словом с ударением на втором слоге, а значение ΔF , равное разнице значений F_2 и F_1 , составляет 1004 Гц для гласного перед фонетическим словом с ударением на втором слоге и 867 Гц для того же гласного перед словом с ударением на первом слоге при соответствующем значении ударного [a], равном 565 Гц. Таким образом, конечный в слове безударный гласный перед ударным слогом следующего фонетического слова характеризуется большей степенью выделенности и значительно в большей степени сближается с гласным [a] (как количественно, так и качественно), чем в положении перед словом с ударением на 2-м слоге. Этот конечный гласный формирует с ударным гласным первого слога следующего фонетического слова структуру, сходную с просодическим ядром слова – таким образом, в подобных случаях действуют коартикуляционные ритмические закономерности, сходные с фонологическими явлениями, описываемыми в рамках фонетического слова формулой Потебни, что позволяет предположить наличие в

современном русском литературном языке еще одного — промежуточного между фонетическим словом и синтагмой — уровня объединения сегментных единиц.

Таблица 1. Длительность в мс (t), значения в Гц 1-й (F1) и 2-й (F2) формант гласного [ъ] в конечном открытом безударном слоге в зависимости от места ударения в следующем слове внутри синтагмы (усреднено по всем дикторам и всем произнесениям)

	t	F1	F2	F2 – F1
[á]		619	1184	565
[ъ] перед ударным гласным следующего слова	46,5	417	1284	867
[ъ] перед безударным гласным следующего слова	37,9	389	1393	1004

С.В. Кодзасов (Москва)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЕГМЕНТНОЙ И ПРОСОДИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКИ В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ³¹

1. Просодическое уподобление гласных внутри слова – широко распространенное явление, не раз описанное в языках разной генетической и ареальной принадлежности (см., в частности, Черкасский 1965, Виноградов 1972, Lindau 1980, Муравьева 1980, Гринберг 1991, Кодзасов 1986, Bing Li 1996 и др.). Фонетическая природа некоторых видов тембровой гармонии, в частности, гармонии по назализации (индейские языки Южной Америки) и фарингализации (языки Дагестана) очевидна: дополнительный тембровый признак «растекается» по слову вви-

³¹ Доклад подготовлен в рамках проекта «Взаимодействие сегментного и супraseгментного уровней в фонетике языков Сибири» (на материале контактирующих языков Среднего течения Енисея и сопредельных территорий), грант РФФИ № 05-06-80234.

ду инерционности производящего артикуляционного жеста. При этом тембровый просодический признак в ограниченной степени взаимодействует с сегментными артикуляциями и не предопределяет распределение вокалических признаков ряда и подъема по слогам слова.

Иную ситуацию мы наблюдаем в языках, где в слове гармонируют основные признаки гласных: ряд и лабиализация («горизонтальная» гармония тюркских языков) или подъем/раствор («вертикальная» гармония чукотско-камчатских и манчжурских языков). Наличие систем такого вида объясняется необычным для индоевропейских языков способом комбинирования артикуляционных параметров, которые образуют комплексный вокалический жест: горизонтальная и вертикальная поза языка, а также лабиализация функционируют внутри сегментов как взаимонезависимые признаки, однако между слогами данного слова значения этих признаков согласованы. Иначе говоря, внутрисегментная взаимообусловленность базовых вокалических артикуляций заменяется межсегментной.

В селькупском языке обнаружен просодический признак, который сильно влияет на распределение в слове гласных. Это признак раствора, т.е. положения нижней челюсти относительно верхней (в общем случае этот признак не связан с сегментным признаком подъема, который контролируется внутренними мышцами языка). Большинство слов имеет нейтральный раствор, однако в некоторых словах признак раствора принимает маркированные значения: широкий и узкий. Эти маркированные значения раствора характеризуют слово как целое: широкий раствор делает гласные более полными и звучными, а узкий склоняет их в сторону редуцированных. Действие маркированных растворов особенно заметно (на слух и на спектральных графиках) в случае гласных среднего и нижнего подъема. Примеры слов с узким раствором: *topyr* «ягода», *suror* «животное», *Certy* «важенка». Примеры слов с широким раствором: *poCob* «лист дерева», *polmo* «ветка».

Детальный анализ магнитных записей селькупского слова с помощью компьютера обнаруживает и другие факты, которые до сих пор ускользали от внимания исследователей. В простых словах акцентной вершиной служит начальный слог: *'kanak* «собака», *'vamynda* «яловая самка оленя». Акцент ди-

намический, т.е. ударный слог получает дополнительный дыхательный толчок.

Однако акцентная система этим не исчерпывается: многие слова имеют хорошо слышный комплексный акцент особого типа. Повидимому, здесь внутри слога происходит импульсное опускание, а затем возвратное движение гортани. Этот жест совмещается с начальным ударным слогом и оказывает заметное влияние на его гласный: он становится долгим (двуморовым) и неоднородным, поскольку начальное увеличение объема надгортанной части голосового тракта и его последующее уменьшение влияют на качество гласного, что хорошо видно по его спектральной картине. Примеры (обозначаем этот тип акцента знаком '): ''*joty* «волк», ''*ota* «олень», ''*ljute* «трава».

Этот акцентный жест сказывается и на динамике тона: наблюдается его восходящее движение на ударном гласном с последующим падением на заударном. Однако это не означает наличия в селькупском языке тональных акцентов в собственном смысле слова.

Необходимо отметить, что имеются отдельные слова с долгим гласным в начальном слоге: *ty:my* «клык», *lo:zy* «черт», в которых долгота, как кажется, не связана с импульсным жестом гортани, однако их число в обследованном материале невелико. Долгий гласный имеют также все односложные существительные вида СГ (они означают виды деревьев), например, *se:* «сосна», *qe:* «береза», *pi:* «осина» и др.

На реализацию как гласных, так и согласных заметное влияние оказывает еще один просодический признак. Дело в том, что кроме слов, в которых консонантный и вокалический каналы равноправны, имеются слова, в которых один из каналов доминирует. При доминации вокалического канала гласные несколько удлиняются и реализуются своими эталонными артикуляционно-акустическими вариантами (согласные при этом ослабляются, а глухие могут частично озвончаться). Напротив, в консонантно ориентированных словах согласные усиливаются (в интервокальной позиции как бы геминируются), а гласные сокращаются и имеют неполную артикуляцию, что особенно заметно в случае /a/, который приближается к редуцированному.

Примеры слов с доминацией вокалического канала: *šegale* «кукушка», *kyrja* «ворона», *ema* «яйцо». Отметим специфиче-

скую реализацию велярного в первом слове (он реализуется фрикативным) и назализацию гласных в последнем слове (консонантный признак как бы «расплывается» по слову).

Примеры слов с доминацией консонантного канала: *t:ar:* «шерсть», *ot:yl:ak:a* «чага», *q:or:a* «олень-производитель», *p:ur:ur:yl:* «ласточка». Здесь усиление согласных условно обозначено двоеточием.

Менее заметное влияние на сегменты оказывают интегральные установки голосовой щели. Точный артикуляционный механизм возникающих различий нуждается в изучении, однако на слух они хорошо слышны. Так, номинации родственников произносятся расслабленным голосом (*lax voice*), в то время как обозначения деревьев, напротив, произносятся напряженным голосом (*tense voice*).

В работе учитывались как опубликованные данные по языкам Сибири и Дальнего Востока (здесь особого внимания заслуживает недавняя диссертация Бинг Ли (1996) о манчжурской гармонии), так и результаты, полученные в ходе последних сибирских экспедиций МГУ под руководством О.А. Казакевич.

С.В. Кодзасов, Е.В. Щигель (Москва)

ИССЛЕДОВАНИЕ АКУСТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ ВЗРЫВНЫХ, ФРИКАТИВНЫХ И СОНОРНЫХ СОГЛАСНЫХ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Работа проводилась в рамках проекта РФФИ «Русский литературный и диалектный консонантизм в развитии». Материалом для анализа послужили тексты диалогов из лингафонных курсов русского языка, записанные в студийных условиях в исполнении профессиональных дикторов. Акустический анализ осуществлялся на основе компьютерной программы *Speech Analyzer*. Задачей работы было исследование акустической динамики различных консонантных признаков. Для фиксации результатов анализа использовалась таблица в стандартной базе *Access*.

При исследовании взрывных согласных были выбраны признаки глухость/звонкость, твердость/мягкость, взрывность/аффрикатность, а также характеристики прилегающих вокалических

участков. Предполагалось, что различие в форме вокалических переходов может быть проявлением разного типа примыкания гласных к согласным. Внимание уделялось также характеристикам основного тона на согласных (наличие и степень «провала» тона на звонких, амплитуда тона на звонких, динамика затухания тона на глухих), которые являются косвенным показателем степени напряженности консонантной артикуляции. Такая постановка задачи связана с наблюдаемыми в речевом сигнале различиями в динамике тона на интервокальных смычных, которые до сих пор не подвергались детальному исследованию. Для фиксации основных результатов анализа использовались таблицы в стандартной базе данных Microsoft Access. Последовательность полей в таблицах отражает позицию и фазы исследуемого фрагмента акустического сигнала. В качестве примера приведем строку из таблицы для интервокального /т/ в слове «это».

Ритмическая позиция	Длительность	Конец гласного	1 фаза согласного	2 фаза согласного	3 фаза согласного	Начало гласного	Комментарий
зауд.	74	нтр	озвончение +тонус	глухая смычка	слабый взрыв	нтр	озвонч.= 1 период

Традиционное выделение трех фаз при описании интервокальных смычных поддерживается наблюдаемой динамикой реализации интервокальных глухих. Каждая из фаз может обнаруживать разные характеристики: 1) «озв» (нормальное озвончение), 2) +/- «тонус» (квазипериодические колебания низкой амплитуды), 3) «глухость». Встречаются разные цепочки характеристик. Для переходных вокалических фаз указывается форма огибающей (плавное / нейтральное / резкое падение или подъем).

Анализ материала обнаружил большое разнообразие типов реализации смычных в интервокальной позиции. Особенно много вариантов наблюдается в графиках для глухих взрывных и аффрикат. Эти данные показывают, что обычные представления о реализации интервокальных смычных нуждаются в уточнении на основе выявления дополнительных факторов, которые до сих пор не попадали в поле зрения исследователей.

Подобные же результаты дало изучение акустической динамики интервокальных фрикативных согласных. Стационарная часть согласного имеет три базовых варианта реализации. Кроме нейтрального уровня шума возможен, с одной стороны, высокий, а, с другой стороны, слабый. При слабом уровне шума наблюдается озвончение примыкающих к гласным участков глухого фрикативного, а также общая вокализация звонкого фрикативного. Обнаружено также различие в амплитудной динамике шума: иногда наблюдается перелом уровня шума внутри согласного, встречается также амплитудная модуляция шума на протяжении всего согласного.

Также и здесь в число задач работы входило исследование акустической динамики как консонантных признаков, так и характеристик прилегающих вокалических участков. Амплитудная динамика конечной части предшествующего гласного обнаруживает несколько вариантов: плавный, нейтральный, резкий и ступенчатый переходы. Эти различия отражают способы примыкания согласного к предшествующему гласному. Сходными вариантами представлен и переход от согласного к последующему гласному.

На последнем этапе исследования были изучены акустические характеристики сонорных согласных, что потребовало изменений в составе полей БД. Особенности характеристик каждого сонорного вызвали необходимость создания отдельных таблиц для разных звуков.

Во всех таблицах присутствуют такие характеристики как длительность (в мс), ритмическая позиция (положение в слове относительно ударения), способ завершения предшествующего гласного (нейтральный, резкий, плавный или ступенчатый переход к последующему согласному), характеристика начальной фазы последующего гласного (резкое, плавное или нейтральное начало). В примечаниях указаны такие окказиональные особенности реализации, как фонационные различия, долготы, редукция, особенности места образования.

В некоторых таблицах сонорных возникла необходимость в новом поле «Огибающая интенсивности» для обозначения ровной, восходящей, нисходящей огибающей и сочетаний этих характеристик.

ОРГАНИЗАЦИЯ РЕЧЕВОГО ДЫХАНИЯ ПРИ ЧТЕНИИ ТЕКСТА

В сообщении излагаются результаты исследования фактора речевого дыхания в формировании интонационных фраз и пауз, проведенного нами в целях расширения эмпирической базы моделирования интонационно-паузальных процедур при порождении устного текста.

Организация речевого дыхания относится к наименее изученным аспектам речепроизводства, хотя исторически потребности дыхания считались одним из главных мотивирующих факторов паузации и интонационного членения. В современной фонетике принята точка зрения, согласно которой дыхание пассивно подстраивается под интонационные паузы, которые возникают в процессе развертывания высказывания по независимым от потребностей дыхания причинам. По нашему мнению, эта точка зрения требует уточнения. Формирование рациональных стратегий текстообразования не может не учитывать оптимальных условий функционирования дыхательного механизма. Возможно, что дыхание как энергетическая база речепроизводства связано с когнитивно-языковыми механизмами через какие-то глубинные психофизиологические структуры.

В проведенном нами исследовании ставились следующие задачи:

Выявить принципиальные особенности организации речевого дыхания разными говорящими в рамках нейтрального произносительного стиля (при чтении одного и того же текста).

Оценить степень однородности дыхательного поведения говорящих с целью выделения определенной нормы или предпочитаемых стереотипов, по крайней мере, для режима чтения повествовательного текста.

Проанализировать согласованность физических пауз, включающих вдохи, с границами основных текстовых единиц – абзацев, самостоятельных предложений, клауз внутри предложений.

Материалом для исследования служил корпус прочтений связного текста – небольшого современного рассказа о посещении научного учреждения. Текст был прочитан «с листа»

10 дикторами, носителями русского языка с высшим образованием, но без специальной дикторской подготовки; средняя длительность озвученного текста 3 – 3,5 минуты. Материал записывался на компьютер (SR 22050Гц, 16-bit, Mono) в условиях тихой комнаты с использованием высокочувствительного микрофона, что позволило в большинстве случаев без труда определить дыхательный тип пауз в каждом прочтении текста.

По результатам исследования можно сделать следующие выводы. Главным фактором, влияющим на организацию речевого дыхания в репродуцированной речи, действительно является стратегия интонационного паузирования диктора, для которой характерна тенденция к реализации ИФ-пауз после каждой клаузы в предложении. Но эта достаточно яркая тенденция взаимодействует с когнитивными характеристиками дикторов. В результате некоторые дикторы в определенных синтаксических условиях регулярно “пропускают” конечные границы произносимых клауз, в то время как другие регулярно реализуют паузы в определенных точках внутри произносимой клаузы.

ИФ-паузы используются для вдохов достаточно часто – в среднем по дикторам в более, чем 60 % случаев. Специфика использования интонационных пауз для речевых вдохов выражается в том, что в организации дыхания находит отражение иерархическая структура текстовых единиц, в основании которой лежат отдельные предикации-клаузы.

Текстовые фрагменты, завершение которых сопровождается физической паузой с включенным вдохом, упорядочиваются в направлении убывания вероятности вдоха следующим образом (в скобках дается частота реализации вдоха в среднем по 10 дикторам):

Абзац (100%) > самостоятельное предложение внутри абзаца (94%) > клауза внутри предложения (65%) > компонент внутри клаузы (34%).

Когнитивные характеристики дикторов влияют не только на интонационное паузирование, но и на способ организации речевого дыхания в озвученном тексте. Эти различия находят непосредственное выражение в таких общих признаках дикторского чтения текста, как количество дыхательных пауз, длина и синтаксический состав дыхательных групп.

Полученные результаты подтверждают мнение многих исследователей о центральной роли пропозиции-клаузы в процессах порождения, понимания, озвучивания текста. К сказанному можно добавить, что средняя длина текстовой клаузы (5-6 полносмысловых слов), с одной стороны, хорошо согласуется с оценками объема оперативной памяти, а с другой, обеспечивает оптимальный режим работы дыхательной системы у разных дикторов (5-10 слов в дыхательной группе). Можно полагать, продолжая идею Р.А. Лурия о едином энергетическом центре деятельности, что эти корреляции имеют начало в самых глубинных структурах мозга. Наши исследования свидетельствуют, что интонационно-паузальные процедуры относятся не к области жестких правил, а к сфере гибких речевых навыков, которые формируются в ходе речевой практики и воплощают в себе результат рационального взаимодействия психофизиологических механизмов, участвующих в обработке информации на концептуальном и моторно-слуховом уровне, с языковыми операциями, которые обеспечивают лексико-синтаксическое и звуковое кодирование речевых высказываний.

О.А. Кузнецов (Москва)

ВАРИАНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ВОКАЛИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЙ В РУССКОЙ РЕЧИ

В русском языке не так редки сочетания двух или нескольких гласных в пределах слова или на стыке слов. Такие вокалические сочетания называют *зияниями*, или *хиатусами*. Главным образом они обнаруживаются на морфемных стыках и на стыках двух слов. Большой поток заимствований делает зияния все более распространенными в русском языке. Однако поведение гласных в таких сочетаниях зачастую отличается от «стандартного» поведения гласных в русском слове, что заставляет признать зияние особой фонетической позицией. В связи с этим возникает необходимость детального описания функционирования гласных в зиянии. В данной статье перечислены и проанализированы основные способы реализации зияний, определены условия, которые диктуют ту или иную реализацию вока-

лических сочетаний, приведены характерные примеры из русской речи.

Зияния в русской речи могут реализоваться следующими способами.

1. Реализация гласных в зиянии *по общим правилам редукции гласных*. Гласные, образующие зияние, реализуются «стандартно» преимущественно в словах, стоящих в сильных фразовых позициях, а также в плохо освоенных словах, которые обычно говорящий стремится произнести более отчетливо. Если слово, даже слабо освоенное русским языком, попадает в безакцентную фразовую позицию, то в содержащемся в нем зиянии возможны любые из тех явлений, о которых будет сказано ниже.

2. *Межслоговая ассимиляция* гласных в зиянии. Она заключается в уподоблении одного гласного в зиянии другому и носит обычно регрессивный характер. Реализация гласных в зиянии под влиянием межслоговой ассимиляции возможна, если зияние находится на месте ударного – I предупредного слогов или на месте I – II предупредных слогов. В указанных позициях, благоприятных для осуществления ассимиляции гласных в зиянии, возможна или подстройка по подъему второго гласного под первый: *акт[оá]льный, вирт[оá]льный, сит[оá]ция*, или полная ассимиляция гласных: *ауку[оó]н, бенефиц[аá]нт, [р'аа]лист, п[уу]чók, ш[уу]рмá* и мн. др. Межслоговая ассимиляция гласных в зиянии – обязательный этап на пути к стяженному произношению зияния.

3. *Стяжение* гласных в зиянии. Механизм стяжения (слияния) двух гласных в один таков: первый гласный уподобляется второму, исчезает межвокалический переход и образуется один гласный звук, сокращается длительность получившегося звука, которая отчасти переходит в интенсивность. Стяжение имеет место в тех же позициях, что и межслоговая ассимиляция, т. е. зияние должно находиться на месте ударного – I предупредного слогов или на месте I – II предупредных слогов. О стяжении можно говорить в том случае, когда на месте зияния произносится только второй его компонент. Переход от межслоговой ассимиляции к стяжению может быть вызван следующими причинами. Во-первых, это высокая лексическая освоенность слова, частотность слова, содержащего

зияние. В этом случае иногда происходит лексикализация стяженного произношения вокалического сочетания. Примеры: [p'á]льный, *милиц*[a]нёр, *спец*[á]льный, *офиц*[á]нт, *иниц*[a]тíва, *аква*[p'ý]м, *экзаменац*[б]нный, [t'á]тр, *профе*[c'a]нáл, [p'э]лтор и др. под. Еще одна причина стяжения – быстрый темп речи. Тогда даже в словах, в которых обычно не наблюдается переход к стяженному произношению, отмечается упрощение зияния посредством стяжения. Стяжение также более вероятно в длинных словах, чем в коротких, ср.: ц[ы'á]н, но ц[á]нистый.

4. **Эллипсис** одного из компонентов зияния. Эллипсис (утрата, редукция, пропуск) одного из гласных в зиянии возможен главным образом в сочетаниях, где оба гласных безударны, имеет место преимущественно в том случае, когда произносится только первый компонент. Чаше всего эллипсис гласного можно наблюдать в зиянии, которое занимает положение II–III и следующих предударных слогов.

5. **Дифтонгизация** вокалического сочетания. Образование дифтонга (восходящего или нисходящего) на месте зияния осуществляется в результате утраты слоговости одним из гласных вокалического сочетания. Зафиксирована дифтонгизация зияний в словах *си*[дў]борóйт, *Б*[áў]манская, *с*[áў]нóтрéк, *в*[ыц]грáть; обычно дифтонгуется зияние в элементе *-оид-*: *префикс*[бй]д, *целлюл*[бй]д, *рубер*[бй]д, *трапец*[бй]д и др. Как видно из этих примеров, дифтонгизация зияния осуществляется преимущественно при первом ударном его компоненте, причем чаще всего теряют слоговость гласные [и] и [у].

6. **Консонантизация** одного из компонентов зияния заключается в замене одного гласного звука в зиянии соответствующим согласным: [и] изменяется на [j] (когда звук [и] – первый компонент зияния при втором ударном компоненте), [у] – на [в] (когда [у] – второй безударный компонент). В [Касаткина 2006] находим примеры *мил*ь[jо]н, *вар*ь[já]нт, *тротва*р, *ритва*л. Вообще такое произношение сочетаний *ио*, *иа* характерно для начала прошлого века. Однако нормативным остается произношение с консонантизацией первого компонента зияния в слове *материал* и производных от него: *мате*[p'já]л, *мате*[p'já]льный, *мате*[p'já]льчик и др. Характерны

также варианты брилли́ант – брилья́нт, биенна́ле – бье́нна́ле, миллио́н – мильо́н, валери́йна – валерья́на, ди́йкон – дья́кон.

7. Реализация зияния с *эпентезой* – вставкой согласного звука (в основном йота [j] или гортанной смычки [ʔ]) между двумя компонентами зияния. В [Касаткина 2006] такие примеры эпентез: *ди*[jэ́]з, *кли*[jэ́]нт, *пи*[jа́]р, *о*[ʔа́]зис, *со*[ʔа́]втор, просторечные *Лари*[вб́]н, *ради*[вэ́]. Произношение с эпентетическим [j] некоторых слов с сочетанием *ие* кодифицировано в [Каленчук, Касаткина 2001]: *кли*[э́]нт и *кли*[э́]нт; *ди*[э́]та и *ди*[э́]та и др. слова с корнем *диет*-; *ди*[э́]з и *ди*[э́]з и нек. др. Гортанная смычка кроме того часто используется говорящими как средство выразительности речи.

8. *Аномальные* реализации зияний. Сюда относим все остальные способы реализации зияний. Они отмечаются главным образом в тех случаях, когда ударный – первый компонент зияния или когда оба компонента занимают положение заударных слогов. Речь идет о таких словах, как *х*[а́оʸ]с, *пер*[и́у]д, наряду с «нормальным» *пер*[и́э]д, и некоторых других. Вот какие реализации зияния в слове *радио* приводит М. В. Панов: «Слово *радио* произносится: [ра́яд'ил], [ра́яд'иь°], [ра́яд'иь], [ра́яд'ияа], в книжном стиле: [ра́яд'ияо]. Так же вариативно произношение слова *период* и многих других» [Панов 1967: 65].

ЛИТЕРАТУРА

М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина. Словарь трудностей русского произношения. – 2-е изд., стереотип. М., 2001.

Р. Ф. Касаткина. О реализации некоторых вокалических сочетаний в русской речи (в печати).

М. В. Панов. Русская фонетика. М., 1967.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФОНЕТИКИ ПОБОЧНОГО УДАРЕНИЯ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

1. Побочное ударение (ПУ) является реальией для целого ряда европейских просодических систем, в частности, русской, английской, немецкой. Тем не менее, феномен ПУ остается одной из малоизученных областей лингвистики. В основном изучение ПУ ограничивается теоретическим и интроспективным анализом; к сожалению, очень небольшое число работ (на базе различных языков) содержат экспериментальные акустические исследования данного явления. Изучение феномена ПУ в других языках, выявление общих черт и закономерностей и различий акцентной системы этих языков, с одной стороны, и русской акцентной системы с другой, может способствовать более глубокому пониманию сущности и функционирования побочного ударения в русском языке.

2. В русском лингвистической традиции существуют два основных подхода к изучению второстепенного ударения: считать его принадлежностью уровня словесной просодии, с одной стороны, и фразовой просодии, с другой.

3. Необходимо различать побочное ударение как абстрактный лексический маркер (лексическое побочное ударение) и его фонетическую реализацию в речи.

4. В английском языке различают ударение и выделенность слога. В русском языке основной акустической функцией ударения является вершинообразующая функция: выделенный слог, не организующий вокруг себя другие слоги в соответствии с редукционной моделью русского языка, не является ударным. Если различать ударение и выделенность слога в русском языке, так же как в английском, становится понятно, что простое отсутствие редукции гласного в неглавноударном слоге не означает автоматически наличия второстепенного ударения.

5. Ряд морфем английского и немецкого языка, по мнению исследователей, обладает так называемым метрическим свойством: свойством вынуждать появление второй акцентной вершины в слове (ПУ). В английском языке это прежде всего суф-

фиксы, в немецком – префиксы. Попытки выделить подобные морфемы на материале русского языка показали, что нельзя выделить такие аффиксы, которые всегда приводили бы к появлению в русском слове дополнительной акцентной вершины.

6. Сложные слова в английском и немецком языках могут принадлежать к одной из четырех акцентуационных моделей: одна вершина (ударение) – две равносильные вершины (double-stressing) – второстепенное ударение в препозиции – второстепенное ударение в постпозиции (в русском языке подобной модели не существует). Акцентная схема сложного слова при этом регулируется комплексом словообразовательных и ритмических факторов.

7. Среди акустических характеристик важнейшей для реализации второстепенного ударения в русском языке является увеличение длительности гласного и наличие тонального перелома на гласном слога под ПУ. В английском языке главным акустическим показателем ПУ является движение тона: типичным является падение тона на слоге – носителе ПУ. Второй по важности акустический коррелят ПУ в английском языке – это длительность, далее идут интенсивность и качество звука. В немецком языке ведущими акустическими признаками главного ударения являются мелодический контур и длительность, а также их сочетание. В случае побочного ударения длительность становится нерелевантной.

8. Появление ПУ в сложных словах английского, немецкого и русского языков зачастую определяется типом связи между компонентами сложного слова (сочинение или подчинение), а также их происхождением.

9. Одной из универсальных ритмических тенденций, характерных для большинства европейских языков, является изометрия и, как следствие, изохронность междуударных интервалов, что ведет к появлению ритмического побочного ударения на начальных слогах длинных слов, даже не сложных по структуре.

10. Еще одной просодической универсалией является тенденция к смещению ударения к началу слова. Фиксированность второстепенного ударения на определенном слоге сложного слова не всегда соблюдается в реальной речи, и чем естественнее коммуникация, тем больше вероятность синтагматического смещения.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ФОНЕТИКИ И ФОНОЛОГИИ: К ВОПРОСУ О ТЕРМИНАХ

Понимание научного текста более, чем какого-либо, зависит от точности основных терминов, которые по определению должны быть однозначными. Последнее не всегда соблюдается даже у одного автора и тем более может различаться у разных.

В данной статье мы рассмотрим термины «фонетика» и «фонология» с целью выявления наиболее адекватной точки зрения или, по крайней мере, установления соотношений между ними в основных российских школах.

Фонетика как термин употребляется в русском языке с XIX в., а фонология – с первой трети XX в. Если ориентироваться на перевод, то фонетика – это описание звуков, а фонология – учение о звуках, и, как всякое теоретическое учение, отражает идеал, а не реальное состояние. В настоящий момент существуют две точки зрения на их взаимодействие.

Первая – партитивная, т.е. фонология рассматривается как часть фонетики. Её сторонники считают, что фонетика имеет три раздела: акустика речи, антропофоника или физиология речи и фонология.

Этой точки зрения придерживался, например, Р.И. Аванесов. В статье «К вопросу о фонеме» он писал, что «отрыв фонологии от фонетики; отрыв фонемы и фонетической системы от морфемы, слова и структуры языка в целом; внеисторичность» непримлемы. «Следовательно, задача заключается не в том, чтобы оторвать функцию от выражающей ее языковой материи, а в том, чтобы изучать то и другое в реально существующем органическом единстве. В противном случае фонетика окажется дисциплиной совершенно ненужной, а фонология – беспредметной» [Аванесов 1952:465].

В других случаях фонологию выделяют как отдельную от фонетики дисциплину. Тогда два первых раздела фонетики (в широком смысле) – акустика и физиология речи – объединяются в фонетику (в узком смысле), которая противопоставляется фонологии.

Последняя изучает общественную, функциональную сторону звуков речи, т.е. звуки рассматриваются как средство общения и как элемент системы языка.

Одним из первых четко противопоставил фонетику и фонологию и определил их задачи Н.С. Трубецкой: фонетика — это наука о материальной стороне звуков человеческой речи, фонология изучает те звуковые различия, которые влияют на различение смыслов. Фонология описывает соотношения различительных признаков, а также правила их сочетания в составе звуков и их последовательностей.

Какая же из этих точек зрения правильная, или, точнее, какую удобнее договориться считать общепринятой? Различие их прежде всего опирается на разное понимание фонемы в основных российских школах фонетики и фонологии.

Термин ввёл в массовый оборот И.А. Бодуэн де Куртенэ, который создал первую в мировой науке о языке достаточно полную теорию фонемы. Он исходил из осознания неустойчивой природы звуков речи как явлений физических, ставя им в соответствие устойчивое психическое представление (названное взятым у Ф. де Соссюра³² термином фонема, но трактуемое совершенно иным образом). Фонема понималась им как «языковая ценность», обусловленная системой языка, в которой функцию имеет лишь то, что «семасиологизировано и морфологизировано».

Известно также, что понятие фонемы не совпадает у Московской³³ (МФШ) и Ленинградской³⁴ (Петербургской) (ЛФШ) фонологических школ

³² «Фонема — это пучок дифференциальных признаков. Фонемы — это оппозитивные, относительные и отрицательные сущности».

³³ Важнейшее положение учения о фонеме МФШ — применение морфемного критерия при определении фонемного состава языка. По данной теории, фонема — это ряд позиционно чередующихся звуков, которые могут не иметь никаких общих фонетических признаков, они объединены только своими позиционными характеристиками.

³⁴ Понятие фонемы в ЛФШ отличается от того, как оно трактуется другими фонологическими и фонетическими учениями, прежде всего тем, что оно обеспечивает возможность и обязательность использования характеристик конкретных материальных явлений (акустических, артикуляторных) для образования значимых единиц языка,

Какие же выводы мы можем сделать? Если проследить историю развития большинства наук, то сначала они были слитыми в одну, затем наступал черёд узкой специализации, и на более высокой ступени развития образовывались новые гибриды. По всем признакам фонетика сейчас переживает второй этап, поэтому, вероятно, логичнее считать фонетику (в узком смысле) и фонологию родственными, но разными науками, а Ленинградскую школу скорее фонетической.

Что же касается фонемы, то только время покажет, с какой позиции удобнее анализировать язык: МФШ (с точки зрения говорящего) или ЛФШ (слушающего). Пока в языках применяются и та, и другая модели.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. К вопросу о фонеме / Изв. АН СССР, ОЛЯ. Т. XI. Вып. 5. М., 1952

Аванесов Р.И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956

Богомазов Г.М. Фонология говорящего и фонология слушающего <http://iling.nw.ru/grammatikon/child/bog.html?language=en>

Постовалова В.И. Историческая фонология и ее основания: Опыт логико-методологического анализа М., 1978.

Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

Сусов И.П. История языкознания Тверь, 1999.

Трубецкой Н.С. Фонология и лингвистическая география М., 1987.

Якобсон Р. Принципы исторической фонологии М., 1985

www.philol.msu.ru

т.е. фактически эта школа занимается фонетикой даже в узком понимании.

СЕГМЕНТНЫЕ И МЕЖСЕГМЕНТНЫЕ УКЛАДЫ В РУССКОЙ АРТИКУЛЯЦИОННОЙ БАЗЕ

Понятие артикуляционной базы (далее – АБ) часто определяют как *совокупность артикуляционных укладов органов речи для нормативного произношения на данном языке*. В связи с этим небесполезно уточнить понятие «артикуляционного уклада», содержание которого (как и понятия АБ) менялось на протяжении XX века. Толкование артикуляционного уклада как *стартовой позиции для органов речи перед фонацией*, характерное для первой половины века, сменилось общеупотребительным представлением о *положении того или иного речевого органа для произношения определенного звука*. При этом обычно имеется в виду *стационарная фаза артикуляции звука*. Причем характеризуют именно ту артикуляцию, которая определяет так называемый *артикуляционный фокус* – положение активно действующего органа, образующего основную артикуляцию.

Между тем, именно комплекс артикуляционных работ всех органов речи во время фонации создает ту форму речевого тракта, которая в результате взаимодействия резонаторных полостей и определяет характерный тембр звука на выходе из ротового отверстия. В этом и заключается кардинальное отличие артикуляционного представления звука как совокупности артикуляционных работ и акустического его коррелята как слухового впечатления, не расчлененного на отдельные составляющие.

На примерах будут показаны *ингерентные свойства комплексных артикуляционных укладов, присущих отдельным сегментным звукотипам*.

Однако *недискретность потока речи в результате коартикуляции вызывает неоднородность артикуляторной и акустической картины отдельных звукотипов, и разнообразную вариативность их в речи, часто скрытую для говорящего на родном языке фонологичностью его речевого слуха и искажающую опознавание речи на иностранном языке*.

Исследования показали органическую и неразрывную взаимосвязь *вокалических и консонантных признаков в слове, слове и синтагме, проявляющихся, в частности, в огубленно-*

сти начальнослоговых согласных в слоге с лабиализованными гласными (и шире: огласовке начальнослоговых согласных на гласный слога); сложной *двусторонней аккомодации гласных* под влиянием различных признаков окружающих согласных; разнообразном *влиянии широкого левого и правого контекстов* на реализацию звукотипов.

Примеры показывают различную зону проявления артикуляционных укладов в потоке речи: одни из них ограничены строго одним сегментом, другие распространяются на участки речевой цепи большей или меньшей протяженности; границы одних совпадают с условными границами звукотипов, другие выходят за рамки этих границ и не соотносятся ни с отдельным звукотипом, ни со слогом, ни с морфемой, ни со словом.

Подобные уклады, реализующиеся *сегментно* или *межсегментно*, проявляют *иерархическую организацию АБ*, где можно видеть как *основные* уклады, охватывающие большое количество звукотипов в речевой цепи, так и более *частные* (*групповые* и *единичные*), подчиняющиеся основным и реализующиеся на их фоне.

Дифференциация артикуляционных укладов в системе АБ языка полезна как в сравнительно-типологических исследованиях, так и в прикладных областях, прежде всего, в логопедии и преподавании иностранных языков.

Н.Ю.Ломыкина (Москва)

ЗВУЧАНИЕ ПОДГОТОВЛЕННОГО МОНОЛОГА НА ТЕЛЕВИДЕНИИ (В.Флярковский «Новости культуры»)

Качественно новый этап развития отечественного телевидения на рубеже XX – XXI веков, усиление воздействия средств массовой коммуникации на все стороны жизни, сближение массовой коммуникации с межличностной вызывают особый интерес к речи, звучащей с телеэкрана.

Просодия как совокупность таких признаков звучащей речи, как мелодика (изменение тона), громкость, темп, ударение, паузация, общие тембровые характеристики, определяет качество

речи, звучащей на телеэкране. Например, ведущую программы «Время» (Первый канал) Арину Шарапову и исследователи телеречи, и зрители критиковали за высокий темп речи, нечеткую дикцию и «английскую» интонацию – восходящую мелодику в законченных фразах. Снижение рейтингов программы привело к замене ведущей. Авторская программа профессионального тележурналиста Александра Гурнова «Субботний вечер с Александром Гурновым» (РТР) просуществовала в эфире недолго, так как спонтанная речь ведущего была очень медленной, наполненной многочисленными хезитациями.

Особенности просодического оформления телевизионной речи определяются, во-первых, разновидностью речи, во-вторых, законами жанра телевизионной программы, в-третьих, индивидуальной манерой говорить и имиджем самого ведущего.

Рассмотрим, как функционирует просодия в телевизионной речи и как проявляются все перечисленные тенденции, на примере подготовленной монологической речи ведущего телеканала «Культура» В.Флярковского.

Подготовленный монолог используется, прежде всего, в новостных, информационно-аналитических и просветительских программах, в которых необходимо передавать большой объем информации, насыщенной фактами, именами, цифрами, цитатами известных общественных и политических деятелей. Общая тенденция всех СМИ – приблизить общение с аудиторией к межличностной коммуникации – особенно актуальна на телевидении, ведь именно так реализуется главная отличительная особенность телевидения – симультанность, то есть эффект присутствия в момент совершения события. Таким образом, даже подготовленный монолог на современном телевидении приобретает большую эффективность, если имитирует процесс мышления говорящего «здесь и сейчас», на глазах у телезрителей.

В целом звучание подготовленных монологических текстов информационных программ должно отличаться стандартизацией. Требования к просодическому оформлению подготовленных информационных монологов: простота и единообразие интонационного контура синтагм и фраз, активное использование дикторских пауз и пауз, выраженных сменой тона, нечастотное употребление логических пауз, отсутствие усиленного логического и эмфатического ударения, стабиль-

ный ускоренный темп. Индивидуализация в текстах этого типа создается в первую очередь за счет мелодики, повышения / понижения тона и вариативности темпа.

Если ведущий присутствует в кадре, он может пользоваться невербальными средствами коммуникации. Специфика информационного вещания ограничивает журналистов, работающих в эфире, в использовании возможностей проксемики и жестов, а особенно мимических реакций. Информация подается вербально и средствами просодии.

Подготовленную монологическую речь ведущего программы «*Новости культуры*» **В. Флярковского** отличает нормированное ударение, отсутствие пауз хезитации, логически верное деление текста на синтагмы и фразы, умелое использование логического ударения, отсутствие ошибок в интонационном контуре фразы.

В.Ф.: *Некогда парижане / получили от русского императора красивый и полезный подарок / мост Александра Третьего & соединил два берега Сены // Спустя более чем век / его конструкция была значительно усовершенствована // Четыре года назад / в год столетнего юбилея / мост устремился напрямик в российскую столицу // Теперь мост Александра Третьего & это еще и фестиваль французской музыки в Москве //*

В речи В. Флярковского довольно часто встречается сочетание небольших по длительности межсинтаменных пауз (/) с короткими паузами хезитации (§). Это придает естественность речи, помогает смягчить официальный тон, свойственный новостным программам. Поскольку хезитации свойственны спонтанной речи, их употребление в речи подготовленной помогает создать у зрителя ощущение межличностной беседы (ведущий «рассказывает» новости специально для этого зрителя).

Использование пауз хезитации в телеречи допустимо, но длительность паузы при этом не должна выпадать из общего темпа новостного сообщения, то есть не должна превышать 1 – 1,5 секунды. Кроме того в подготовленной речи ведущего новостных программ не должны присутствовать вокализации типа «м-м», «ага», «угу», «э-э», «эм-м», свойственные спонтанной речи. Специфика новостного жанра такова, что столь явные признаки спонтанности в эфире воспринимаются как непрофессионализм.

У В. Флярковского часто отсутствует межсинтагменная пауза как физический перерыв в звучании. Деление на синтагмы осуществляется за счет смены основного тона (&), (чаще всего восходящая мелодика сменяется нисходящей, несколько реже – ровным тоном).

В.Ф.: *Премия молодым драматургам & вручалась в день четырехсотлетия со дня первой постановки & трагедии Шекспира «Отелло» //*

В новостных программах отсутствие реальной паузы дает возможность сохранять высокий темп речи (что является особенностью подачи новостного материала на телевидении и одним из требований к речи ведущего новостей), но при этом за счет интонирования сохраняется логическое деление на синтагмы, что обеспечивает верное восприятие информации телезрителем.

В. Флярковский активно пользуется логической паузой в сочетании с логическим ударением для подчеркивания и выделения важной информации. С помощью паузы ведущий делает акцент на именах, географических названиях, на названиях произведений, что характеризует его как профессионала, который умеет выделить главное и донести до зрителя.

В.Ф.: *Пятьдесят второй международный кинофестиваль в Сан-Себастьяно / в Испании / открылся фильмом Вуди Аллена / Мелинда и Мелинда //* Из рук Педро Альмодовара / Вуди Аллен получит приз за вклад в мировое искусство.

Ведущий «Новостей Культуры» умело использует психологическую паузу, связанную, в отличие от паузы логической, не с мыслью и не со структурой текста, а с чувством.. По законам новостного жанра (высокий темп, обезличенность информации, четкость и сухость подачи), ведущий не имеет возможности затягивать паузу, создавая тем самым интригу, как ведущие аналитических программ, где присутствует личностное начало, или ведущие развлекательных программ (особенно интеллектуальных игр). Однако В. Флярковский, поддерживая отношения «владеющий информацией – получающий информацию») вместо «беременной» психологической паузы использует нанизывание психологических пауз, тем самым возбуждая интерес зрителей, привлекая их внимание, создавая легкую интригу. Как правило, нанизывание пауз

сопровождается восходящей мелодикой и усиливается логическим ударением.

В.Ф.: *Свой способ выхода | из демографического кризиса | в отдельно взятом приходе | предложил священник | герой пьесы хорватского драматурга Матти Матишича //*

Потенциальное логическое ударение заключено почти в каждой фразе, однако практически возможность выделения того или иного слова в телевизионных текстах определяется характером текста, его стилевой принадлежностью, типом звучащей речи, экранной конситуацией. В информационных программах допускается лишь стилистически нейтральный способ создания логического ударения, то есть за счет интонационного выделения и увеличения громкости.

Даже в речи ведущих информационных программ проявляется стремление современной телеречи к интимизации. Если при подаче новостей политических ведущие стараются не допускать оценочности на просодическом уровне, то в сообщениях о трагических событиях федерального или международного значения (так называемых «breaking news») или, напротив, в текстах новостей о культурных и спортивных событиях («infotainment») ведущие информационных программ используют выразительные средства просодии. В этом случае логическое ударение, подчеркнутое паузой, логической или психологической, усиленное за счет мелодики, ослабления или усиления голоса или изменения темпа, передает не только логику речи, но и подчеркивает трагический или, наоборот, позитивный характер информации, а также выражает отношение говорящего к сообщению, его личную позицию.

Тематическая однородность программы «*Новости культуры*», обусловленная общей направленностью канала, позволяет **В. Флярковскому** некоторую свободу в подаче информации. Ведущий передает экспрессивность сообщения за счет логического выделения нисходящей мелодикой, паузацией, модуляцией голоса и изменением темпа. При этом именно использование нисходящей мелодики в словах, выделенных логическим ударением, позволяет ведущему сохранить интонационный контур информационного сообщения и не нарушить стилистику программы излишней эмоциональностью.

В.Ф.: *Цитата заканчивается / и становится понятно / что дело не в моде на старую советскую драматургию / и не в моде вообще // Просто ничего нового / о романтической любви / для театра пока не написано // Может быть не успелось // Может / просто не опубликовано // А может и незачем // Есть же Вампилов //*

Подобная суггестия речи приближает дистантное общение «ведущий – телезритель» к межличностной коммуникации, смягчает ощущение подготовленности речи. Ведущий признается, что коллеги нередко задают ему вопрос, пользуется ли он телесуфлером; его манера подачи информации создает впечатление свободного говорения даже у профессионалов.

А.Б. Лукашенец (Беларусь)

МОДАЛЬНОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЯ И ЕЕ ПРОСОДИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ

Модальность, как и любая другая лингвистическая категория, получает свое воплощение на различных уровнях языковой системы. Основными способами выражения модальности являются морфологические, интонационные, синтаксические, лексические и другие средства, включающие в себя наклонения глагола, разные виды интонации, модальные слова и частицы. Но если инвентарь грамматических и лексических средств языка описан достаточно подробно, то семантический потенциал просодии, активно участвующей в выражении модальности в устной речи, остается мало изученным.

Вопрос о выражении модальности исключительно просодическими средствами до сих пор не решен однозначно в связи с широким диапазоном значений, относимых различными исследователями к модальным. Некоторые исследователи, принимая узкую трактовку модальности, характеризуют ее в терминах реальности/ирреальности, возможности, действительности, необходимости (т.н. объективная модальность) и достоверности (субъективная модальность). По-видимому, не существует прямого соответствия между интонацией и объективным модальным значением. В противном случае, должны

были бы существовать, например, интонационные варианты оформления одной и той же фразы *Жан спит*, обозначающие необходимость или возможность. Очевидно также, что интонация не обладает предикативной функцией и не может различать значения реальности/ирреальности.

Напротив, способность интонации выражать субъективную модальность признается всеми лингвистами. Исследователи, придерживающиеся широкой трактовки модальности, наряду с эпистемической модальностью (выражение уверенности/неуверенности говорящего в достоверности сообщаемого) относят к сфере субъективной модальности общую коммуникативную направленность высказывания (иллокутивная, коммуникативная модальность) и различные эмоционально-экспрессивные оттенки (эмоциональная модальность).

Исследования, направленные на описание мелодии различных коммуникативных типов высказываний и поиск интоном вопроса, побуждения и утверждения, сыграли большую роль на начальном этапе изучения семантики интонационных единиц. Впоследствии, некоторые лингвисты перестали считать дифференциацию коммуникативных типов высказываний непосредственной функцией речевой мелодии, способной, по их мнению, выражать лишь наиболее обобщенные значения логикосемантического плана (завершенность/незавершенность, определенность /неопределенность, выделенность/невыделенность). Тем не менее, многочисленные исследования свидетельствуют о том, что в языковом сознании носителей языка на уровне продуцирования и восприятия речи основные типы контуров прочно ассоциируются по крайней мере с двумя основными коммуникативными типами высказываний: восходящий контур – с общим вопросом, а нисходящий контур – с утверждением. Данное интонационное противопоставление вопроса и утверждения, подробно изученное на материале разных языков, даже относят к языковым универсалиям – свойствам, присущим большинству языков мира.

Семантическую сущность модальности предположения составляет личная оценка говорящим степени соответствия высказывания действительности, которая в тесной связи с иллокутивным значением выражается градуальными оппозициями по признаку уверенности/неуверенности. Роль просодии в процес-

се дифференциации оттенков предположения многогранна: она может маркировать неуверенность самостоятельно, усиливать или ослаблять семантику лексических и грамматических средств передачи предположения, в отдельных случаях – выражать степень уверенности говорящего. На материале французского языка внутри иллокутивных типов утверждения и вопроса были выявлены тональные контуры, однозначно соотносимые с уверенным и неуверенным утверждениями, общим вопросом и переспросом. Однако потенциал просодии в дифференциации оттенков предположения ограничен. Просодия последовательно маркирует собственными силами модальность предположения как таковую, но редко надежно различает оттенки данной модальности.

Изучая интонационное выражение конкретных эмоций, некоторые исследователи пришли к выводу о том, что, основываясь только на интонации, можно выявить не только наличие или отсутствие эмоции, но и определить ее вид (тональные контуры радости, гнева, страха, удивления). Однако большинство лингвистов сомневается в возможности выделения интонационных контуров, однозначно соотносимых с различными эмоциями. Предполагается, что интонация сама по себе не может выражать модально-эмоциональных значений, подобных значениям лексических единиц, она характеризует лишь степень эмоциональной вовлеченности говорящего, не указывая при этом на ее положительную или отрицательную окраску, которая передается лексическими средствами, а также с помощью просодического тембра. В результате на данном этапе интонологам предлагается обратить внимание на выражение относительной степени эмоциональной насыщенности высказывания.

Из всего вышесказанного следует, что вопросы, связанные с семантическим потенциалом просодических средств, далеки от своего решения, а потому находятся в центре внимания современных интонационных исследований.

PHONETICS-PHONOLOGY INTERFACE IN LOANWORD ADAPTATION

The present paper reports on the difference between the substance of empty positions of /./ and /a/ in French loanwords into Moroccan Arabic (MA, hereafter). It reveals the existence of different articulatory properties left behind after vowel deletion of the French definite articles *le* and *la* when followed by a vowel initial word. This results in perceptive differences, which, in turn, results in different repair strategies in loanword adaptation.

The schwa has received a considerable attention from many phoneticians and phonologists; it is, however, not a fully understood phenomenon. In particular, literature on the substance of the empty position of the schwa has revealed a good deal of controversy among scholars. Although different approaches have been adopted, there is a general acceptance of the idea that consonant clusters resulting from schwa deletion as in “d’role” (some role) are not identical to those that are not, as in “dro.le” (bizzare).

Rialland (1986) argues that schwa deletion doesn’t result in syllable deletion because it is replaced by a syllabic consonant. This means that the two clusters have different prosodic structure, and, hence, different phonetic realizations. Alternatively, Steriade (1999) explains that there are articulatory characteristics resulting from schwa deletion present in the lexical forms, which allows productive as well as perceptive distinction between such pairs as “drole” and “d’role”. Thus, consonant clusters resulting from schwa deletion involve either a syllabic consonant (Rialland, 1986) or extra articulatory characteristics (Steriade, 1999).

The present paper will go further to compare the substance of the empty position resulting from deletion of /./ to that of /a/. French definite articles *le* and *la* seem to be neutralized when realised as L apostrophe after vowel deletion. I will, however, explain that the two articles remain distinct. Evidence from vowel initial French loanwords in Moroccan Arabic will be presented. When borrowing takes place, initial onsetless syllables take “L apostrophe” as onset in some cases –but not in others– to satisfy the onset requirement imposed by the host language. Consider the following examples in (1):

(1) French MA Gloss French MA English

a- /a.tren ɲr/ /lontrinur/ Coach

d- /asa.sɲr/ /sansur/ Elevator

b- /uniform/ /liniform/ Uniform

c- /apart.ma./ /bartma/ Apartment

c- /asura.s/ /laSorans/ Insurance f- /elastic/ /lastik/ Band

Notice that the onsetless syllable is saved by maintaining L apostrophe in the feminine nouns in 2 (a-c), but not in the masculine ones in 2 (d-f). Given that segments are actually bundles of features, and their deletion is in fact a deletion of features, I propose that the deletion of /a/ and /./ would result in different empty positions. I shall introduce phonetic evidence to show that maintaining or deleting L apostrophe is motivated by the existence or absence of certain articulatory characteristics left behind after the deletion of /./ and /a/. I shall conclude that there are two L apostrophes, which are articulatorily distinct.

Comparison of /./-elided and /a/-elided definite articles reveals fine articulatory characteristics, which are maintained in the surface forms without vowels distinguishing masculine and feminine L apostrophes. This is responsible for the choice of the repair strategy opted for by MA in adapting loanwords: (i) deleting the initial syllable or (ii) maintaining L apostrophe as the onset of the first syllable.

REFERENCES

- Brasington. R. 1981. Epenthesis and Deletion in Loan phonology. Work in progress *Phonetics laboratory*3, 97-103.
- Brasington.R. 1997. Cost and Benefit in Loanword Adaptation. *Working papers in linguistics* 3.
- Dell, François 1978 "Epenthese et Effacement de Schwa dans les Syllabes Contingues en Français," in B. de Cornulier & F.Dell (eds.) *Etudes de Phonologie Française*, 75-81.
- Flemming, E. 1995. *Perceptual Features in Phonology*, UCLA Ph.D. dissertation.
- Gbeto Flavien. 1999. Les Emprunts Linguistiques d'Origine Europeene en Fon. Koln : Rudiger Koppe Velag.
- Lacharite D. & c. Paradis. 2000. Phonological Evidence for the Bilingualism of Borrowers. In John J & G. van Herk (eds) *Proceedings of the*

2000 Annual Conference of the Canadian Linguistic Association. Ottawa
cashiers linguistiques d'ottawa.

Louriz, N. 2004. Repair Strategies in Loanword Phonology. In *Essex Graduate Student Papers in Language and Linguistics* 6. 153-167.

Peperkamp, S. & E. Dupoux (2003) Reinterpreting loanword adaptations: The role of perception. In: *Proceedings of the 15th International Congress of Phonetic Sciences*, 367-370.

Prunet J F 1990. The Origin and Interpretation of French Loans in Carrier. In *International Journal of American Linguistics* 56. 484-502.

Rialland, R 1986. Schwa et syllable en Frencais. In Wetzels et al (eds) *Studies in compensatory lengthening*, Foris, P. Steriade, D & C, Fougeron. 1999. Au dela de la syllable: le ro.le des information articulatoires stokees dans le lexique pour l'analyse de la chute de schwa. In Wauquier-Greveli, s. (ed.) *Journees d'Etudes Linguistiques : la syllable sous tous ses aspect*. Universite de Nantes.

Т.М. Надеина (Москва)

ПРОСОДИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КАК ФАКТОРЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Сложившееся еще в античные времена представление о том, что звучащий текст обладает большей силой воздействия на человека по сравнению с текстом письменным, получило подтверждение в трудах, посвященных ораторскому искусству, сценической речи, выразительному чтению, а также в лингвистических исследованиях фонетических особенностей публичных выступлений, эмоционально окрашенной речи и т.д. Поскольку результатом речевого воздействия являются изменения поведения человека, его эмоционального состояния, знаний о мире, отношения к событиям и т.д., можно предполагать, что просодическая организация сообщения способна влиять на индивидуальное сознание слушателя, усиливая степень воздействия лексико-грамматических средств или относительно независимо от них.

Для доказательства такого предположения был проведено экспериментальное исследование влияния просодической организации текста на его коннотативное значение. Коннотативным значением языкового знака, выступающего в виде символа-

раздражителя, называются «те состояния, которые следуют за восприятием символа-раздражителя и необходимо предшествуют осмысленным операциям с символами» (Ч. Осгуд). Другими словами, коннотативное значение текста – это тот личностный смысл, который извлекает реципиент в процессе его смыслового восприятия.

В эксперименте с помощью метода семантического дифференциала изучались реакции испытуемых на содержание текста в зависимости от типа его просодического оформления.

Результаты проведенного исследования показали, что увеличение интегральной скорости предъявления сообщения уже на 23% влечет за собой изменения коннотативного значения текста. Этот вывод согласуется с результатами экспериментального исследования перцептивных порогов по темпу [Кривнова, 1989], в котором показано, что пороговое значение при ускорении темпа составляет 15-20%, а при замедлении – 30-35% по сравнению с нормальным темпом.

Результаты проведенного исследования позволили также дополнить сведения о нормативном («нормальном», «нейтральном») варианте интонационного членения, идея о существовании которого высказывается многими авторами, хотя критерии остаются неопределенными. Установлено, что подробный вариант членения, когда границы синтагм в предложениях текста расставляются во всех возможных случаях (но без нарушения синтаксических связей), оказывает негативное воздействие на коннотативное значение текста. Полученный результат может объясняться тем, что при таком варианте членения нарушается смысловая целостность предложений, входящих в текст, т.е. происходит ослабление семантических связей между членами предложения (особенно длинного).

И, наконец, оказалось, что «подчеркнутая» акцентуация, когда акцентную выделенность получают все слова, которые следовало бы подчеркнуть, чтобы более точно передать смысловое содержание текста, изменяет коннотативное значение текста в лучшую сторону. Содержание оценивается как менее насыщенное, но в то же время более разнообразное и понятное, более актуальное и близкое, хотя и менее интересное.

Таким образом, результаты проведенного исследования показали, что тип просодического оформления текста влияет на

результат смыслового восприятия, что проявляется в изменении отношения слушателя к его содержанию. Рассмотренные в исследовании просодические средства (темп, интонационное членение и фразовая акцентуация) влияют на результат смыслового восприятия эмоционально нейтрального текста в рамках трех компонентов его содержательной структуры: пропозиционального, коммуникативного, прагматического. Быстрый темп приводит к тому, что содержание (пропозициональный компонент) расценивается как менее понятное, невыразительное, а информация (прагматический компонент) как менее полезная, актуальная и интересная. Подробное членение приводит к тому, что содержание расценивается как менее понятное, форма (коммуникативный компонент) – как менее удобная, информация – как менее полезная. Подчеркнутая акцентуация приводит к тому, что содержание расценивается как более понятное, простое и разнообразное, форма – как более динамичная, информация – как более актуальная.

На основании полученных результатов можно заключить, что рассмотренные просодические средства функционируют как факторы воздействия на слушателя, вызывающие изменения его личностно-смысловых образований. Эту функцию можно назвать перлокутивной, регулирующей или коммуникативной в широком смысле слова.

Т.М. Николаева (Москва)

ФОНОЛОГИЗАЦИЯ ПАРЫ *t / d В ДИАХРОНИЧЕСКОМ ПОЛЕ СЛАВЯНСКОГО ПРОСТРАНСТВА

1. То, что [t] и [d] являются разными фонемами, определяется достаточно легко. Легко подбираются и верифицирующие пары лексем вроде: *том – дом; дома – Тома; дур – тур* и так далее.

Но по мере погружения во все более глубокую реконструкцию необходимость различения / отождествления глухих и звонких становится все более мучительной и вызывает сомнения. Известный индоевропеист Франц Шпехт, занимаясь становлением индоевропейской парадигматикой имени в диа-

хронии (Fr.Specht. Der Ursprung der Indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947), пишет о трех основных «расширителях» индоевропейской парадигматики: * k / g ; * t / d ; * s. Иначе говоря, в его работе ведущие компоненты парадигматики не только выявляются, но и отождествляются на уровне глухих / звонких. Американский лингвист К Шилдс мл. (K. Shields K. On the origin of the Hittite particle –za // Miscellanea Celtica in memoriam Heinrich Wagner. Uppsala, 1997), анализируя в этой связи хеттское –za, осторожно говорит об «архифонеме» (в том понимании, которое принято у нас в отечественной науке), то есть выделяет « non-singular marker T (= t or d), which possessed a secondary collective function».

2. Однако, занимаясь реальным по-словным описанием славянских данных, оказывается, что достаточно трудно метатеоретически отождествить или не отождествить русское да и украинское та, общеславянское tak (ъ) и северное дак(ъ). Очевидно, что несомненная для сегодняшнего дня фонологизованность глухого и звонкого компонента этой (и не только этой) пары консонантов связана не только с их историей, но и истории на фоне какого-то другого явления развития языковой системы.

Высказываем гипотезу, что фонологизация связана в языковой истории с **грамматикализацией** элементов. Так, мы имеем *къ+де*, но не *къ+те*, *то+т(ъ)*, но не *до+т(ъ)* и т.д. Однако, в диалектной речи замены глухих на звонкие возможны (см., например, С.М. Толстая. Союз (частица) да в полесских говорах (к проблеме южнославянско-восточнославянских параллелей // Сборник матице српске за филологију и лингвистику. XXУ11-XXУ111, 1984-85). Фонологические расхождения возникают уже на уровне неких минимальных частиц (партикул) в функции междометий ?, коммуникативных частиц? реплик?. Так, например, *Да-да-да-да...* – это подтверждение или вспоминание. Но *Та-та-та-та...* – это уже высказывание сомнения.

3. Каков же путь от первых грамматикализованных расхождений и превращения двух алловариантов одной (?) фонемы в две единицы фонологической системы языка ? Как представляется путь этот и его регулярность еще совсем не изучены. Кроме того, здесь, как кажется, можно говорить о различающихся совокупностях феноменов :1) о фактах литературного языка, 2) о фактах не-литературного языка, включая диа-

лекты и просторечие, 3) о явлениях «скрытой языковой памяти» в языковом употреблении.

4. Это явление «скрытой языковой памяти» возникает часто в поэтических текстах, на которые именно в связи с анализом общеязыковой системы так много обращал внимание В.Н.Топоров.

Так, например, к сожалению, не имея такого образца для t / d, мы обнаружили алловариантное чередование b/p в тексте Полтавского боя у Пушкина, где еще, конечно, анаграмматически представлено само имя Петра (приводим только последние строки):

*И Ше-Р-еме- Т-ев Благо-Р-одный,
И Бр-юс, и Б-оу-Р, и Ре-П-нин,
И счастья Б-аловень Б-ез Р-одный
П-олудержавный влас- Т-елин.*

С. Оде (Нидерланды)

ТРАНСКРИПЦИЯ РУССКОЙ ИНТОНАЦИИ ТОРИ: ФОРМЫ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ТОНАЛЬНЫХ АКЦЕНТОВ

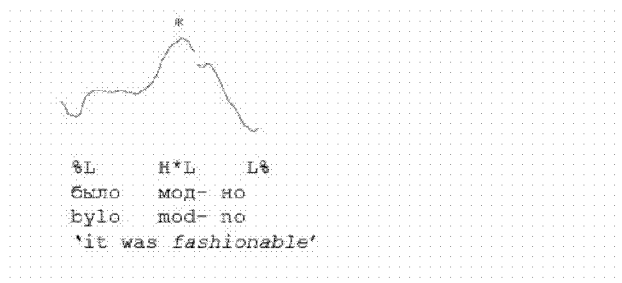
В своем докладе (с помощью аудиовизуального материала в программах Praat и Powerpoint) я буду излагать новую систему транскрипции русской интонации ToRI ('Transcription of Russian Intonation'). В данной системе используются однозначные символы для транскрипции тональных акцентов: Н*L, Н*Н, Н*М, L*, НL*, L*Н. Эти символы выражают экспериментально проверенные формы и коммуникативные функции тональных акцентов. ТоРИ построена таким образом, что систему можно использовать как учебный инструмент для лингвистов и студентов на продвинутом этапе, так и как исследовательский инструмент, например, для описания интонации в разных вариантах русского языка и в русских диалектах во время лингвистических экспедиций.

Конкретно, система ТоРИ состоит из символов, обозначающих

- тональные акценты (символ * с указанием тональных целей H (high), M (mid), L (low) в центре (в слоге с акцентом), в предцентре и/или в постцентре),
- движения тона соединяющие тональные акценты (символы H, M, L),
- тональные границы в начале и в конце высказываний (символ % с указанием тональных целей H, M, L).

Каждый символ, представляющий тип тонального явления, описывается с правилами произношения (даются фонетические корреляты), с аудиовизуальными примерами, и с упражнениями. С помощью упражнений студент усваивает как распознавать тональные явления (в каком слоге, какой тип явления), использовать символы для транскрипции и имитировать контуры. Работая с ТоРИ в интернете, студент знакомится также с терминологией интонации.

В качестве примера, внизу дана картинка тонального акцента H*L в высказывании было модно (женский голос) с указанием уровня высоты тона в начале (%L) и в конце (L%) высказывания, и с указанием тонального акцента (H*L): повышение с низкого до высокого уровня, высокий уровень в ударном слоге и понижение до низкого уровня.

Коммуникативными функциями акцента H*L являются общий вопрос (было модно?), незавершенность (было модно, но мне не нравилось), контраст (тогда было модно, сейчас уже нет), повторный вопрос (было модно? ты это сказал?), альтернативный вопрос (было модно, или нет?), проминентность (это как раз было модно).

СЕГМЕНТАЦИЯ ЗВУЧАЩЕГО ИНОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА ПРИ ЕГО ВОСПРИЯТИИ

Многочисленные работы исследователей восприятия речи, а также экспериментально-фонетические исследования на материале языков разной типологии убедительно показывают, что членение (сегментация) непрерывного по своей физической природе речевого сигнала является неременной составляющей процесса восприятия человеком естественной речи. Доказательством этого является тот факт, что носитель языка, владеющий языковой системой, умеет в процессе восприятия речи «описывать» акустический речевой сигнал в терминах уже известных ему дискретных языковых единиц. Таким образом, перцептивная сегментация оказывается необходимой, поскольку ее результаты влияют на идентификацию языковых единиц, образующих текст.

Целью данной работы было получение данных о стратегиях, используемых при перцептивной сегментации звучащего иноязычного текста на слова носителями языков, типологически отличающихся друг от друга, а также оценка «весов» просодических параметров сигнала, используемых при этом.

До сих пор остается неясной взаимосвязь между универсальными просодическими параметрами сигнала и приобретенными стратегиями перцептивной сегментации.

Экспериментальный материал представлял собой запись фонетического текста, прочитанного носителями польского, итальянского и японского языков и предъявленного для восприятия филологам-студентам и аспирантам университета им. Гумбольдта.

Из просодических параметров особую роль играют мелодическая составляющая интонации и ритмическая структура высказывания.

В исследовании подтверждается тот факт, что вопреки ожиданиям, акустические паузы на стыках синтаксических единиц оказываются гораздо менее значимыми (как признак границы) сравнительно с мелодической составляющей просодического контура.

Последующие эксперименты по сегментации звучащего текста, из которого были удалены все акустические паузы (беспаузный текст), за исключением глухих смычек взрывных согласных, подтвердили наблюдение, что в значительном числе случаев испытуемые членили текст в местах отсутствующих пауз, при этом качество восприятия текста практически не изменилось.

В работе также приведен анализ распределения исследуемых величин.

Данное исследование предполагает существование перцептивных механизмов, базирующихся на принципах фонологии/ фонотактики родного языка, систематически отражающих структурные аспекты слов и их компонентов.

О.А. Первезенцева (Москва)

ПРОСОДИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ И ИНТОНАЦИОННЫЙ АКЦЕНТ В ПРОЦЕССЕ ПРОДУЦИРОВАНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ РЕЧИ

Среди лингвистов, занимающихся изучением проблем билингвизма, существует мнение об обязательности рассмотрения явления интерференции с двух сторон – говорящего и слушающего, при этом говорится о необходимости анализа соотношения интерференции и акцента. В то время как интерференция – это процесс смешения элементов двух языков, акцент существует лишь для слушающего и представляет собой результат интерференции, ошибки в речи, которые воспринимаются носителем языка как отклонения от нормы.

До недавнего времени считалось, что процессы интерференции и закономерности ее проявления можно проследить на основе контрастивно-сопоставительных исследований контактирующих языков, что позволит вскрыть типологические различия сравниваемых языков и предсказать потенциальные проявления интерференции с целью поиска путей ее устранения. Но подобные исследования принимают во внимание лишь внутренние предпосылки для интерференции и упускают из вида вторую сторону процесса коммуникации – слушающего.

Помимо выделения области возможных проявлений интерференции, существует потребность проведения исследования восприятия интерферированных высказываний, при этом особенно важна роль контекста и необходимость учета вариативности интонации. Перед лингвистами ставится задача выявления не только лингвистически значимых, но и коммуникативно-значимых отклонений.

При анализе интонационных ошибок русских студентов носителями английского языка выясняется, что отклонения от интонационного эталона оцениваются аудиторами преимущественно в эмоционально-модальном аспекте. Часто нарушения также затрагивают коннотации, определяющие ситуативную адекватность речевых актов, т.е. стилистический компонент семантики просодических единиц.

Во многом успешность усвоения второго языка зависит и от отношения к культуре изучаемого языка, а также некоторое влияние на интерпретацию речевого дискурса носителями языка оказывает и облик говорящего, его культура поведения и вся ситуация общения в целом. Наличие общих знаний (“common ground”) у собеседников поможет им избежать коммуникативных недоразумений и сделает их общение более эффективным.

Р.Д. Пичугова (Москва).

ПРОЦЕСС МЕЖСЛОГОВОЙ АССИМИЛЯЦИИ ГЛАСНЫХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Целью данной работы является экспериментальное исследование явления межслоговой ассимиляции гласных в современном русском литературном языке. Под межслоговой ассимиляцией понимается процесс изменения произношения гласного под влиянием гласных других слогов этого же фонетического слова. Другими словами, гласный звук одного слога уподобляется гласному другого слога. В связи с этим человек может произнести не *з[э]р[у]бежный*, а *з[у]р[у]бежный* (*зарубежный*), не *п[э]л[и]тели*, а *п[ы]л[и]тели* (*полетели*) и т.д.

Впервые о явлении межслоговой ассимиляции по отношению к литературному языку заговорила Р.Ф. Касаткина (Пауфوشيца). Ею были подобраны примеры всех видов ассимиляции гласных в РЛЯ, которые «в большинстве своём... записывались от дикторов радио и телевидения, актёров, а также от других носителей нормативного произношения». Р.Ф. Касаткиной было приведено много примеров, само количество которых уже говорит о том, что мы имеем дело с системным, а не случайным явлением. Работа Р.Ф. Касаткиной наметила пути и способы дальнейшего исследования этого процесса.

Целью настоящей работы было описание явления межслоговой ассимиляции гласных и выявление системы условий, способных влиять на наличие/отсутствие уподобления. Материал для исследования собирался следующим образом:

Был подготовлен связный текст большого объёма, составленный с учётом варьирования различных позиций: фонетических, лексических, морфологических, словообразовательных, фразовых и др. Информантами выступали люди разных возрастных групп и разной половой принадлежности с высшим и неполным высшим филологическим и нефилологическим образованием. Все информанты, отобранные для эксперимента, являлись москвичами, что сводит к минимуму возможность появления в их речи диалектных явлений.

Проводилось прослушивание большого массива аудиозаписей теле- и радиоречи разных жанров, хранящихся в фонотеке отдела фонетики ИРЯ имени В.В.Виноградова РАН.

Особое внимание в начале исследования было уделено [y]-ассимиляции как наиболее сильной из всех её видов – [y]-ассимиляции чаще всего подвергаются гласные того же верхнего подъёма – [и], [ы].

В результате анализа результатов проведенного эксперимента было выявлено следующее:

1) отсутствие/наличие ассимиляции зависит от места по отношению к ударению: наиболее частотна ассимиляция для второго предударного слога, хотя зафиксированы подобные изменения и в других позициях; ассимиляция в русском языке в предударных слогах заметно превалирует над этим процессом в заударных слогах. Был подтверждён вывод Р.Ф.Касаткиной о

том, что для русского языка характерна по преимуществу регрессивная ассимиляция гласных;

2) отсутствие/наличие ассимиляции определяется рядом факторов:

- фразовая позиция слова в предложении (сильная или слабая);
- консонантное окружение;
- степень распространённости и освоенности слова в языке;
- происхождение слова: иностранное оно или исконно русское;
- собственным или нарицательным является слово;
- осуществляется ли ассимиляция в пределах одной морфемы или же на стыке морфем
- темп речи;
- социолингвистические показатели (возраст информанта, его гендерная принадлежность, характер образования).

Перечисленные факторы оказались значимыми для процесса протекания межслоговой ассимиляции гласных.

С.К. Пожарицкая (Москва)

НАША ОРФОГРАФИЯ: ФОНЕМАТИЧЕСКАЯ ИЛИ МОРФЕМАТИЧЕСКАЯ?

Дискуссия об основном принципе орфографического устройства русского языка – морфологическом (морфематическом) или фонематическом (фонемном) – происходит в ситуации невыясненности некоторых ключевых понятий, без определения которых дискуссия лишена смысла. Таковым является понятие фонемы, определяемое отнюдь не однозначно.

Так, если корневая морфема в словоформах *дом* [дом] и *домá* [дамá] имеет разный состав фонем (/дом/ и /дамá/), то принцип их написания является однозначно морфологическим, и предмета для дискуссии с последователями Ленинградской фонологической школы нет. Если фонемный состав корневой морфемы в этих словоформах считать одним и тем же (/дом/), то принцип

написания словоформ *дом* и *дома* в равной мере может считаться и фонематическим, и морфематическим, поскольку стабильный фонемный состав морфемы обеспечивает тождество морфемы. Предмет для дискуссии и в этом случае отсутствует.

«Камнем преткновения» являются морфемы с чередованиями гласных и согласных, а также значительное количество морфем с гиперфонемами, и для адекватной их интерпретации с точки зрения орфографии следует обратиться к определению фонемы – тому самому, которое принято в рамках концепции Московской фонологической школы.

В существующих определениях фонемы (в работах Р.И. Аванесова, М.В. Панова и других) присутствует понятие морфемы как минимальной значимой единицы языка, в пределах которой реализуется смысловоразличительная функция фонемы (мы оставляем в стороне концепцию Р.И. Аванесова, сформулированную им в 1956 году). Однако морфема – это понятие обобщенное по отношению к морфу как линейной единице языка, и совпадение этих двух понятий имеет место только тогда, когда представителем морфемы в языке является только один морф. И если верно, что в словах, напр., *вы*-[ход-], [ход'-]*ба*, [хож-]*у*, [хожд-]*ение*, *по*-[хаж-]*ивал*, а также [друг-], [друз'-]*ба*, [друж-]*ок* имеется одна и та же корневая морфема, то фонемный состав этих морфем пришлось бы изобразить как /х/-/о-а/-/д-д'-ж-жд/- и /д/-/р/-/у/-/г-з'-ж/- . В этом случае, разумеется, способ их обозначения на письме нельзя назвать морфологическим; но ведь и фонематический принцип здесь выглядит по меньшей мере странно! Замена понятия морфемы понятием морфа как минимальной единицы языка, в пределах которой реализуется смысловоразличительная функция фонемы, позволило бы избежать этого недоразумения. В этом случае следовало бы признать, что принцип написания слов с грамматическими чередованиями является в равной мере и фонематическим, и морфематическим.

Орфография слов с гиперфонемами вызывает разные оценки. М.В. Панов³⁵ (а также И.С. Ильинская, В.Н. Сидоров³⁶,

³⁵ Современный русский язык. Под ред В.А.Белопашковой. М., 1997. С.173.

С.М. Кузьмина³⁷ и другие) склонны считать их фонематическими (или, согласно И.С. Ильинской и В.Н. Сидорову, «относительно фонематическими») на том основании, что буквенный знак гиперфонемы не противоречит тому, как может быть изображена одна из нереализованных, но возможных в этой позиции фонем (ср. сарай и собака); на этом основании определяется процент «фонемных» написаний в русской орфографии – 95%. Р.И. Аванесов³⁸ считает способ обозначения гиперфонем традиционным, т.е. не фонематическим, хотя и не противоречащим фонемному принципу, и в этом случае процент фонемных написаний снижается до 73%.

Что касается «морфематичности» написания морфем (морфов), содержащих гиперфонемы, то она неоспорима и не нуждается ни в каких условностях и допущениях.

5. Традиционные написания, нарушающие фонемный принцип орфографии:

5.1. Флексия –ого, нарушая фонемный принцип, полностью соответствует принципу единообразного написания морфем (т.е. морфематическому).

5.2. Написания конечных шь, жь, чь, как дифференцировочные или мотивированные (типа ночь, режь), так и не мотивированные (типа дашь, настечь, прочь), не будучи фонемными, не противоречат принципу единообразного написания морфем (или морфов).

5.3. Варианты корневых морфем с о или а (положить-полагать, коснуться-касаться, загореть-загар) нарушают как фонематический, так и морфологический принцип.

5.4. Правила написания о или е после шипящих согласных как в корневых, так и в аффиксальных морфемах также противоречат и фонематическому, и морфологическому принципам орфографии.

³⁶ *Ильинская И.С., Сидоров В.Н.* Современное русское правописание // Уч. зап. Моск. Гор. Пед. Ин-та им. В.П.Потемкина, М., 1953. Т.22. Кафедра русского языка. № 2.

³⁷ *Кузьмина С.М.* Теория письма и Московская фонологическая школа // Фортунатовский сборник. М., 2000.

³⁸ *Аванесов Р.И.* Заметки по теории русской орфографии // Восточнославянское и русское языкознание. М., 1978.

Рассмотренные правила орфографии (не все, но основные) не демонстрируют преимуществ фонематического обоснования их принципов по сравнению с морфологическим; скорее – наоборот, при условии, что минимальной значимой единицей языка, в которой реализуется смысловоразличительная функция фонемы, является морф – а это представляется целесообразным, в первую очередь, с точки зрения фонологии. «Пафос» отрицания морфологического принципа орфографии в пользу преимуществ фонематического вообще кажется странным, учитывая, что главным достоинством фонематического принципа всеми приверженцами концепции МФШ единодушно признается его способность обеспечить единообразное написание морфем (точнее – морфов).

М.Б. Попов (Санкт-Петербург)

СЕГМЕНТАЦИЯ РЕЧЕВОГО ПОТОКА НА ФОНЕМЫ В ЩЕРБОВСКОЙ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ: ТРАДИЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

Принципы членения речевого потока как исходной операции при фонологическом анализе традиционно занимают важное место в трудах Л.В. Щербы и его последователей. Вслед за своим основателем Щербовская фонологическая школа в ее современном варианте выдвигает следующий принцип синтагматической идентификации фонемы: если звуковая последовательность разделяется морфемной границей, то она разделяется и фонемной границей, т. е. членится на две фонемы, причем аналогичная последовательность не на морфемной границе также членится на две фонемы. Обратной стороной этого принципа является следующее положение: морфемная граница не может проходить внутри фонемы. Критерий морфемной границы широко используется в фонологии при установлении однофонемности и бифонемности сложных звуковых комплексов.

Представление о том, что членение речевого потока на фонемы опирается на значимые языковые единицы, было и остается неизбежным для щербовского направления в фонологии.

Однако вопрос об избыточности критерия морфемной границы на этапе синтагматической идентификации фонемы возникает в связи с тем, что существуют разные типы значимых единиц и, соответственно, их стыков. Важно констатировать наличие, по крайней мере, двух типов границ: межморфемных и межсловных, которые часто рассматриваются как явления одного порядка. Есть и теоретические основания для разведения понятий «морфемная граница» и «стык слов» в плане сегментации речевого потока на фонемы. Конститутивная функция фонемы, признаваемая в шербовской фонологии первичной, обычно рассматривается либо как только *морфемообразующая*, либо как *слово-* и *морфемообразующая*. Представляется, что фонема как единица фонологического уровня не может в своей основной функции соотноситься одновременно и равноправно как с уровнем слов (словоформ), так и с уровнем морфем. Таким образом, конститутивная функция фонемы должна быть определена либо как морфемообразующая, либо как словообразующая. Первый подход ведет к принятию критерия морфемной границы, второй – к принятию критерия межсловной границы, т. е. стыка слов как фактора, обуславливающего сегментацию на фонемы. Поскольку фонема связана со словом и вычленяется в слове (словоформе), а не в морфеме (алломорфе), важнейшим фактором, обуславливающим сегментацию речевого потока на фонемы, является межсловная граница: если звуковая последовательность разделяется межсловной границей, то она членится фонологически, т. е. представляет собой бифонемное сочетание. Из этого положения вытекают два следствия: 1) стык слова не может проходить внутри фонемы; 2) морфемная граница может проходить внутри фонемы. При этом стык слова является функциональной, т. е. фонологической, но не обязательно физической реальностью.

В связи с проблемой сегментации речевого потока на фонемы обсуждается фонологический статус долгого мягкого глухого шипящего [šː]. Теоретически наиболее обоснованным выглядит решение проблемы фонематического статуса [šː], предложенное Л.Р. Зиндером. Однако усомниться в правильности его вывода об отсутствии фонемы /šː:/ [Зиндер 1963] заставляет очевидное противопоставление /šč/ ↔ /šː:/ в фонетической системе современного языка, что позволяет усматривать в наличии произноси-

тельных вариантов [šč':] ~ [š':] не аллофонное варьирование, а отражение завершающего этапа монофонемизации /šč/ = [šč'] > /š':/ = [š':], когда новая фонема уже появилась и происходит ее распространение в отдельных словах. Если исходить из того, что морфемная граница в принципе может проходить внутри фонемы, [š':] должен во всех случаях рассматриваться как реализация самостоятельной фонемы /š':/, через которую, впрочем, стык слов действительно проходить не может (за исключением особых случаев позиционных ограничений, например, когда конечный /š':/ первого слова и начальный /š':/ второго слова сливаются в один /š':/): ср. *гру/š':/ук, ра/š':/еска*, но – *бе/š':-/џести, на/š':-/џеловек, пла/š':-/џѣрный*. В полном типе произнесения [š':] никогда не появляется на стыке слов (ср. наш человек), тем самым [š':] внутри морфемы и на морфемном шве оказывается в синтагматически сильной для согласных позиции – между гласными – противопоставленным сочетанию /šč/, которое совершенно нормально воспроизводится на стыках слов (ср. [плš':ót] 'насчет' – [плš' č'ót] 'наш чет'), что и служит доказательством монофонемности [š':]. Возможность противопоставления [š':] ↔ [šč'] недвусмысленно указывает на фонематическую самостоятельность [š':] = /š':/ ≠ /šč/. Итак, прямым следствием сформулированного нами принципа синтагматической идентификации фонем является вывод о наличии в современном русском литературном языке самостоятельной фонемы /š':/.

Роль межсловных границ в процессе сегментации речевого потока на фонемы определяется отношениями между словом и синтагмой (в понимании Щербы). Во-первых, в потоке речи невозможно вычленить слово, опираясь лишь на его фонетические признаки: пограничные сигналы слова отсутствуют. Минимальной речевой единицей, обнаруживаемой в результате как смыслового, так и собственно фонетического (интонационного, которое одновременно и смысловое) членения, является синтагма. Во-вторых, словоформа – это минимальная единица языковой системы, которая может функционировать в речи в качестве синтагмы как единицы актуальной речевой деятельности. Слово представляет собой как бы предел свертывания синтагмы. Ясная выделяемость словоформы в границах синтагмы при отсутствии межсловных пограничных сигналов позволяет использовать границы между словоформами в качестве главного критерия сег-

ментации речевого потока на фонемы. Кроме того, отсутствие фонетических пограничных сигналов внутри синтагмы позволяет в процессе фонологического анализа осуществлять перенос по аналогии результатов сандхального теста на внутрисловные сегменты. Что касается синтагмы, то здесь, в отличие от слова, по-видимому, уже можно говорить о чисто фонетических пограничных сигналах. Межсинтагменные границы – это тот предел, за который сегментная фонетика выходить не должна, поэтому они не могут использоваться в фонологическом анализе. Межсинтагменные границы – это максимально сильные границы. Видимо, даже в аллеговой спонтанной речи тенденция к стиранию фонологических границ между синтагмами отсутствует или очень слаба.

М. Пост (Норвегия)

К ПРОБЛЕМЕ ОПИСАНИЯ ИНТОНАЦИИ ОБЩЕГО ВОПРОСА В ОДНОМ СЕВЕРНОРУССКОМ ГОВОРЕ

Хотя русские говоры, по сравнению с говорами многих других европейских языков, мало отличаются друг от друга, севернорусские говоры резко выделяются своей просодией ([Высотский 1973; Пауфошима 1983] и др.).

Одной из наиболее заметных черт говора д. Варзуги (Терский р-н Мурман. обл.) является интонация общего вопроса. В нормированном произношении, самый типичный вариант интонации общего вопроса характеризуется резким повышением высоты тона на ударном слоге тонально акцентированного слова, затем в заударных слогах начинается резкое падение тона до низкого уровня говорящего. Это тональное движение, известное под названиями, как ИК-3 [Брызгунова 1980] и H*L (раньше: LH*L, в системе ToRI, Transcription of Russian Intonation; Оде, в частной беседе; [Оде 2007]).

В говоре д. Варзуги наблюдается, кроме данного контура, и такой вариант, где тон начинает падать не сразу после ударного слога тонально акцентированного слова, а лишь в первом заударном слоге последнего фонетического слова. Например, в высказывании «А ты там не пла́кала, осталась от мамы́

дак?», тон ярко повышается в слове пла–, но резкое падение тона начинается только в предпоследнем слове всего высказывания, –мы, см. [Post 2005: 49].

Описание интонации спонтанной речи, допускающей большую вариативность, требует особую методику. Анализ контекстов показывает, что выбор между этими двумя интонационными конструкциями зависит, по всей вероятности, от таких факторов контекста, как информационная структура вопросов и ожидания говорящего насчет ответа. Сходные явления пока не описаны для литературного языка, но отмечаются в немецком и итальянском языках [Kügler 2003; Grice & Savino 2004].

ЛИТЕРАТУРА

Брызгунова Е.А. Интонация. Русская грамматика I. М., 1980.

Высотский С.С. О звуковой структуре слова в русских говорах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.

Оде С. Заметки о понятии тонального акцента на примере русского языка. Проблемы фонетики V. М., 2007.

Пауфощима [Касаткина] *Р.Ф.* Фонетика слова и фразы в северорусских говорах. М., 1983.

Grice M., Savino M. Information structure and questions: Evidence from task-oriented dialogues in a variety of Italian. *Regional Variation in Intonation*. Tübingen, 2004.

Kügler F. Do we know the answer? Variation in yes-no-question intonation. *Linguistics in Potsdam* 21 (2003).

Post M. The Northern Russian pragmatic particle *dak* in the dialect of Varzuga (Kola Peninsula): an information structuring device in informal spontaneous speech. Докторская диссертация, University of Tromsø, 2005; <http://uit.no/humfak/tilsette/95>.

О ТИПАХ ПРОИЗНЕСЕНИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ МОЛИТВОСЛОВИЙ

В традициях православия сложилось несколько типов звукового воплощения молитвословий: пение, псалмодия и собственно чтение. При этом дифференцируется *каноническое* молитвенное чтение, в котором в той или иной мере воспроизводится традиционное произношение церковнославянских сакральных текстов, и *неканоническое* молитвенное чтение, в большей степени подверженное влиянию фонетической системы современного русского литературного языка и сближающееся с декламационным фоностилем.

Общим для двух разновидностей звучания молитв является наличие двувершинных и поливершинных структурных вариантов, подавляющее большинство которых образует просодическую рамку, выделяющую начало и конец синтагмы. Эта закономерность интонационной организации обоих типов молитвенного чтения свидетельствует о сохранении в звучании современной православной молитвы черт древнеславянской фонетической системы, для которой была свойственна рамочная обрамленность фразово-интонационной модели. Различия в каноническом и неканоническом звучании молитвословий проявляются в преобладающем использовании тех или иных интонационных моделей, а также в соотношении акустических компонентов интонации, маркирующих вершинные слоги в синтагмах.

Так, неканоническое молитвенное чтение обеспечивается, в основном, интонационными моделями, коррелирующими с типами интонационных конструкций, которые составляют основу современной интонационной системы русского языка и свойственны нейтральному и декламационному произносительным стилям; тогда как каноническое чтение отличается преимущественное использование при оформлении синтагмы специфических мелодических контуров, не имеющих аналогов в современной звучащей речи.

При этом компоненты интонации – тон, интенсивность, длительность – не в равной степени принимают участие в вы-

делении интонационных вершин в каноническом и неканоническом молитвенном чтении. Так, в каноническом молитвенном чтении при маркировании основных и факультативных вершин в интонационных моделях зафиксировано использование двух компонентов интонации – длительности и тона. Это свидетельствует о сохранении в звучании канонического молитвенного чтения следов древней музыкально-тонической фонетической системы, для которой признаки «тон» и «длительность» являются релевантными.

В неканоническом молитвенном чтении наблюдается иная дистрибуция акустических компонентов интонации. Здесь в качестве просодических сигналов вершинного слова в синтагме преимущественно используются такие компоненты интонации, как тон и интенсивность, что соответствует их статусу релевантных признаков современной акцентно-мелодической фонетической системы.

Вместе с тем в неканоническом молитвенном чтении при выделении основных и факультативных вершин в некоторых модификациях интонационных моделей используется и количественный компонент интонации – длительность. Это дает основания утверждать, что и в неканоническом звучании православной молитвы частично сохраняются черты древней музыкально-тонической фонетической системы, для которой долгота, наряду с тоном, была ведущим акустическим признаком.

Таким образом, для обоих типов молитвенного чтения характерно сочетание просодических признаков, присущих как древней, так и современной фонетическим системам русского языка. Их разное соотношение определяет специфику канонического и неканонического произнесения православной молитвы.

СВЕРХПОЛНЫЙ ТИП ПРОИЗНЕСЕНИЯ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Л.В. Щерба считал возможным свести все многообразие проявлений устной речи к двум произносительным стилям, или типам – полному и разговорному. Ученики и последователи Щербы – Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая, М.В. Гордина, Л.Р. Зиндер и В.Б. Касевич – уточнили это противопоставление, введя понятие стиля произношения и типа произнесения. Они предложили терминологически разграничить два понимания стиля произношения, «закрепив данный термин лишь за общей фонетической характеристикой высказывания». Для детальной же характеристики элементов речи, вплоть до сегментов фонемной протяженности, был предложен термин «тип произнесения» [Бондарко и др. 1974: 65]. Как и в концепции Щербы, здесь постулируется два типа произнесения – полный и неполный, в то время как количество произносительных стилей образует континуум.

Основным критерием отнесения образцов речи к полному или неполному типу произнесения является возможность восстановления фонемной последовательности. При полном типе она заключена в последовательности аллофонов, т.е. в самом плане выражения, в то время как при неполном типе произнесения требуется обращение к плану содержания, контексту.

Говоря о различии в степени ясности и отчетливости речи, Щерба также допускал континуальность: «Совершенно очевидно, что тут возможно бесконечное число переходных ступеней, начиная от абсолютной ясности и четкости (например, при произношении по слогам) до небрежной скороговорки, когда все неударенные слоги наполовину съедаются» [Щерба 1974: 202].

Факты звучащей речи, а также их отражение в тексте художественного произведения, говорят о том, что эти переходы имеют специальные метаязыковые обозначения – авторские ремарки и особые графические средства. Это позволяет говорить о реальности явлений как полного, так и сверхполного (гиперполного) типа произнесения. Кроме отмеченного Щербой «произношения по слогам», сюда относятся также частич-

ное скандирование, растяжки гласных, форсирование согласных и др. При этом различные проявления сверхполного типа произнесения, соединяясь с особенностями фразовой интонации, имеют особые прагматические функции.

Существует локальное и глобальное использование двух типов произнесения, первое распространяется на отдельные слова, второе охватывает целые высказывания определенных коммуникативных типов: восклицательно-оценочные, звательные, релятивы.

Различны и степени проявления этого явления. Можно говорить о нескольких градациях полного типа произнесения и его постепенном переходе в сверхполный.

1) **Пословность.** Обычные для этого типа произнесения авторские ремарки: *отставляя слова, отделяя слова, раздельно, с расстановкой, отчетливо, внятно, чеканя каждое слово* и др.

2) **Растяжки гласных.** Графическое обозначение – повторение буквы от двух-трех до 10-12-ти раз, обычно с дефисом. Авторские обозначения растяжек стандартны: глагол (*про*)тянуть, реже – (*про*)петь, выть, причитать, наречие протяжно.

3) **Форсирование согласных.** Графическое обозначение также состоит в повторении буквы, обычно от двух до 4-5-ти раз, с дефисом и без него. Из авторских ремарок чаще других встречаются: *с растяжкой, сквозь зубы, (про)скрежестать, (про)шипеть.*

4) **Частичное скандирование, отставка слога.** Традиционным графическим обозначением является отделение слога при помощи дефиса, реже – такое новое средство как капитализация. Ремарки: *с расстановкой, подчеркнуть, внушительно.*

5). **Полное скандирование, послоговое произнесение.** Графический способ (дефисное написание, изредка – разделяющие слоги многоточия) в художественной литературе явно преобладает. Существуют и устоявшиеся авторские обозначения: *с расстановкой, по слогам, отчеканивая каждый слог, деля слова на слоги, скандировать.*

6). **Пофонемное или побуквенное произнесение.** Крайней степенью «прояснения» звукового облика слова является произнесение по звукам, а чаще – по буквам. Интересно, русские чаще говорят не по буквам, а по слогам, например, в ситуации представления, в то время как англичане предпочитают spelling, т. е. английское алфавитное чтение букв, чем приво-

дят в замешательство людей, владеющих другими иностранными языками.

В постепенном переходе от полного типа произнесения к гиперполному в какой-то момент может измениться то, что является теоретическим основанием выделения полного типа – возможность однозначного определения нормативного состава фонем. В сверхполном типе может быть своя сегментная фонетика (отсутствие чередований, приближение к письму). При этом существуют слова, которые явно тяготеют к сверхполному типу произнесения, к растяжкам: *во-от такой, большо-о-большой*, или к скандированию: *ни-ког-да, ни-че-го, ни за что*.

ЛИТЕРАТУРА

Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Гордина М.В., Зиндер Л.Р., Касевич В.Б. Стили произношения и типы произнесения // Вопросы языкознания. 1974. № 2. С. 64-70.

Кодзасов С.В. Просодический строй русской речи. М., 1996. Гл. 3-7.

Пеньковский А.Б. Слоговая сегментация речи в функционально-семантическом аспекте // А.Б. Пеньковский Очерки по русской семантике. М., 2004. С. 429-448.

Светозарова Н.Д. Орфоэпия и орфофония в русском художественном тексте // Филология. Русский язык. Образование. Сб. статей, посвященных юбилею профессора Л. А. Вербицкой. СПб., 2006. С.193-201.

Щерба Л.В. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность, Л., 1974. С. 141-146.

Щерба Л.В. Теория русского письма (1942-43) // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность, Л.: Наука, 1974. С. 191-229.

**ALVEOLAR TAP ALLOPHONES IN ENGLISH:
A PHONOLOGY-PHONETICS INTERFACE VIEW
OF CONSONANT LENITION**

1. Purpose

The lenition of alveolar stops /t/, /d/, and the nasal stop, /n/, to taps (/ɾ/, for stops, and /ɽ̃/, for the nasal) has been well-attested phonetically—the stop/taps for English and other languages, and the nasal/taps for languages such as Hindi (Sharma (2002)) and Ndumbea (Raymond et al. (2006)). The nasal tap, however, is not well-established phonologically, especially in the case of English. We suggest that in fact casual speakers of English do produce a nasal tap, both word-internally and across word boundaries, and that therefore this tap should be considered a nasal allophone, alongside the traditional three usually noted, including [m], [n] and [ŋ]. To this end, we advance phonological arguments and analyses for both the alveolar oral tap lenition and the alveolar nasal tap lenition, suggesting an ambisyllabic representation of tap phenomena, supported by phonetic evidence obtained by using three different speech systems of analysis, including the Praat, the Pentax Kay Computerized Speech Lab (CSL) 4500, and the Sugi Speech Analyzer (SSA).

2. Basic Claim

In English, the lenition of the alveolar nasal stop /n/ to a nasalized tap, [ɽ̃], is as phonologically natural and legitimate as the lenition of the alveolar oral stops, /t/ and /d/, to the tap, [ɾ].

2.1. Supporting Analogic Arguments

- (1) {t, d, n} share the same place of articulation: alveolar.
 - (2) {t, d, n} share the same manner of articulation: stop.
 - (3) {t, d, n} form a natural class of sounds sharing [+alveolar, +stop, +coronal].
 - (4) Both the oral tap [ɾ] and the nasal tap [ɽ̃] occur inter-syllabically.
 - (5) Both the oral tap and the nasal tap observe the same condition: They occur in the same metrical foot.
 - (6) Both the oral tap and nasal tap are acoustically well attested.
- Therefore, analogically, we can draw the following conclusion.

(7) If the alveolar oral stops can surface as a tap, then the alveolar nasal stop can also surface as a tap.

2.2. Historical Perspectives

Previous flap/tap rules have been characterized as word-level rules and they are basically classified into three types: stress-conditioned (see Fromkin et al. (2000:567), Archangeli and Langendoen (1997:51), among others), syllable-conditioned (Akmajian et al. (2001:126) among others), and stress & syllable-conditioned (Giegerich (1992:242) among others).

2.3 A Proposed English Tap Rule

We claim that a tap is basically ambisyllabic, with the closing (*close*) of the tap coinciding with the coda of the first syllable, and the opening (*open*) of the tap coinciding with the onset of the second syllable. This suggests a binarily split geometry of the tap feature matrix. Further, we suggest that while the tap segment is ambisyllabic, its weight is equal to only a very brief single segment (tentatively set at 20 ms or less—see Raymond et al. (2006)). Thus, we propose the lenition rule (unaffected by stress) in (8), where the alveolar stops, [t, d, n], all may serve as input.

(8) The Phonological Description of the English Tap Rule (a casual speech option)

$$\left[\begin{array}{c} + \text{stop} \\ + \text{alveolar} \end{array} \right] \rightarrow \left[\begin{array}{c} + \text{tap} \\ + \text{alveolar} \end{array} \right] / [\dots V_1 \text{---} (\#\#) V_2 \dots]_{\mathcal{F}}$$

Where: 1. $\mathcal{F}$ is a foot.

2. # is a word boundary.

3. [+tap] = [σ 1Coda[close] $\rightarrow$ σ 2Onset[open]]($\geq 20\text{ms}$)

Note that this rule allows for lenition in words such as “winner,” “caddy,” and “city,” while disallowing lenition in words such as “titanic,” “addition,” and “announcement.” Also, rule (8) allows for lenition in phrases such as “get out,” “get Ed,” “get Alice,” and “an old man.”

3. Acoustic Testing

3.1. Methods

For each subject we recorded his/her voice uttering a large number of words, phrases and sentences, including target items

such as: *caddy, winner, tennis/tent is, ten ants/tenants, get out, want to/wanna*, and so forth, with a natural speed and intonation in (i) careful, and (ii), relaxed speech. Acoustic analyses (checking specifically for duration and nasality) were undertaken using the Praat, CSL and SSA.

3.2. Results/Analysis.

The non-involvement of alveolar oral taps and nasal tap was experimentally verified for careful speech productions, while for casual speech productions the involvement of alveolar oral taps and nasal tap was experimentally verified, thus confirming the appropriateness of the English Tap Rule in (8).

4. Conclusion

Our phonology-phonetics interface analyses confirmed theoretically and experimentally the lenition of alveolar oral and nasal stops to a tap in a logical and principled fashion.

Е.С. Скачедубова (Москва)³⁹

ВЛИЯНИЕ ПРОСОДИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ НА СЕГМЕНТНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ СЛОЖНЫХ И СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫХ СЛОВ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

1. В сложных и сложносокращенных словах первая основа может находиться либо в нейтральной просодической позиции, либо в позиции просодической маркированности, при этом просодическая выделенность может быть разных типов: основа может стоять под побочным ударением (далее ПУ) или под акцентным выделением (далее АВ). Необходимо развести эти два типа выделенности.

АВ, в отличие от ПУ, проявляется не на уровне отдельного слова, а реализуется только в условиях фразы, при наличии теневого контекста, т.е. каких-либо дополнительных, подра-

³⁹ Работа выполнена при поддержке ОИФН РАН грант «Традиции и новаторство в культуре русской звучащей речи» и РГНФ: грант № 07-04-00243а «Активные процессы в современной русской фонетике: система и подсистемы».

зумеваемых в данном контексте смысловых отношений, поэтому любая первая основа в слове сложной структуры может быть выделена АВ: *Я хочу поступить именно в пединститут* (подразумевается: и ни в какой другой).

ПУ проявляет себя на уровне отдельного слова, причем всегда можно указать возможность или невозможность его появления. Приметой конкретного слова ПУ может быть только в том случае, если произнесение с одним, основным, ударением затруднительно. В первую очередь это касается слов, образованных сложением трех или более основ или же редко употребляющихся, специальных слов, с четко выделяющимися частями, а также слов, в которых между основным ударением и местом потенциального ПУ более трех слогов. Так, во фразе: *Я хочу поступить в пединститут* – при условии отсутствия теневого контекста, и, как следствие, АВ, – слово *пединститут* может быть произнесено как с ПУ, так и без него: *пѣдинститѹт* и *пединститѹт*.

ПУ выделяет слог в слове, в то время как АВ маркирует значимые единицы языка (морфемы, слова, словосочетания). Таким образом, если ПУ фонетическое средство, то АВ – скорее семантическое.

2. Для выяснения вопроса о влиянии просодической выделенности разного вида на особенности звукового оформления сложных и сложносокращенных слов был проведен эксперимент, в ходе которого 76 информантов, москвичей во 2-3 поколении, носителей русского литературного произношения, начали на магнитофон специально составленные тексты, состоящие из отдельных фраз, содержащих 237 проанализированных впоследствии слов. Фразы были составлены таким образом, чтобы первый компонент одних и тех же сложных и сложносокращенных слов стоял то в нейтральной просодической позиции, то в позиции просодической выделенности, при этом контекст в одних случаях провоцировал АВ, а в других нет. В общей сложности получено более 13 000 дикторских ответов.

3. Данные эксперимента показали, что появление АВ на первой основе композита во многом способствует восприятию стыка между основами как межсловесного, т.е. сложное слово начинает восприниматься как словосочетание и конечная согласная фонема первой основы может реализовываться по

законам конца слова, а не его середины. (Известно, что на конце слова при отсутствии паузы звонкие шумные заменяются глухими перед гласным, сонорным и /в/, /в'/, за которыми следует гласный или сонорный: ду[б]ы – ду[п] огромный, ду[п] рос, ду[п] вырос; в середине слова такое чередование не наблюдается: ду[б]рава). При восприятии стыка как межсловесного реализация согласных фонем на конце первой основы является сигналом ее самостоятельности, поэтому резко возрастает вероятность появления орфоэпических вариантов как по глухости/звонкости, так и по месту и способу образования: гб[з]-дума и гб[с]дума; Мб[ж]жилрегистрация, Мб[з]жилрегистрация и Мб[с]жилрегистрация.

Отсутствие же какой бы то ни было просодической выделенности, т.е. АВ или ПУ, способствует восприятию стыка как внутрисловесного, что увеличивает вероятность действия позиционных закономерностей.

Так, во фразе *Не ему, а именно вам следует обратиться в госдепартамент* нет условий для появления АВ на первой основе слова госдепартамент, оно произносится то с ПУ на первой основе, то без него: гбсдепартамент и госдепартамент. На стыке основ возможны варианты при наличии ПУ: гб[з]департамент и гб[с]департамент, но «необычных» вариантов с глухим звуком перед следующим звонким оказывается меньше, чем при произношении этого слова с АВ на первой основе. Случаи произношения с ПУ на первой основе занимают промежуточное положение между вариантами с АВ и просодически нейтральными. Таким образом, ПУ оказывается фактором менее возмущающим привычный порядок, чем АВ.

4. Между тем, представляется, что возможность выделения семантически важного элемента в высказывании может осуществляться не только просодическими средствами, но и чисто сегментными. Информантам были предложены для прочтения две фразы: в одной не было условий для возникновения АВ, другая же содержала противопоставление, что провоцирует АВ. (*Я думаю, что главврач больницы легко решит вашу проблему /теневой контекст отсутствует/; Только главврач может решить вашу проблему /подразумевается: и никто иной/*). В первой фразе все информанты произнесли гла[v]врач, т.е. первая основа озвучена по законам середины слова.

Во второй фразе часть информантов произнесла *гла́[ф]вра́ч*, т.е. первая основа произносилась с АВ и с реализацией конечной фонемы по законам конца слова перед паузой, что вполне объяснимо при наличии выделенности на первой основе, см. [Kasatkina 1999].

Вопреки ожиданиям, вторая часть информантов произнесла во второй фразе *гла[ф]вра́ч*, т.е. без тональной выделенности первой основы, но с реализацией конечной фонемы все же по законам конца слова.

Суммируя наблюдения, можно предположить, что семантическая выделенность морфемы фонетически может быть поддержана разными способами: 1. только просодически (*го́[ж]жильё*); 2. одновременно сегментными средствами и различными видами просодического маркирования: тональным выделением или с помощью других просодических средств, например, длительности и интенсивности произнесения [ср. Кодзасов, 1989] с возможным нарушением позиционных закономерностей (*го́[з]жильё*, *го́[с]жильё* или *го[з]жильё*).

ЛИТЕРАТУРА

Кодзасов С.В. Проект просодической транскрипции для русского языка // Бюллетень фонетического фонда русского языка. № 2. Вочум, 1989.

Kasatkina R.F. The prosody and the voiced/voiceless consonant correlation in Russian. // Proceedings of the 14th JCPS, San Francisco, California, 1999. Vol. 1.

В.А. Соколянская (Магадан)

ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ПОДСИСТЕМЫ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ

В Московской фонетической школе принято разграничивать различные фонетические подсистемы, наиболее полно обозначенные в работах М. В. Панова: говорение, пение, посложное произношение, разговорный стиль, нейтральный, высокий (строгий) стиль, нетеатральная речь, театральная речь, в частых

словах, в редких словах, нешепотное произношение, шепотное произношение [Панов 1967, 345]. В качестве особой принято выделять и подсистему заимствованных слов. Вместе с тем само выделение заимствованных слов с позиций синхронии является логически противоречивым, потому что о заимствованном характере слова обычно судят по его происхождению, то есть на основе данных диахронии. В русском языке заимствованными являются, к примеру, такие слова, как хлеб, свёкла, картофель, пицца, однако только последнее из этих слов будет осознаваться говорящими как заимствование. Следовательно, с позиции синхронии следует как минимум разделять заимствования, не исконно русский характер можно выявить только с помощью этимологического анализа, и слова, заимствованный характер которых может быть описан по определенным приметам синхронного свойства: лексическим (*сакура* – обозначает реалию японской жизни), грамматическим (*кофе, пальто, суши* – несклоняемость), словообразовательным (*ютергейт, ирангейт*) и фонетическим.

Специфические черты фонетической подсистемы могут быть реализованы на уровнях: фонемного состава, реализации / нереализации фонетических законов, специфическими сочетаниями сегментных единиц, ударения и др.

Различие фонемного состава – очень сильное средство противопоставления внутри фонетической системы, поэтому оно встречается довольно редко. Как правило, язык стремится избавиться от него или сохраняет в виде факультативного употребления. В течение XX века в подсистеме заимствованных слов факультативно отмечались следующие фонемы: средний / (*ко*[l]ега, *ассими*[l]ятивный), фрикативный γ ([γ]абитус, *бюст*[γ]альтер), губно-губной w ([w]орд, [w]индоуз), предположительно носовой ɲ (*пири*[ɲ], *консалти*[ɲ]). По мнению М.Я.Гловинской, фонетическая подсистема включает в себя в качестве особых фонематических единиц долгие согласные (*пропе*[l̃]ер, *мо*[k̃]о и др.) [Гловинская 1971, 62].

Наиболее яркий фонетический признак заимствованного слова – его неподчинение звуковым законам, которые распространяются на обычные слова. Наши наблюдения показывают, что лексическая система русского языка продолжает пополняться подобного рода словами. Например, безударное *о*

([o]нлайн, д[о]мэн), сохранение безударного э (*скейтборд*, геймплей), отсутствие позиционного чередования согласных, парных по глухости-звонкости, на конце слова (*ими*[дж], *флеш-мо*[б]). За счет системы заимствованных слов в русском литературном языке формируется позиция употребления э безударного после твердых согласных, парных по твердости-мягкости (Интернет, дедлайн).

Специфические сочетания сегментных единиц общеизвестны: произношение твердого согласного перед э, начальное *дж* (*джем*), конечное *нг* (*брифинг* [нк]) [Крысин 2004, С.45]. Вместе с тем количество сочетаний, характерных только для заимствованных слов, значительно больше. Только в заимствованных словах встречаются такие сочетания, как *цв* (не *цв'!*): *бармицва*, *Цволле*, *генацвале*, начальные *бв*, *мв*: *Бваке*, *Мванда*, *пв*: *Хопвуд*, *н'ц*: *ханьцы*, *мг*: *Амгуэма*, *земгалы*. Заимствования последних десятилетий пополняют количество слов с необычными для русского языка сочетаниями согласных: *армрестлинг*, *файрволл*, *киберсвокоттинг*. Резко увеличилось число слов с зияниями: *артхаус*, *боулинг*, *риэлтор*.

Особого рассмотрения требуют слова, нарушающие акцентный каркас, привычный для русских слов. Так, слово *нотбук* словари фиксируют, как правило, с ударением на первом слоге (согласно английскому произношению), но обычно его произносят с ударением на втором слоге, с сохранением безударного [o], при этом говорящие затрудняются с определением места ударения в этом слове, оценивая его иногда как двухударное. В эту же систему слов попадают и другие заимствованные слова: *дедлайн*, *кейлогер*, *вебмастер*. По мнению С. Гжибовского (устное сообщение), подобная схема начинает использоваться и при произнесении слов собственно русских: с дополнительным ударением на приставках произносят слова типа *доработать*, *поговорить*, *рассмотрение* и др.

ЗВУК РЕЧИ И ЗВУК ЯЗЫКА

Разграничение речевого потока, речи и языка в фонетике, см. [Соколянский 2007, 356] приводит к необходимости противопоставить не только *звук* и *фонему* (как бы ни понимать эту последнюю), но и к противопоставлению *звука речи* и *звука языка*.

Звук языка – это противоречивая единица. Некоторые считают, что это вообще оксюморон, так как звук по своей сути принадлежит речи. Однако многие выдающиеся фонологи московской школы настаивали на введение этого понятия, причем, как правило, делали это в «зрелые» годы научной жизни, уже хорошо подумав и взвесив все «за» и «против». Первым разграничивать последовательно понятия звука речи и звука языка предложил П.С. Кузнецов, который рассматривал «звук речи» в качестве одного из метапонятий, а «звук языка» как понятие, которому можно дать истолкование в рамках уже предложенной им ранее аксиоматики [Кузнецов 1970, 473 – 474].

Если попытаться довести идею П.С. Кузнецова до логического завершения, то среди звуков речи следует разграничивать звуки речи первого рода и звуки речи второго рода. Звук речи первого рода – это любой конкретный звук, произнесенный определенным человеком в определенный момент. Звук речи второго рода – это типичный для каждого конкретного говорящего способ произнесения тех или иных звуков. Звуки второго рода уже на пути к звукам языка, так как, так же как и они, представляют собой не конкретную реализацию звука в определенном моменте, а некоторую абстракцию, существующую, правда, на уровне речи отдельного индивида.

Идея о необходимости введения в научный обиход понятия звук языка была поддержана и другими лингвистами, в первую очередь теми, кто в силу своих научных интересов был ближе к языковой материи в разных ее проявлениях. С.С. Высотский одну из своих статей начинает со следующего утверждения: «Звук речи как репрезентация фонемы определенной языковой системы (языка или его подразделения – диалекта и т. п.) может в ряде своих реализаций обнаружить более или менее явные черты физического сходства, позволяющие на первой ступени абстракции

представить фонетическую единицу, соответствующую этим звукам речи, – «звук языка» [Высотский 1977, с. 24]. Понятие *звук языка* использует в своих работах и Л.Л. Касаткин [впервые в: Касаткин 1982, 98 – 99].

О необходимости введения понятия *звук языка* М.В Панов писал в связи с анализом понятия позиции в работе «Фонологическая кулибрыга», которую прислал мне в одном из писем в машинописном виде.

«Фонема сама по себе неспособна сдерживать капризы, вихлянье, варьирование звука речи под воздействием случайных факторов. Кто же осуществляет контроль за стандартностью звука речи? Звук языка.

Следовательно, чтобы достойно описать звуковую систему языка, нужно принять во внимание еще одну единицу: *звук языка*. (Это предлагал еще П.С. Кузнецов).

Фонема в определенной позиции выражается звуком языка, звук языка – звуком речи».

Панов предложил формулы соотношения фонемы, звука языка и звука речи. Так как он не различал звуки речи первого и второго рода, его формулы нуждаются в уточнении и могут быть представлены в следующем виде:

$$\begin{aligned} \text{Зр-I} &= \left[\text{Зр-II} \right. \\ \text{Зр-II} &= \left[\text{Зя.} \right. \end{aligned}$$

Здесь Зр-I – звук речи первого рода, Зр-II – звук речи второго рода, Зя – звук языка. Звук речи первого рода находится в зоне реализации звука речи второго рода, звук речи второго рода находится в зоне реализации звука языка. Поэтому факторы, с которыми Панов связывает реализацию звука языка, следует разделить. Одни факторы относятся к звукам речи первого рода и носят сиюминутный характер, другие связаны с социолингвистическими и биологическими параметрами носителя языка.

Тогда можно уточнить и другие формулы Панова:

$$\text{Зр-I} = f(\text{Зр-II } t_0, \text{БI, Ж и др.}) \text{ или } \text{Звр-I} = f(\text{Звр-II Пр})$$

Звук речи первого рода (Звр-I) – функция (f) звука речи второго рода (Звр-II) и речевых позиций (Пр), то есть сиюминутных состояний говорящего.

Формула, объясняющая порождение звуков второго рода, выглядит так:

$$\text{Зр-II} = f(\text{Зя СС}) \text{ или } \text{Звр-II} = f(\text{Звя Пг})$$

Звук речи второго рода – это функция звука языка и позиций говорящего, которые являются производными от биологических и социальных факторов, которые оказали влияние на формирование речи говорящего. Биологические параметры индивидуализируют речь говорящего, социолингвистические – сближают с речью других говорящих, сформировавшихся в той же социальной среде.

Итак, порождение звуков речи первого и второго рода, звуков языка можно выразить в следующих формулах:

$$\text{Зр-I} = f(\text{Зр-II Пр})$$

$$\text{Зр-II} = f(\text{Зя Пг})$$

$$\text{Зя} = f(\Phi, \text{Пя}).$$

Звук речи первого рода представляет собой функцию звука речи второго рода и речевых позиций, звук языка второго рода представляет собой функцию звук языка и позиций говорящего, звук языка – функцию фонемы и языковых позиций.

ЛИТЕРАТУРА

Высотский С.С. Звук речи в контексте // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.

Касаткин Л.Л. Фонетика // Современный русский литературный язык / Под ред. П. А. Леканга. М., 1982.

Кузнецов П.С. Об основных положениях фонологии // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

Соколянский А.А. Многоуровневая фонология русского языка // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка М., 2007.

УДАРЕНИЕ *i*-ГЛАГОЛОВ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДВУХ ФОНЕМ «ТИПА *o*» В СРЕДНЕ- И ЮЖНОРУССКИХ ГОВОРАХ С СЕМИФОНЕМНЫМ ВОКАЛИЗМОМ

Ниже рассмотрен материал восточного среднерусского говора с. *Пустошá* (Пуст.) Шатурского р-на Московской обл., который С.С. Высотский считал представителем наиболее архаического типа фонетической системы и одним из образцовых в отношении фонетической реализации противопоставления двух фонем «типа *o*» (1967, с. 52), и южнорусского говора с. *Новосёлки* Рыбновского р-на Рязанской обл. (Нов.). В обоих представлены: (1) распределение фонем /o/ и /ω/ в соответствии с «великорусским» принципом [Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985, 173–177] и (2) обобщение накоренного ударения в формах настоящего времени глаголов праслав. акцентной парадигмы (а. п.) *b*, при сохранении насуффиксального ударения в формах прош. времени и инфинитива (Пуст. *хóжу, хóдиши, хóдит*, и. т. д., *хóдил, хóдить*). Эта инновация встречается или раньше встречалась у глаголов а. п. *b* всех классов и свойственна большинству говоров Рязанской группы, как с семифонемным, так и с пятифонемным вокализмом. Независимо от рязанских эту акцентную инновацию развили некоторые новгородские говоры и восходящие к средневековым новгородским отдельные олонечские (*Педóсельга, Деревянное* в юго-западном Прионежье) и архангельские говоры (*Тáмица, Кя́нда, Покрóвское* на южном берегу Белого моря и *Азапо́лье* на Мезени), все с пятифонемным вокализмом.

В классе *i*-глаголов реконструируется четыре а. п. [Основы славянской акцентологии. М., 1993, 111–121]: *a*, *b1*, *b2*, *c*. А. п. *b1* во всех славянских языках отражается как смежно-подвижное ударение в наст. времени и включает в себя итеративы; а. п. *b2* имеет разные рефлексy, совпадая в славянских языках то с а. п. *b1*, то с а. п. *c* и обнаруживая зависимость рефлексов от праслав. количества корневого гласного; к а. п. *b2* относятся каузативы и деноминативы. В русских говорах имеются разные типы рефлексов а. п. *b2*, однако первоначальное

акцентное распределение затемнено разнонаправленными процессами перестройки ударения. Одной из общерусских тенденций в акцентуации *i*-глаголов является распространение смежно-подвижного ударения в презенсе.

В большинстве говоров с указанной выше акцентной инновацией у *i*-глаголов противопоставлены те же акцентные типы (а. т.), что и в Пуст., см. таблицу, где также показаны типичные для данных а. т. рефлексy *o.

Таблица (акцентные типы *i*-глаголов и рефлексy корневого *o в говоре Пустошей)

	а. т. А	а. т. В*	а. т. В	а. т. С
Наст. 1 ед.	<i>пѣмню</i>	<i>хѣжу</i>	<i>кошѹ</i>	<i>доѹ</i>
3 ед.	<i>пѣмнит</i>	<i>хѣдит</i>	<i>кѣсит</i>	<i>доѹт</i>
2 мн.	<i>пѣмнѹти</i>	<i>хѣдѹти</i>	<i>кѣсити</i>	<i>доѹти</i>
повел. 2 ед.	<i>пѣмни</i>	<i>хѣди</i>	<i>кѣси</i>	<i>доѹй~доѹ</i>
страд. прич. пр.	<i>пѣмнено</i>	<i>хѣжено</i>	<i>кѣшено~ кошѣно</i>	<i>доѹбно</i>
прош. вр. ж. р.	<i>пѣмнила</i>	<i>хѣдила</i>	<i>кѣсила</i>	<i>доѹла</i>
Инф.	<i>пѣмнить</i>	<i>хѣдить</i>	<i>кѣсить</i>	<i>доѹть</i>

В Пуст. к а. т. В* сейчас относится несколько частотных итеративов а. п. *b1*: *водѹть*, *возѹть*, *волочѹть*, *ломѹть*, *носѹть*, *просѹть*, *ходѹть*, к ним добавляются *мочѹть*, *молотѹть*, *колѹть* из [Бубрих Д.В. Фонетические особенности говора с. Пустошей. СПб, 1914], которые в современном говоре относятся к а. т. В. Судя по описанию Бубриха, раньше а. т. В* отмечался в других глагольных классах и у *i*-глаголов за пределами а. п. *b1*: *гасѹть* (с), *крошѹть* (b2), *ловѹть* (с), *платѹть* (с), *строѹть* (с), *хватѹть* (b2). Последнее, видимо, имело место под влиянием говора выходцев из Рязанской губернии. Наиболее распространен в говоре а. т. В, охватывающий глаголы а. п. *b1*, *b2*, с равномерно, независимо от качества корневого гласного. Предположительно а. т. В распространяется в говоре, вытесняя исконный а. т. С в результате общерусской тенденции к накопленному ударению в наст. времени; вытеснение а. т. В* типом В происходит под влиянием лит. языка. Тем самым, для Пуст.

предполагается в качестве исконной система ударения *i*-глаголов «восточного» типа [Основы славянской акцентологии 1993, 155–159].

В Пуст. имеется закономерная фонема /ω/ < *o в презенсе глаголов а. т. А и (кроме формы 1 ед.) В*. Фонема /o/ < *o в 1 ед. глаголов а. п. В* объясняется инновационным характером ударения, ср. *вѡжу, вѡдит; вѡжу, вѡзит; спрѡшу, спрѡсит; нѡшу, нѡсит, нѡшьнѣ; хѡжу, хѡдит; волѡчу, волѡчѣт*. Крайне редкая сегодня огласовка формы 1 ед.: *отлѡмлю, отлѡмит* – отмечена Бубрихом в 1913 г. как типичная: *виѡзи, пиѡси, хиѡзи, затиѡси, толиѡси, пакוליѡси, хиѡси, тиѡни*; напротив, редко он отмечает огласовку типа *настрѡси*. Очевидно наличие в Пустошах во времена Бубриха двух поддиалектов, один из которых (тип *хѡжу*) характерен для выходцев из Рязанской губ. и их потомков, а другой образовался до появления первого в результате смешения говоров владимирского и рязанского типа (тип *хѡжу*); сейчас различие двух поддиалектов ощущается, кроме приведенных фактов, лишь в мелодике, ритмике и темпе речи.

В корнях форм наст. времени глаголов а. т. В также обычно находим /ω/ < *o, очевидно, распространившуюся по аналогии с огласовкой глаголов а. п. В*. На аналогический характер /ω/ и вторичный характер смежно-подвижного ударения в типе В указывают: (1) /ω/ на месте *a (*заплѡтит, посѡдѡт, посѡжѣнный*) и /ω/ на месте *ь в сочетаниях *TRЪT (*крѡшѣт, проглѡтит*); (2) /o/ < *o в корнях отдельных глаголов а. т. В (3 ед. *лѡвит, дойт, кѡтица, лѡжѣт*).

В Пуст. имеется подвижное ударение в прош. времени у четырех *i*-глаголов: *пустѣть, простѣть, родѣть, тацѣть*; формы с начальным ударением закономерно содержат /o/ < *o (в позиции «нисходящего ударения»): м. р. *пѣстил, ѡтпѣстил, пѣстѣлѣ, мн. пѣстили, ѡтпѣстили, не ѡтпѣстили, пѣстѣлѣсь, f. пѣстѣлѣ*; м. *прѣстил, мн. прѣстили, ж. прѣстѣлѣ*; м. *рѣдил, пѣрѣдил, рѣдилѣ, мн. рѣдили, пѣрѣдили, рѣдилѣсь, f. рѣдилѣ*.

Материал из Нов. довольно мал и не позволяет определить исконный акцентуационный тип диалекта. Здесь отмечается: (1) полное отсутствие а. т. В в презенсе *i*-глаголов в записях связанной речи 80–90 летних носителей говора; (2) соответствие в целом распределения *i*-глаголов по акцентным типам пусто-

шенскому, при котором типам В*, В в говоре Пустошей соответствует тип В* в говоре Новоселок; (3) наличие /ω/ < *о в корнях всех форм наст. времени глаголов а. т. В*: 2 ед. *бѣжыс* 'с'и, 1 ед. *пѣбѣжус*'; 3 ед. *брѣд* 'ит', 1 ед. *брѣд* 'у; 1 мн. *валѣч* 'им *бѣранѣи*, 1 ед. *валѣч* 'у; 1 ед. *гѣин* 'у, 3. мн. *гѣин* 'ут'; 1 ед. *мѣл* 'ус', 1 мн. *мѣл* 'имс'и; 3. ед. *ѣбмѣлѣт* 'ит', 1 ед. *мѣлѣт* 'у; 1 ед. *атвѣр* 'у, 3. мн. *атвѣр* 'ут'; 1 ед. н'а *хѣд* 'у, 2 ед. *схѣд* 'иш.

Как и в Пуст., в Нов. встречаем примеры: *крѣшу*, *пакрѣшут*'; *плѣит* 'у, *заплѣт* 'ит' и *пѣлѣжу*, *пѣлѣжут*', указывающие на вторичный характер а. т. В* у этих глаголов.

Ch. Ulbrich (Great Britain)

PITCH PATTERNS IN L2

English and German (as well as Dutch) as examples of West Germanic languages are often believed to be similar in their prosodic characteristics. This appears to be true regarding some aspects of prosody such as rhythm, pitch accents and boundary tones, broad focus, interaction of prosodic features (pitch, loudness, duration etc.). However, there can be substantial differences between varieties of just one language and/or cross-linguistically between those languages.

The present paper investigates the relationship between L1 and L2 in German and English. More specifically we are focusing on a Northern German variety spoken in Berlin and a Northern Irish variety spoken in Belfast.

Individuals learning a new language usually transfer certain specific characteristics of their native language into the pronunciation of the new language and this results in what we know as a foreign accent. These characteristics can be found on the segmental level of speech but they can equally be due to intonational or more general to suprasegmental errors. This issue has been addressed in a number of publications which provide evidence for both prosodic and segmental characteristics and their contribution to the perception of foreign accentedness [Jilka, 2000; Magen, 1998; Munro, 1995; Trofimovich & Baker, 2006; Van Els & De Bot, 1987].

The present study focuses on L1 and L2 intonation patterns and their interaction. The paper presents results of the comparison of pitch accent patterns in speech produced by two groups of native German speakers: immersion L2 learners and conventional secondary school L2 learners. The study focuses on the realisation of phrase final pitch patterns. Amongst other regional varieties Northern German varieties are well known to have a falling pitch pattern in utterance final position in declarative utterances. Belfast English however, has been shown to have a characteristic rising pattern in utterance final position in declarative sentences.

The study consists of a detailed prosodic description using the autosegmental-metrical (AM) framework and an acoustic analysis. This AM- framework allowed us to identify whether the L2 speech differed from the L1 speech.

The study is based on spontaneous and read speech produced by 5 native German speakers participating in an University exchange program. At the time when recordings took place they had lived in Belfast for 7 months. The control group consists of 5 native German speakers who have acquired English only in a Germany secondary school. Several conditions had to be considered such as non-native English-teachers in Germany, same duration of exposure to English in German (prior to the Belfast exchange) etc.

The results showed that L1 speakers of German had acquired some intonational features of the variety of L2 after only 7 months. They produced phrase final pitch accents with rising pitch significantly more often than speakers in the control group. Subsequently a perception test was carried out with native Belfast English speakers to investigate the influence of phrase final rising pitch on the degree of perceived foreign accentedness. 20 native Belfast English students were presented with a 10 re-synthesised samples of the read speech and asked to rate the foreign accentedness using a 7 point Likert scale. These were produced by superimposing the intonational contour of the 10 subjects onto the segmental material of one speaker. The results showed that the German exchange students were rated to sound less foreign than the speakers of the control group.

REFERENCES

Jilka, Matthias 2000. The contribution of intonation to the perception of foreign accent. Ph.D. dissertation, Institute of Natural Language Processing. University of Stuttgart.

Magen, H. S. (1998). The perception of foreign-accented speech. *Journal of Phonetics*, 26, 381-400.

Munro, M. (1993). Production of English vowels by native speakers of Arabic: Acoustic measurements and accentedness ratings. *Language & Speech*, 36, 39-66.

Trofimovich, P., & Gatbonton, E. (2006). Repetition and focus on form in L2 Spanish word processing: Implications for pronunciation instruction. *The Modern Language Journal*, 90(4), 519-535.

Van Els, T. J., & de Bot, K. (1987). The role of intonation in foreign accent. *The Modern Language Journal*, 71, 147-155.

Flege, J. E. 1984. The detection of French accent by American listeners.' *Journal of the Acoustical Society of America* 76: 692-707.

Х.И. Уста (Турция)

ДЕЙСТВУЕТ ЛИ В СИНКОПЕ ЗАКОН ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ? (на материале турецкого языка)

Синкопа в турецком языке:

Темой данного доклада является синкопа в турецком языке. На самом деле синкопа является частью фонетических процессов. По этой причине синкопа сама по себе не является причиной или следствием а всего лишь период развития этих фонетических процессов. Однако этот процесс ошибочно называется выпадением согласных. Как известно, во всех языках имеются обязательные естественные процессы, обусловившие эти явления. Нашем докладе мы постараемся обосновать эти процессы.

Консонанты:

Ниже показана система классификация согласных в турецком языке:

• взрывной :	b, d, g, p, t, k
• взрывно-щелевой:	c, ç

- щелевой: v, z, j, ğ, f, s, ş, h
- боковой: l
- дрожащий: r
- носовой: m, n, ñ
- неполный гласный: y

Выпадение согласных в турецком языке:

В турецком языке выпадение согласных может иметь место в начальном, среднем и конечном звуках:

Афerezис: yigne > iğne (иглолка);

Синкопа: bağırsak > barsak (кишечник);

Апокопа: ağabey > âbe (старший брат), çift > çif (парный, чётный).

1. Выпадение согласных зависит от позиции звука и обусловлено некоторыми морфологическими процессами. Ниже приведены некоторые примеры, подтверждающий эти процессы:

2. Выпадение согласных в корне и основе слова:

oltur- > otur- (сидеть, сесть), emgek > emek (труд), serp- > ser- (рассеять)

3. Выпадение согласных при соединении корне и оканчания:

а) Склонение (спряжение): gitmeyeyim > gitmeyim (не пойду-ка!);

б) Словообразование: kız + sıl > kızıl (красный); süt + sig > sücig (сладкий); kilit + li > kitli (закрыта); büyük + cek > büyücek (довольно большой).

4. Выпадение согласных в сложных словах и в словообразованиях, обозначающих новые понятия:

а) Обе части слова, имеющее турецкую форму: süt nine > sütne (кормилица); bey baba > beyba (господин); pek iyi > peki (прекрасно);

б) Одна часть слова из турецкого, а другая арабская или персидская: yemek + hane > yemekâne (столовая);

в) Обе части слова, имеющие иноязычную форму: bed-ter > better > beter (худший).

Выпадение согласных, произошедшее в турецких словах в различных исторических аспектах: katig > katı (сильно); berk > bek (сильный); abla > aba (старшая сестра).

Выпадение согласных, произошедшее в иноязычных словах в различных исторических аспектах: vallahi > valla (ей-богу!);

в) Кроме того, значительным фактором можно считать то, что нельзя употребления в турецком языке удвоенных согласных. (это видно только в сложных словах и словосоединениях).

г) Взаимовлияние гласных и согласных является одним из основных факторов выпадения согласных.

д) Место согласного в слове также имеет немаловажное значение.

е) Закон облегченного произношения (least effort) в свою очередь способствует выпадения согласных.

Под воздействием вышеназванных причин происходят фонологические изменения, перечисленные ниже. Мы ещё раз хотели бы отметить, что выпадение согласных это не внезапно происходящее явление, а часть фонологического процесса:

1. Артикуляция и место образования звука, в следствие чего затруднение произношения звука и его ослабление.

2. Ослабление согласных между двумя гласными.

3. Стяжение согласных под влиянием диссимиляции, прогрессивной и регрессивной ассимиляции, а также сингармонизма.

4. Стяжение согласных, меняющих свою артикуляцию и переходящих в категорию плавных.

5. Стяжение согласного, следующего после гласного в открытом слоге (и происходит удлинение звука).

6. Наличие рядом двух согласных, их слияние, стяжение и уменьшение количества слогов.

7. Слияние артикуляционно близких звуков, переходящих в однотонный звук.

8. Выпадение согласного в следствии стирание его под различными внешними влияниями.

9. Проглатывание согласного.

10. Соединение двух или более соседних слогов в единый слог.

11. Ослабление согласного, расположенного между двумя гласными, происхождение удлинённого гласного и уменьшение количества слогов (со временем превращение удлинённого гласного в нормальный).

12. Процесс выпадения одного из артикуляционно подобных, рядом находящихся слогов.

ЛИТЕРАТУРА

- Aksan, Doğan (1977). *Her Yönüyle Dil I*. Ankara: Türk Dil Kurumu.
Aksan, Doğan (1978). *Türkiye Türkçesi Gelişmeli Sesbilimi*. Ankara: Türk Dil Kurumu.
Demircan, Ömer (1979). *Türkiye Türkçesinin Ses Düzeni*. Ankara: Türk Dil Kurumu.
Deny, Jean (1995). *Türk Dili Gramerinin Temel Kuralları*. (Перевод). Ankara: Türk Dil Kurumu.
Ахманова, О.С. (2005). *Словарь лингвистических терминов*. Москва.

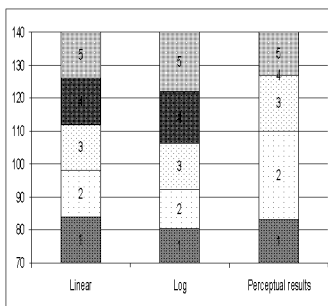
Ling Feng (Hong Kong)

DEGREE BOUNDARY IN FIVE-POINT SCALE

Introduction. Five-point scale is an important tool in tonal transcription. Traditionally, the dialectologists determine the tone values based on their auditory impression. It is easy to analyze the fundamental frequency of tones with the development of the computer technology. A new problem is how to mapping the acoustic values to five-point scale. There are mainly two methods for dividing the tonal range. One is dividing the tonal range into five equal parts in linear scale; another is dividing five equal parts in log scale.

The question raised in this study is whether the five degrees occupy equal space in tonal range. And if they occupy equal space, the space should be log space or linear space.

Result. The experiment here is a perceptual study of the six contrastive tones in Cantonese. The monosyllable [si] was synthesized, and a large number of closely spaced F0 contours were applied to it. The identification tests were separated into three parts. In Part I of the tests, subjects were asked to identify each synthetic stimulus as a Cantonese word with a 55, 33, or 22 tone. In Part II of the tests, subjects were asked to identify each synthetic stimulus as a

Cantonese word with a 22 23 or 25 tone. In Part III of the tests, subjects were asked to identify as a 22 or 21. The influence of F0 on the perception of Cantonese words was investigated and the categorical boundaries for the six contrastive tones were established.

The perceptual results are shown in the right figure. The first two columns are the predicted boundary in linear scale and log scale. And since there is no degree 4 in Cantonese tones, the results only show the boundary between degree 5 and 3.

As shown in the figure, we can see that the perceptual boundaries between adjacent degrees are quite different from the predicted boundaries and the degree 2 occupies a much larger space than any other degrees.

Concluding remarks. Arbitrariness is a fundamental linguistic principle. The result that the tonal degrees do not occupy equal space may be explained as that the boundaries between different degrees are also arbitrary and language specific. It is impossible to give a universal formula for mapping acoustic data into five point scale. More tonal languages will be tested in the future study.

Е.Л. Фрейдина (Москва)

ПРОСОДИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СТИЛЯ ОРАТОРА В БРИТАНСКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ

Изучение просодической организации современной британской академической публичной речи показывает, что одним из источников просодического варьирования в звучащем монологе является индивидуальный стиль оратора. Публичная речь – авторский текст. Проявления индивидуальности оратора в риторическом дискурсе в значительной степени способствуют его эффективности.

Сверхсегментные фонетические средства предоставляют обширные возможности для реализации авторской индивидуальности в риторическом дискурсе. Как показал сравнительный анализ образцов звучащих текстов, индикаторами индивидуального ораторского стиля могут служить следующие просодические параметры: степень варьирования тонального диапазона, осо-

бенности акцентуации, предпочтение определенных интонационных структур в позициях завершенности-незавершенности, особенности мелодического репертуара, особенности темпоритмической организации, степень варьирования громкости.

В основе просодического варьирования, относящегося к сфере самовыражения оратора, лежит целый ряд факторов, среди которых особое значение имеют психо-физиологические особенности говорящего, уровень компетентности, отношение к предмету выступления (вовлеченность-отстраненность), отношение к аудитории (открытость-закрытость, контактность – дистантность). Эти факторы определяют выбор предпочтительных для данного оратора риторических стратегий. В результате на фоне просодических признаков, которые можно считать инвариантными для академической публичной речи, наблюдаются вариативные признаки, являющиеся проявлением индивидуального стиля оратора.

Индивидуальный стиль оратора складывается из речеголосовых свойств и определенной комбинаторики просодических параметров, которые формируют неповторимую манеру речи. Разнообразие просодического репертуара и его соответствие риторическим задачам повышают аксиологическую оценку публичного выступления слушателями.

Применительно к публичной речи изучение текстовой просодии, направленное не только на поиск или уточнение инвариантной модели, но и на выявление вариантов, позволяет установить как стереотипные характеристики, присущие всему классу текстов, так и индивидуальные особенности, отражающие конкретное авторство и свидетельствующие о творческом характере риторического дискурса.

И. Фужерон (Франция)

«САМ / САМА» И ДРУГИЕ

Местоимение «сам» / «сама» фигурируя в разряде *определительных* местоимений употребляется при существительных одушевленных и при личных местоимениях в значении «без

посторонней помощи». По определению Н.Ю. Шведовой⁴⁰ местоимение «сам» относится к исходному местоимению кто, входит в сегмент определенности и противопоставляясь другим местоимениям по признаку несосредоточенности, служит для усиления *сосредоточенности, точности*. Вероятно, именно в связи с этим оно также выполняет роль усиливающего, подчеркивающего слова»⁴¹.

Употребление местоимения «сам», является признаком наличия отношений, связи с «другим».

С точки зрения организации высказывания «сам» употребляется как в темо-рематических структурах, так и в рематических.

В темо-рематических структурах местоимение функционирует в роли темы являясь ее базовым элементом: это в его ударном слоге происходит характерные для темы модификации тона. Носителем фразового, ядерного ударения в таких высказываниях является предикат. Если предикат глагольный, ему, как правило предшествует отрицание: «Он сам / не сумеет». Употребление определительного местоимения при отрицательном предикате придает высказыванию значение невозможности самостоятельного действия. Высказывание «Он не сумеет» с упраздненным «сам» звучит просто как исключение подлежащего из действия. Тогда как присутствие «сам» концентрирует на деятеле информацию о *несамостоятельности* действия, что указывает на введение в действие *другого*.

В составе темы определительное местоимение может служить для создания «средоточия» на лице, которое лично, непосредственно затронуто действием: «Он сам не сделает первого шага, не пойдет мириться» Очевидно, что речь идет о том, что инициатива действий должна исходить от *другого*.

В качестве предиката могут выступать и другие части речи, без предшествующего отрицания:

«Барсик, ты нашелся?! У нас в Ростове котище был, я сама из Ростова, так он вообще на восемь кило тянул».

Результаты опроса показали, что здесь присутствие «сама» необходимо. Его функция напоминает «двуликую» функцию союза «а», когда он с одной стороны обеспечивает смысловую

⁴⁰ Шведова Н.Ю. Местоимение и его смысл. М., 1998. С. 55-63.

⁴¹ Грамматика русского языка. М. 1960. Т. I. С. 400

связь в тексте, а с другой отмечает разрыв и изменение направления в повествовании⁴². В сложном целом высказывания с «сам / сама» отмечают создание своего рода скобки, обладающей двусторонней связью. В отличии от «Я из Ростова» высказывания с местоимением «сама» выступают здесь как аргументация. Структурно членение на тему и рему высказывания «я сама из Ростова» вполне очевидно, но интонационно происходит нейтрализация темы и превалирует интонация, которую Карцевский называет интонацией *внесения* или *водности*⁴³.

Определительное местоимение в темо-рематической структуре может являться также ядром ремы, т.е. быть носителем ядерного с ударения: «Оставь, я *уберу сама*». Употребление «*сама*» исключает из действия другого. Упразднение местоимения «сама» привело бы к переносу ударения на глагол: «Оставь, я *уберу*». Очевидно, что «я» в этом случае не может расцениваться как тема. Его присутствие связано с опровержением пресуппозиции («ты думаешь, что я не *уберу*»). Но базируясь на этой пресуппозиции, говорящий не строит противопоставления («не ты, а я»). Напротив, при наличии в конце местоимения «сама»: «Я *уберу сама*» информация подчеркнута исключает «другого».

Другую группу составляют высказывания с отсутствующей темой, полностью рематические. В этих случаях местоимение «сам / сама», как правило, находится внутри высказывания, оно предшествует предикату, и именно оно является носителем ядерного ударения. Характер финального ударения отличается от ядерного ударения внутри высказывания. В основе этого различия лежит эмоциональный характер высказываний.

В ряде случаев, ядро ремы может быть перенесено из финальной, пост-глагольной позиции в предглагольную: «Оставь, я *сама уберу*».

Различие, на наш взгляд, заключается в ориентации высказывания по отношению к тексту. Случай, когда ядро ремы

⁴² Fougeron I. «La conjonction adversative *a* en russe contemporain et son rôle dans l'organisation du texte», Bulletin de la Société de linguistique de Paris, t. LXXXVI, fasc. 1, p. 262 ;

⁴³ Карцевский С. «О фонологии фразы» в С. Карцевский, «Из лингвистического наследия П», М. 2004. С. 277.

может быть «передвинуту», нам представляется как наиболее простой случай рематических высказываний.

Следует однако отметить, что место «сам / сама» влияет на распределение синтаксических связей в высказывании. Местоимение «сам / сама» при глаголе концентрирует информацию на способе действия (здесь оно сродни наречию!). Вероятно этим объясняется, тот факт, что в финальной позиции местоимение, как правило выступает со значением «самостоятельности действия». При контактном расположении «сам / сама» с подлежащим выделяется деятель, усиливается сосредоточение внимания на нем. Нельзя ли сказать, что в данном случае порядок слов влияет на распределение синтаксических функций.

Передвижение же ядра в финальную позицию не всегда возможно, или оно влечет за собой изменение значения местоимения. «Я сама удивилась, когда узнала!» Высказывания, где местоимение не может быть перенесено в финальную позицию, несут в себе значение «тождества» (другой делал, испытывал то же) и вместе с тем оппозиции пресуппозиции. Эмоциональная насыщенность таких высказываний находит выражение в восклицательной интонации, которая, как правило, характерна для них.

Употребление местоимения «сам / сама» вызывает немало других вопросов, которые мы надеемся разрешить в дальнейшем.

А.К. Халдоянц (Новосибирск)

ПРОСОДИЯ И ИНФОРМАТИВНАЯ СТРУКТУРА ВЫСКАЗЫВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (на материале спонтанной речи)

В статье представлены результаты исследования функций просодических параметров в тема-рематическом членении спонтанных высказываний различных синтаксических схем строения в русском языке. В результате проведенного исследования установлено, что интонационная структура повествовательных высказываний состоит из определенного сочетания дискретных тональных единиц, обуславливающих формальное содержание и тип информативной структуры данного высказывания [2].

Восходящая мелодия не всегда является индикатором темы высказывания, поскольку рема также может быть носителем высокого тона. Данная особенность относится к случаям артикуляции ремы в фокусе, несущей высокий тональный акцент фокализации, или тематизированной ремы, реализованной с ударением продолжительности в конечной части. Актуальное членение спонтанных высказываний выходит за рамки бинарной схемы деления и предполагает наличие определенного набора дискурсных сегментов [5].

Тональные единицы, сопряженные с единицами информативной структуры, имеют иерархическую структуру, включающую слог, ступень, фонологическое слово и фонологическую фразу [6], и характеризуются свойством вступать в различные сочетания при формировании целостного высказывания. Предполагается, что тональные единицы имеют поверхностную (фонологическую) и внутреннюю (аллофоническую) структуры, интегральное и локальное проявления. Связующий межуровневый интервал («шаг вниз» или «шаг вверх») соотносится с тональной единицей, реализующейся в условиях различных комбинаций. Поскольку тональные единицы выделены по показателям критических точек-мишеней в кривых (высокая, средняя и низкая точки), в интонационной транскрипции используется обозначение среднего тона.

В интонационной структуре расчлененных высказываний выявлены две различные категории интервала «шаг вниз». Один вид межуровневого интервала выполняет функцию присоединения тональных единиц актуального членения к одному просодическому и семантическому узлу [4]. Другой вид интервала выполняет функцию создания соотношений высоких тональных акцентов, трансформирующих финальные дискурсные сегменты в маркирующий ориентир для последующего содержания, при этом части высказывания объединяются в более крупные дискурсные единицы. Данная разновидность интервала соотносится с высокими акцентами, пониженными в результате присутствия низких промежуточных тонов, равно как и с последовательными высокими акцентами, пониженными в результате естественной деклинации тональной единицы к концу.

В заключении содержатся данные просодических параметров логического ударения (частота основного тона, долгота

гласного и максимальная интенсивность гласного) во взаимосвязи со структурными тональными признаками в спонтанных высказываниях с фокализацией [1, 2, 3]. Фокализация означает выбор одного компонента в парадигме номинальных или адвербиальных членов и исключение всех других элементов парадигмы. Фокализация выполняет функцию создания иерархического соотношения между компонентами предикации: один из членов предложения (актант или сирконстант) вынесен в инициальную синтаксическую позицию и несет просодическое выделение. Данный элемент является единственным компонентом, обеспечивающим предикативные отношения с остальной частью высказывания. В пост-фокусе наблюдаются падение тона и отсутствие мелодических модуляций, что указывает на дисквалификацию предиката в оставшейся части синтаксической структуры. Выделенный компонент в фокусе характеризуется высокой интенсивностью ударного слога, имитирующей силовой удар, который осуществляет говорящий в предварительно установленном ко-локутивном консенсусе. Совокупность конструкции «фокус+пост-фокус» представляет собой формулировку одностороннего суждения (эгоцентричного), которое интерпретируется как разрыв с предшествующим контекстом и построение независимого высказывания по отношению к последующей части.

Результаты исследования используются при распознавании речи и смысла высказывания, в дискурсном анализе, переводческой деятельности и типологическом исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

Fougeron I. (1989) *Prosodie et organisation du message. Analyse de la phrase assertive en russe contemporain*, Paris, Klincksiek.

Khaldoyanidi A. (2003) *Structure intonative de l'énoncé oral et accent contrastif en russe* // *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*, t. XCVIII, fasc.1, p.337-358.

Kodzasov S. (2003) *Varieties of focalisation in Russian: Semantics and prosody* // *Mémoires de la Société de Linguistique de Paris*, pp. 99-113.

Morel M.-A. & Rialland A. (1992) *Emboîtements, autonomies, ruptures dans l'intonation française* // *Travaux de Linguistique du CERLICO 5. Subordination. Subordination* (J. Chuquet et D. Roulland, eds). *Travaux linguistique du Cerlico 5*, p. 221-243.

- Morel M.-A. et Danon-Boileau L. (1998) La grammaire de l'intonation. L'exemple du français oral. Paris, Ophrys.*
Nespor M. and Vogel I. (1986) Prosodic phonology. Dordrecht.

Raphaël Chiarelli & Hi-Yon Yoo (France)

TEACHING FRENCH RHYTHM TO CHINESE LEARNERS USING A MULTIMODAL PRONUNCIATION SOFTWARE

One of the recent developments of technology in teaching methods of pronunciation is the possibility to approach phonetics and more specifically intonation with visualization: most of the teaching methods today (Rosetta, Tell Me More – Hamon 2005) include listening and recording the learner's voice following a model, giving the possibility to compare the visualization of the learner's realization to the expected intonation pattern. However, even though these programs can be very useful as auto-formation methods, they are quite difficult to be used in a language class because there is no possibility for the teacher to build her or his own lessons, using the recordings she or he wants to work on (authentic documents or recorded read sentences).

Winpitch LTL [Martin 2004] is a multimodal pronunciation teaching software. The learners can visualize the prosody of the sentence they are listening to in a real time display, record their own realization following the model, but also vary the playback speed of the model, do prosodic morphing etc., all in a very friendly and easy to use interface. On the other hand, teachers can chose the model sentences or dialogues (sound or video files as input), build the exercises, add text to the prosodic curve etc. In a second step teachers can compare the learner's realization to the model and add comments indicating the corrections the learners have to do. Learner's imitation is automatically aligned to the model, facilitating the comparison and the explanation of the differences, both on the segmental and suprasegmental levels. It is thus easier to integrate corrective phonetics in a more global language course. Moreover, since teachers can conceive their own lessons, Winpitch can be used as a pro-

nunciation software for any language (lessons have been built for French, English and Mandarin Chinese).

The aim of this paper is to show how a multimodal system such as Winpitch can be used in teaching French rhythm to Chinese students. Linguists and pedagogues agree to say that rhythm and intonation are fundamental components of language teaching and that it is important to teach them at the very early stage of learning [Léon & Léon 1964; Martin 1987]. However, rhythm and intonation still remain absent in most of pedagogical material, mainly because, we believe, of the lack of comparative studies between native and non native production of utterances and inaccessible explanation for foreign language teachers. A comparative approach to the pronunciation errors, where what we seek is to identify the particular difficulties associated to a specific language, could lead to propose more adapted and concrete exercises. This approach becomes necessary when the two languages share very few linguistic characteristics, which is the case of French and Chinese.

We have chosen to focus first on the question of rhythm in French. In order to eliminate other parameters than rhythm, we established a strictly controlled corpus (18 utterances that vary following first the length of the breath groups (from 2 to 4 units) and second the length of the breath group itself-each breath group can contain from 2 to 6 syllables). Each utterance of the corpus was read and immediately repeated as logatoms by French speakers and Chinese learners of French. The use of logatoms allowed us to erase intrinsic segmental variations and specific segmental difficulties of Chinese speaking learners.

The acoustic analysis of these read data helped us to determine the major difficulties for the learners: non respect of French accentuation rules, default of rhythmic regulations and difficulties dealing with syllable lengthening.

In a second part of our work, we show how the obtained results can be used to build an active lesson on French rhythm under Winpitch LTL. Our hypothesis is that visualization is an effective tool for teaching prosody of a language; moreover, tools such as Winpitch LTL can be extremely powerful in building intonation lessons because of the immediate feedback and the activeness of the students. Students are able to understand more directly and systematically the prosodic phenomenon by comparing his own voice to the model voice.

We propose some exercises using logatoms that allows to focus only on the prosody of sentences, without paying attention to the segmental difficulties of the language. The lesson is tested by Chinese learners and work is in progress concerning the evaluation of the improvements realised by the learners.

We believe that using speech visualization will be the next step in developing methods of teaching intonation. Winpitch can be a useful tool in the conception of such methods.

REFERENCES

Léon P., Léon M., 1964. *Introduction à la phonétique corrective*, Paris, Hachette et Larousse.

Martin, Ph. 1987. "Prosodic and Rythmic Structures in French", *Linguistics*, pp. 925-949.

Martin Ph. 2004. "Winpitch LTL II, a multimodal pronunciation software", In *ICALL-2004*.

Hamon L. 2005. « Analyse de Tell Me More - Français », *Alsic* Volume 6 n°2, pp.141-155.

<http://www.therosettastone.co.uk/>

http://www.winpitch.com/winpitch_ltl.htm

P.X. Чудин (Москва)

ПРОИЗНОШЕНИЕ ОТЧЕСТВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

В современном русском литературном языке отчества имеют два типа произношения: полный тип, звучащий в соответствии с написанием (напр., *Сергѐ[и'в'и'ч']*, *Алексѐ[и'в'и'ч']*, *Фѐ[дѣрэв'и'ч']*, *Ви[ктѣрэв'и'ч']*) и неполный тип, который характеризуется компрессией разной степени (напр., *Сергѐ[и'ч']*, *Алексѐ[и'ч']*, *[л'и'кс'зи'ч']*, *Фѐ[дѣры'ч']*, *Фѐ[дры'ч']*, *[ф'бч']*, *Ви[ктѣры'ч']*, *[в'йч']*). Традиционно считалось, что для официальной речи нормой является употребление полного типа отчества, а для бытовой, непринужденной, разговорной – употребление неполного типа отчества, так как произносительные особенности компрессированных форм «по своему происхожде-

нию восходят к разговорному беглому просторечию»⁴⁴. Эта позиция подкреплялась также исторической традицией употребления неполного типа отчеств при простом обращении или же при общении с простолюдинами.

Согласно наблюдениям, на данном этапе развития языка оба типа произношения сохранили за собой статус нормы, однако произошло заметное перераспределение правил их использования в разных ситуациях общения.

Р.И. Аванесов строго разделяет произношение отчеств в публичной официальной речи и бытовой разговорной речи. Для публичной официальной речи Аванесов называет допустимым только полный вариант произношения (напр., Олѣ[гѣв'и'ч']), для бытовой разговорной речи – неполный вариант (Олѣ[гѣ'ч']). Исследования больших массивов записей телевизионной речи показывают, что в настоящее время это разграничение исчезает. Выбор полного или неполного варианта произношения отчества в устной речи во время “беседы на высшем уровне” зависит лишь от личного опыта говорящего. Так человек, привыкший к такому уровню общения чаще употребляет неполный вариант произношения (Например: Владѣ[м'и'ры'ч'], Владѣ[мѣ'ч'], Владѣ[мѣч']). Можно сделать вывод, что компрессионный вариант произношения отчеств полностью проник в публичную официальную речь. Таким образом, за разговорной речью осталось закрепленным употребление неполного типа произношения отчеств, тогда как в официальной речи стало допустимым употребление как полного, так и неполного типов. В связи с тем, что для официальной речи нормой стало употребление и полных, и неполных типов отчеств особенно остро стоит вопрос о факторах, которые влияют на выбор говорящего между двумя этими типами произношения.

При анализе телевизионной речи легко заметить, что при первом представлении гостя программы, а также при первом обращении к нему ведущие, как правило, употребляют полный тип отчества (*Здравствуйте, Даниил Алексѣ[ндрѣв'и'ч']*), а после этого переходят на неполный тип (*Даниил Алексѣ[нѣ'ч']*, *а что вы скажите о данной проблеме?*). Это значит, что употребление полных и неполных типов отчеств зависит от фразо-

⁴⁴ Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. М., 1984. С. 223.

вой позиции: в сильной позиции – полный тип, в слабой позиции – неполный.

Необходимо подчеркнуть, что неполный тип произношения отчества стал обладать вариантами разной степени компрессии. Так, например, отчество *Александрович* имеет много вариантов неполного типа произношения: *Алекса́[ндры́ч']*, *Алекса́[ны́ч']*, *Алекса́[нч']*, *[л'и́кса́ныч']*, *[л'и́кса́нч']*, *[кса́ныч']*, *[кса́нч']*, *[са́ныч']*, *[са́нч']*. Из всего разнообразия вариантов произношения отчеств можно выделить *компресси-вы*⁴⁵, т.е. слова, испытывающие максимальную компрессию (напр., *[бс́ч']* – *Осипович*, *[ф'б́ч']* – *Фёдорович*, *[са́нч']* – *Алекса́ндрович*), и частично *компрессированные формы*⁴³ (прим., *Миха́[лнь]* – *Миха́йловна*, *Никола́[внь]* – *Никола́евна*). Результаты исследования показывают, что мужские отчества подвергаются компрессии в большей степени, чем женские.

Г.Н. Шастина (Санкт-Петербург)

ВОСПРИЯТИЕ СЛОВ НЕРОДНОГО ЯЗЫКА

В настоящее время в научной литературе можно найти огромное количество данных о восприятии звуковых единиц различной протяженности. Многочисленные исследования направлены на составление «речевого портрета» носителя конкретного языка. Центральной фигурой этого портрета выступает слово как основная единица языка, имеющая в каждом языке свои типологические особенности. Однако слово – это также неделимый акустический образ со свойственными ему типологическими и специфическими перцептивными характеристиками. Последние изучены в гораздо меньшей степени, чем лингвистические признаки слова.

Анализ имеющихся данных позволяет сделать следующие важные выводы относительно восприятия слова:

1. Восприятие полимодально и находится под влиянием лингвистического опыта человека. Цельнооформленность слова не задается аргіоті, а формируется вместе с развитием навыков уст-

45 Термины Р.Ф. Касаткиной.

ной речи. Обилие и качественное своеобразие обрывов слов в детской речи – яркое тому подтверждение. Базовые сенсорные способности ребёнка остаются практически неизменными, они как бы размываются под воздействием лингвистического опыта.

2. Ошибочность представлений о том, что восприятие речи – это процесс, протекающий исключительно в сенсорной плоскости. Существует тесная связь между речевосприятием и речепроизводством, причём гораздо более сложная, чем принято предполагать.

3. Релевантность лингвистически нерелевантной просодической информации для восприятия слова. Слова идентифицируются до того, как будут опознаны составляющие их фонемы. Только умеющие читать и знающие алфавит люди могут надёжно опознавать фонемы. Возможно, при восприятии слова человек опирается на правильную заданность слоговой составляющей, но информация об этом «растворяется» в фонемной цепочке слова до тех пор, пока не нарушаются фонотактические правила.

4. Ни одна из оставляющих целостности слова (цепочка фонем, место ударения и число слогов) не обладает первостепенной важностью и не может быть функционально отделена от других в словоформе, частью которой она является. Безусловно, любая из составляющих может и должна быть проанализирована теоретически и отработана практически на занятиях, но в связной речи ни одна из этих единиц не может быть независимой от единиц, находящихся выше или ниже её в структуре, как словоформы, так и всего высказывания.

5. Единицы формального лингвистического анализа не являются важным этапом на пути к пониманию смысла слова, следовательно, они не должны быть строго организованы в сознании носителя языка. Гораздо большая роль должна отводиться детализованной фонетической информации. В этой связи необходимо выявлять и систематизировать такую информацию, которая могла бы выступать в роли своеобразных «островков надёжности» при опознании слова.

6. Разные испытываемые при восприятии одного и того же слова идут к пониманию смысла этого слова разными путями в зависимости от их предшествующего лингвистического и жизненного опыта. Следовательно, вряд ли корректно гово-

речь о единственно возможном пути принятия решения при опознавании слова. Многослойная лингвистическая структура, какой является словоформа, может опознаваться как параллельно, так и последовательно.

На протяжении ряда лет мы экспериментально исследуем восприятие русских и английских словоформ и фонетических слов как произнесённых изолированно, так и выделенных из текста, носителями разных языков: китайского, английского, монгольского, русского. Основная цель исследования – выявление универсальных и типологических признаков опознавания словоформы и установление иерархии звуковых единиц, способствующих формированию целостного образа слова в перцептивном пространстве носителей разных языков. Не менее актуальной задачей для решения поставленной цели является анализ отношений между опознанием (слуховым восприятием) и имитацией (быстрым повторением) словоформ, а также узнавание их в тексте. В ходе экспериментов анализировались результаты опознания носителями разных языков универсальных признаков словоформы (длины фонемной цепочки, количества слогов, качества ударного гласного), а также определялся «перцептивный вес» каждого компонента в иерархии признаков.

Выводы:

1. Полученные результаты подтверждают сделанный нами ранее вывод о том, что слоговая структура иноязычной словоформы опознаётся носителями разных языков гораздо лучше других компонентов, формирующих её целостный образ. Слоговую структуру можно рассматривать в качестве своеобразного «островка надёжности», точкой отсчёта, в работе над восприятием иноязычной речи, независимо от лингвистического опыта учащихся.

2. Разнообразное опознание различных по длине фонемной цепочки иноязычных словоформ вне зависимости от уровня владения языком свидетельствует о «ненужности» их пофонемного распознавания.

3. Лингвистический опыт испытуемых, по всей видимости, не всегда оказывает положительное влияние на восприятие иноязычного слова. Иногда он способен «притуплять» перцептивную чувствительность носителей языка.

О ДВУХ ТИПАХ ДОЛГИХ АФФРИКАТ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Долгие согласные в терминах артикуляторной фонетики могут быть определены как звуки, при произнесении которых дольше, чем обычно, не изменяется конфигурация артикуляционных органов, т.е. дольше, чем обычно, сохраняется затвор или щель.

Долгие аффрикаты, как и другие долгие согласные, в исконных русских словах появились в результате утраты сверхкратких гласных в слабой позиции.

Аффрикаты с долгим затвором возникли из сочетаний зубного смычного согласного с последующей аффрикатой. Этот тип долгих аффрикат в современном русском языке представлен в интервокальной позиции на стыке префиксальной и корневой морфем, напр.: о[ц:]едить (орфогр. *отцедить*), по[ч':]ас (орфогр. *подчас*), а также на стыке корневой и суффиксальной морфем, напр.: бра[ц:]ы (орфогр. *братцы*), лё[ч':]ик (орфогр. *лётчик*). В позиции после согласного перед гласным долгая смычка подверглась сокращению: сер[ц]е (орфогр. *сердце*), ис[ц]а (орфогр. *истца*). В разговорном стиле в слове отцвести (т.е. в позиции перед согласным) также может выступать аффриката нормальной длительности: о[ц]вести.

Из сочетаний зубного смычного согласного с последующим зубным или передненёбным фрикативным в результате ассимиляции по способу образования (в сочетаниях с передненёбным фрикативным – и по месту образования) возник иной тип долгих аффрикат – **аффрикаты с продленным фрикативным элементом**. В современном русском языке этот тип долгих аффрикат выступает на стыке морфем в интервокальной позиции (напр.: о[zз]ыв (орфогр. *отзыв*), по[цс]удимый (орфогр. *подсудимый*), по[z'z']емный (орфогр. *подземный*), о[ц'с']екать (орфогр. *отсекать*), позабо[ц'с']я (орфогр. *позаботься*), о[жж]ать (орфогр. *отжать*), по[чш]ивка (орфогр. *подшивка*), мла[чш]ий (орфогр. *младший*), о[ч'ш']епить (орфогр. *отщепить*), а также внутри морфемы (напр.: [ч'ш']ательно (орфогр. *тщательно*), [ч'ш']етный (орфогр. *тщетный*)).

Твердая аффриката с долгой фрикацией произносится и в словах лу[чш]ий, улу[чш]ение, улу[чш]ать в результате регрессивного ассимилятивного отверждения [ч']. Так же может произноситься сравнительная степень: лу[чш]е. В разговорном стиле эта форма стала произноситься с аффрикатой [ч':], вероятно, по аналогии с формами типа *громче, звонче*.

В позиции после гласного перед согласным на стыке приставки и корня аффрикаты с продленным фрикативным элементом сохранились (напр.: о[zз]вук (орфогр. *отзвук*), по[цс]тавка (орфогр. *подставка*), о[чш]лѣпать (орфогр. *отшлѣпать*), на стыке же корня и суффикса фрикативный элемент подвергся сокращению (напр.: де[ц]кий (орфогр. *детский*), бога[ц]тво (орфогр. *богатство*). В разговорном стиле в позиции перед согласным и на стыке префиксальной и корневой морфем иногда могут произноситься аффрикаты нормальной длительности: о[z]вук, по[ц]тавка, о[ч]лѣпать.

О правомерности выделения аффрикат с долгой фрикацией как целостных согласных звуков может свидетельствовать тот факт, что в тех славянских языках, в которых долгие согласные не сохраняются, сокращению подверглись и аффрикаты с продленным фрикативным элементом.

В инфинитиве и формах 3-го л. ед. и мн. ч. наст. вр. глаголов с постфиксом -ся в соответствии с орфографическими последовательностями *тс* и *тьс* произносится аффриката с долгим затвором: бра[ц:]я, берѣ[ц:]я, беру[ц:]я (орфогр. *братся, берѣтся, берутся*). Обращает на себя внимание тот факт, что во всех других случаях в соответствии с *тс* и *тьс* в позиции между гласными выступают аффрикаты с продленным фрикативным элементом, ср.: о[цс]ыпать, о[цс]утствие, позабо[ц'с']я, пя[ц'с']я (орфогр. *отсыпать, отсутствие, позаботься, паться*). Следует признать, что в парах типа проси[т'] – проси[ц:]я, проси[т] – проси[ц:]я, прося[т] – прося[ц:]я (орфогр. *просить – проситься, просит – просится, просят – просят*) мена согласных [т'] – [ц:], [т] – [ц:] не носит фонетического характера. В данном случае мы имеем дело с грамматическим чередованием.

В формах типа *братся, берѣтся, берутся*, вероятно, первоначально выступала аффриката с продленным фрикативным элементом, которая в этой позиции могла спорадически сокращаться. Аффриката с долгим затвором в указанных случаях

стала произноситься в результате восстановления слившихся с -ся окончаний инфинитива и 3-го л. ед. и мн. ч. наст. вр. по аналогии с формами без постфикса. В докладе приводятся факты, свидетельствующие о типологической вероятности данного предположения.

Л.А. Щербакова (Москва)

ГОРТАННЫЙ СМЫЧНЫЙ СОГЛАСНЫЙ НА СТЫКЕ ФОНЕТИЧЕСКИХ СЛОВ МЕЖДУ ГЛАСНЫМИ

Исследуя позиции, в которых проявляется гортанный смычный согласный в русском языке, следует обратить внимание на сходство, существующее между ними: гортанный смычный часто появляется перед гласным звуком, в таких слогах, которые современной фонетической наукой называются и считаются неприкрытыми, в частности, на стыке фонетических слов между гласными.

Анализируя указанную позицию, следует, прежде всего, определить, что в данном случае мы имеем дело с явлением, называемым «зияние гласных» или хиатус, а точнее так называемым внешним зиянием, когда соседствующие гласные встречаются на стыке двух знаменательных слов.

Для русского языка в целом зияние гласных не очень распространенное явление, о чем свидетельствуют статистические данные, приводимые Н.В. Черемисиной-Ениколоповой. В истории русского языка зияния гласных на стыке двух знаменательных слов часто устранялись согласными протезами.

Исследуемая позиция является самой «выгодной» для устранения зияния гласных таким способом, так как гласные, между артикуляциями которых остается свободный проход воздуха, находятся в разных фонетических словах. Таким образом, устранение зияния в данном случае вполне возможно за счет протетического (фактически эпентетического) согласного.

Однако можно предположить, что современная фонетическая система является вполне устоявшейся и литературный язык не допустит появления таких протетических звуков, ко-

торые будут восприниматься как настоящие, различаемые ухом согласные. Для того чтобы разрешить возникшее противоречие, вырабатывается определенный компромисс: между двумя гласными может возникать согласный, однако это не обычный согласный и возникает он не всегда.

Таким особым согласным протетическим звуком обычно становится в системе русского литературного языка гортанный смычный согласный. Почему же выбирается именно этот звук? С нашей точки зрения, гортанный смычный является наиболее подходящим, тем более, что он практически не осознается простыми носителями языка. Это связано с особенностями артикуляции звука: он воспринимается как приступ гласного. За счет такой реализации согласного гласные четко отделяются друг от друга, но не собственно согласным, а как бы «переходной» артикуляцией. Такая протеза-эпентеза может быть признана в прямом смысле этого слова «идеальной».

Таким образом, очевидно, что гортанный смычный, фактически являющийся согласным звуком, в некоторых случаях может начинать такие слоги, которые мы привыкли называть «неприкрытыми». В этих случаях возникает необходимость поиска точного термина, так как в действительности слог начинается не гласным, а согласным звуком. Однако мы считаем, что существует серьезная проблема, препятствующая уточнению термина: к сожалению, существующие языковые факты, указывающие на присутствие гортанного смычного перед начальным гласным, проявляются в зависимости от многих трудно учитываемых факторов и обнаруживаются скорее в индивидуальном произношении носителей современного русского языка. Выделение такой языковой ситуации, при которой начальный гласный был бы обязательно прикрыт гортанным смычным согласным, пока не представляется возможным. Именно поэтому замену термина «неприкрытый» на «прикрытый» для начального слога, в котором перед гласным может появляться гортанный смычный, мы считаем преждевременным.

ВТОРИЧНЫЕ *l, r* В ИРАНСКИХ ЯЗЫКАХ И ИХ ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

В исторической фонетике и фонологии разных языков, входящих в арийскую ветвь индоевропейской семьи, отмечаются многочисленные сходные процессы, из которых часть входит в совокупность тестирующих признаков генетических групп, часть представляет типологически общие черты, а часть привязана к определенным ареалам.

К относительно частотным процессам относятся отражения древнеиранских **t, *d* в виде *l, r* в разных иранских языках. Статус этих рефлексов до сих пор вызывает споры: некоторые исследователи рассматривают их как признаки тесного генетического родства языков, развивших данную инновацию (хотя, как известно, о близком родстве языков свидетельствуют не просто артикуляционные сходства тех или иных единичных рефлексов древнего прототипа, а совокупность системных историко-фонетических соответствий, отличающая данные языки от других), другие относят их к типологическим и ареальным явлениям.

Рассмотрение этих процессов в разных языках арийской семьи показывает, что в разных случаях они свидетельствуют о различных межъязыковых отношениях.

Так, переход **t, *d* в *l* в определенных позициях характерен для ряда иранских языков: пушту (с близкородственным ему ванеци), мунджанского, йидга, вымершего бактрийского языка, — но также и для бытующего в том же ареале языка прасун, относящегося уже не к иранской, а к нуристанской языковой семье. Это указывает на общую ареальную артикуляторную тенденцию, выразившуюся вначале в ослаблении смычки рефлексов древних **t, *d* с переходом их затем в неустойчивый в данном ареале щелевой «интердентальный» звукотип (изображаемый в транскрипции традиционно греческой *ð*) с последующей реализацией в виде *l*, возможно, под воздействием общего для них субстрата. Переход **-d- > l* отмечен также в другом ареале — в нескольких словах в скифском языке и спорадически в других иранских языках. Тем самым данный переход сам по себе не является тестирующим признаком особо близко-

го генетического родства между собой всех рассмотренных языков. Это общая типологическая черта, усиливавшаяся в определенных ареалах.

Отражение древнего срединного **-t-* в виде *r* характерно для нескольких иранских языков. При этом такой переход в татском и кумзари сопровождается комплексом других историко-фонетических процессов, позволяющих отделить эти языки в генетическом отношении от других иранских языков юго-западной группы. То есть здесь он входит в систему генетических признаков. Переход **d > r* отмечен также в южном талышском, в диалектах иранского тати, и в диалектах белуджского языка, где церебральная звонкая *d* реализуется в речи в виде *r* (как правило, неполносмычного или одноударного). Однако в этих языках случаи позднего ротацизма не входят в комплекс генетически существенных черт, а отражают типологически сходные способы преодоления «артикуляционно неудобных» для данных ареалов звонких согласных: позиционно ослабленного смычного *d* и соответствующего шелевого *ð*.

Таким образом переходы **t*, **d* в *l*, *r* в иранских языках, имеющие типологические параллели в разных языках мира, сами по себе не определяют отношений языков между собой.

Одним из относительно распространенных в языках иранской семьи является переход некоторых групп фонем в *l* и в *l*-образные (включая церебральные) звукотипы и фонемы. Сюда относятся отражения древних групп **rt*, **rd* в виде *l* в ишкашимском и сангличском языках, в языке ормури, в курдском, в классическом и современном персидском, таджикском, дари; рефлексy **rt*, **rd > l* отмечены в разных диалектах Центрального Ирана и др. Такие единообразные рефлексy, возникшие сравнительно поздно из сходных консонантных групп в разных языках, в отдельных случаях могут быть поддержаны ареальным фактором в виде иноязычного влияния (например, влиянием персидского языка на диалекты Центрального Ирана). В других языках и ареалах они развились параллельно и независимо друг от друга. Таким образом, данная фонетическая черта не является показателем особо близкого генетического родства этих языков. Она – следствие типологически общей артикуляционной тенденции в реализации этих консонантных групп, а именно – стремления дентальных компонентов под воздействи-

ем *r к сдвигу в постальвеолярную зону при одновременном сокращении времени смычки (и возможном ее ослаблении).

Интересно частично сходное явление в части языков дардской группы, относящейся, как и иранские и нуристанские языки, к арийской семье. Это переход группы *tr в глухие латеральные согласные («простые» и церебральные), отличающиеся от /l/ отсутствием звонкости (изображаются в транскрипции греческой λ), в некоторых работах они трактуются также как последовательности hl. Такое явление характерно не для всех дардских языков, а для находящихся в двух определенных ареалах.

Таким образом возникновение вторичных /l, r/ из переднеязычных смычных – результат общности артикуляционных тенденций, а определение их фонологического статуса и интерпретация их значимости как показателей генетических, типологических или ареальных общностей языков могут быть сделаны в результате историческо-лингвистического анализа языковой группы в целом.

Е.В. Ягунова (Санкт-Петербург)

ПРОСОДИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И ВОСПРИЯТИЕ ТЕКСТОВ РАЗНЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ⁴⁶

Основными задачами нашей работы было выявление (1) особенностей просодической структуры синтагм текстов и (2) роли просодической структуры в процедурах распознавания. Основной акцент исследования предполагает демонстрацию того, что роль просодических структур существенным образом зависит от функционального стиля текста. Задачи решались на материале двух текстов делового и художественного функционального стилей с использованием следующих экспериментальных режимов:

- при восприятии текста в условиях зашумления при соотношении сигнал/шум 0 дБ;
- при восприятии псевдотекста (псевдо-I), полученного на основании модификации начального фрагмента ис-

⁴⁶ Работа выполнена по гранту РГНФ № 07-04-0061а.

ходного – замены всех согласных на их парадигматические аналоги (сонанты на сонанты, глухие взрывные на глухие взрывные и т.д.);

- при восприятии псевдотекста с учетом грамматики (псевдо-П), обладающего минимальной грамматической структурированностью за счет того, что предлоги и окончания слов исходного текста были оставлены неизменными;
- при восприятии монотонизированного по частоте основного тона псевдотекста (псевдо-М), обладающего большей деструктурированностью, чем псевдо-П.

1. Перцептивно значимая позиция в синтагме и фразе при восприятии текста в шуме. Полагаем, что предпочтительность начальной позиции реализуется «по умолчанию», однако коммуникативные признаки могут переориентировать процедуры восприятия [Касевич и др. 1996]. В качестве безусловно сильной позиции можно назвать лишь однословную синтагму в художественном тексте (это характерно для структурирования сюжетного художественного текста и диалога). Для делового текста несколько более значимой (лучше распознаваемой) является конечная позиция в синтагме (однако это улучшение весьма незначительно). Важным ключом для определения границ синтагм (и фраз) могут служить паузы (перерывы в фонации). Для обоих текстов в шуме в качестве такого ключа, по-видимому, выступают большие паузы, соответствующие границам фраз. Слова перед «маленькой» паузой (т.е. внутри фразы) распознаются значимо лучше, чем слова перед «большой» паузой (т.е. в конце фразы); слово после «большой» паузы (т.е. в начале фразы) распознается лучше, чем перед «большой» паузой (т.е. в конце фразы). В наибольшей степени это различие характеризует (1) не столько традиционно рассматриваемые фонетические и знаменательные слова, сколько лексемы; (2) хорошо структурированный (и синтагматически, и синтаксически) деловой текст (в отличие от художественного текста, не имеющего такой строгой синтаксической структуры). Результаты соотносятся с (1) явлением инициальной интенсивности; (2) контекстной предсказуемостью в рамках синтагмы и фразы: начало обладает минимальной, а конец –

максимальной контекстной предсказуемостью; (3) контекстной предсказуемостью в рамках текста, в зависимости от продвижения слушающего от начала к концу текста (в начальном фрагменте текста распознаваемость начального во фразе слова самая низкая, а в конечном фрагменте – самая высокая).

Результаты восприятия начального фрагмента текста в шуме демонстрируют *различное направление* улучшения разборчивости в зависимости от функционального типа текста: *от начальной к конечной* для *делового* и *от конечной к начальной* для *художественного* (различия статистически недостоверны).

2. *Собственно фонетические признаки «позиция в синтагме и фразе» при восприятии псевдотекста.* Эксперименты по восприятию псевдотекстов позволяют получить данные о восприятии текста на основании только фонетической информации (в отсутствие лексико-семантической). Предполагалось, что чем менее «структурированным» является текст (синтагматическое членение), тем менее выраженным оказывается влияние признака «позиция синтагмы» на распознаваемость текста. Однако результаты восприятия и монотонизированного псевдотекста (псевдо-М), и псевдотекста с учетом грамматики (псевдо-П) демонстрируют увеличение значимости признака «позиция в синтагме». *Перцептивно наиболее значимой* в исходном псевдотексте – псевдо-І – является *конечная* позиция; наименее значимой – срединная позиция в синтагме. Граница фразы (как начало, так и конец фразы) несколько улучшает распознавание слов для псевдо-І.

Минимальная *грамматическая* информация обеспечивает минимальную синтаксическую структурированность текста и приводит к *увеличению значимости* признаков структур синтагмы при восприятии псевдо-П: происходит *улучшение* распознаваемости для *обеих границ синтагмы*.

Отсутствие мелодической информации не ухудшает минимальную просодическую структурированность текста. В отсутствие движения основного тона влияние *начальной* позиции (левой границы) оказывается более значимым, чем влияние конечной позиции (правой границы). Подтверждается предположение о том, что наличие предшествующей слову *большой* паузы существеннее для его распознавания, чем наличие последующей паузы, т.к. *предшествующая* слову пауза *может рас-*

сматриваться как *самодостаточный пограничный сигнал*, а последующая пауза является таковым лишь в составе совокупности ключей (наряду с мелодикой). Наличие предшествующей *большой паузы* (начальная позиция во фразе) приводит к *значимому улучшению* распознаваемости слов: (1) для обоих текстов улучшение по сравнению со срединной позицией; (2) для обоих текстов по сравнению с предшествующей малой паузой (начальная позиция в синтагме).

Э.Б. Яковлева (Самара)

КОНТРАСТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СПЕЦИФИКИ СЛУХОВОГО ВОСПРИЯТИЯ ЗВУЧАЩЕГО МНОГОСТОРОННЕГО ДИСКУРСА НОСИТЕЛЯМИ РАЗНЫХ КУЛЬТУР

С целью изучения специфики восприятия звучащего дискурса носителями разных культур и выявления роли просодии в декодировании смысла воспринимаемого был проведен аудитивный эксперимент на материале спонтанного звучащего полилога с участием носителей русского и немецкого языков.

В качестве основной гипотезы выдвигалось положение о том, что просодическая составляющая звучащего полилога выполняет роль коннектора, выражая логико-семантические отношения между рекуррентными комплексами (РК) в полилогическом единстве (ПЕ). Корреляция просодических средств обеспечивает тематическую связность ПЕ и способствует адекватному декодированию смысла звучащего многостороннего дискурса. Просодическая коннекция способствует таким образом оптимизации восприятия.

Роль РК в данном исследовании выполняли маргинальные фрагменты стыковых реплик, обеспечивающие архитектуру ПЕ: конечные ритмические структуры (РС) стимулирующих и начальные РС реагирующих реплик полилога.

Основной целью **аудитивного анализа** являлось: 1) определение степени предпочтительности характеристик определенного просодического параметра, оформляющего РК, реципиентом; 2) определение оптимизирующей роли просодиче-

ских средств в смысловой рецепции звучащего спонтанного полилогического дискурса единичным и множественным адресатом с учётом двух видов обращённости в полилоге: аксиальной и ретивальной. В полилоге может иметь место как направленное, так и ненаправленное воздействие на адресата, поскольку сам адресат может быть разным: прямым, косвенным, формальным, случайным, виртуальным и т.д.

По результатам эксперимента предполагалось определить, что для носителей разных языков является общим и специфичным при смысловом восприятии спонтанного полилога.

В данном виде анализа приняли участие 3 группы аудиторов. Первую группу аудиторов составили эксперты фонетисты-германисты, носители русского языка ($n = 5$). Во вторую группу вошли русские студенты-германисты ($n = 20$), изучающие немецкий язык в качестве основного (1-го иностранного языка). Третья группа аудиторов состояла из носителей немецкого языка ($n = 5$). Степень подготовленности информантов для участия в эксперименте определялась по шкале: 1) фонетисты-германисты – высокая; 2) студенты-германисты – средняя; 3) носители немецкого языка – нулевая.

Результаты **аудитивного анализа** экспериментального материала позволили сделать следующие **выводы**.

1. При выборе характеристик *мелодического* параметра, оформляющего маргинальные фрагменты реплик, наибольшее количество предпочтений в оценках аудиторов – *носителей русского языка* отдано *ровному* (начальные РС) и *нисходящему* (конечные РС) движению тона. В группе *носителей немецкого языка* предпочтения в оценках отданы *нисходящему* (начальные РС) движению тона и почти равному соотношению всех характеристик параметра «Мелодика» (конечные РС).

Приоритетность в выборе данных характеристик мелодического параметра в группах аудиторов – носителей русского языка соответствует, с нашей точки зрения, **дидактическим** образцам интонационного оформления начала и конца реплики, уподобляемой СФЕ, представляющему собой относительно законченный в смысловом и коммуникативном отношении отрезок текста. В данном случае носители русского языка опирались не столько на свои слуховые впечатления, сколько слышали так, как должно быть в соответствии с фонетической нормой

оформления абзаца книжно-письменного текста. Оценки носителей немецкого языка образцов спонтанной речи, часто не подтверждающей фонетические каноны кодифицированной письменной речи, более естественны, поскольку по роду занятий они не являлись идентичными двум первым группам и впервые принимали участие в фонетическом эксперименте.

2. Результаты анализа *паузального* оформления маргинальных фрагментов реплик в полилогических единствах (ПЕ) свидетельствуют о том, что в полилоге количественное преимущество имеют *короткие и средние* синтаксические паузы и хезитационные периоды (ХП) (по данным всех групп аудиторов). Данная особенность темпоральной организации спонтанного полилога объясняется проявлением квантитативного фактора. Большее количество участников полилога в отличие от диалога способствует более быстрому «перехвату» инициативы говорения в паузальных промежутках, вследствие чего длительность этих промежутков значительно сокращается. Наступающие паузы «подталкивают» молчащих собеседников к вступлению в беседу. Полилог как продукт многосторонней речевой деятельности «вынуждает» коммуникантов так строить свои высказывания, чтобы вложить туда как можно больше информации. В исследованных ПЕ основная часть времени расходуется ведущим или разработчиком (-ками) темы ($\approx 70\text{--}75\%$), остальная часть времени приходится на остальных участников, которые и стремятся использовать возникающие перерывы для начала коммуникации.

3. При сравнении результатов аудиторских оценок *темповых* характеристик РК следует констатировать факт предпочтительности *средних* значений темпового параметра в группах аудиторов – *носителей русского языка*. Быстрый и очень быстрый темп отмечены ими в качестве вторичных характеристик. В группе аудиторов – *носителей немецкого языка* отмечается тенденция к предпочтению *быстрого темпа* в качестве основной временной характеристики РК.

4. Оценки *динамического* параметра в оформлении РК совпадают в 3-х группах. В качестве основной характеристики этого параметра отмечен *средний* уровень. Данная характеристика уровня интенсивности, оформляющая РК, является определяющей в перцептивно-мыслительной деятельности носителей немецкого и русского языков.

Таким образом, слуховое восприятие как многоуровневый, иерархический процесс предполагает сложный аналитико-синтетический путь обработки входного сигнала по разным параметрам: акустическим, семантико-синтаксическим, смысловым. Просодическая компонента играет в этом процессе отнюдь не последнюю роль. Просодия является тем последним «штрихом» в раскрытии смысла воспринимаемого, который, интегрируя субтемы, подтемы в единую макротему, заставляет другие уровни языка «играть красками», создавая единый дискурсивный «рисунок».

Выявленные расхождения и сходства в восприятии просодического оформления ПЕ в группах аудиторов – носителей русского и немецкого языков следует рассматривать как обусловленные национально-культурной интерференцией на уровне фиксированной стереотипной специфики слуховой перцепции носителей разных языков. С нашей точки зрения, тенденцию к предпочтительности разных значений просодических параметров носителями русского и немецкого языков можно объяснить особенностями их перцептивно-мыслительной мнемической деятельности.

С.А. Крылов (Москва)

ФОНЕТИЧЕСКОЕ СЛОВО В АСПЕКТЕ СЕМИОТИКИ⁴⁷

0. Семиотический статус фонетического слова (ФС) относится к числу тем, которым пока что не уделялось достаточного внимания в специальной литературе (исключение составляет концепция ФС санкт-петербургской школы (А.В. Венцов, В.Б. Касевич, Е.В. Ягунова). ФС выделяется на основании фонетических критериев в ряду единиц плана выражения (занимая в соответствующей иерархии место единицы, высшей по отношению к слогу и низшей по отношению к фонетической синтагме). В какой мере границы ФС соотносены с границами единиц плана содержания?

1. Все ФС характеризуются невозможностью вставки пауз внутрь ФС при возможности пауз между ними. ФС, выделяемые на этом основании (= «слова» по П.С.Кузнецову), назовём макротаками. Они бывают моноцентрическими (вклю-

⁴⁷ Работа выполнена по гранту РГНФ № 07-04-0061а.

чают 1 полноударную словоформу (СФ)) и полицентрическими (включают >1 полноударной СФ).

2.0. Рассмотрим сперва полицентрические макротакты (ПМ). Есть ли у них свойства, позволяющие считать их не просто случайными сочетаниями словоформ, но «элементарными неоднословными целостностями», то есть двусторонними единицами, обладающими некоторой степенью содержательной цельности? Такие черты есть: ПМ обладают либо лексико-семантической цельностью, либо синтаксической цельностью.

2.1. Лексико-семантическая цельность ПМ проявляется в их устойчивости и/или идиоматичности; тогда налицо фразеологизмы (в т. ч. полные или частичные идиомы).

2.2. Синтаксическая цельность ПМ проявляется в отсутствии у их компонентов самостоятельных синтаксических связей, отличных от связей ПМ в целом. Тогда налицо элементарный неоднословный член предложения – сочетание словоформ, компоненты которого не принято считать отдельными членами предложения (сложное числительные; сочетание имени с отчеством или с фамилией и т.п.).

3. Моноцентрическое фонетическое слово (мезотакт) представляет собой единство акцентно самостоятельной (полноударной) СФ с её акцентно несамостоятельными соседями (клитиками и слабуюдарными СФ). Двусторонний статус компонентов мезотакта (акцентно автономной и акцентно несамостоятельной СФ) не принято ставить под сомнение: как полноударную, так и слабуюдарную, а также и безударную СФ обычно считают двусторонней единицей (что вполне справедливо). Обладает ли мезотакт содержательной (грамматической и/или семантической) цельностью? Тот же вопрос (*mutatis mutandis*) касается микротакта (сочетания автономной СФ с клитиками).

4. Единство знаменательного слова с примыкающими к нему служебными выделяется многими учёными. Так, Ш. Балли называет такое единство «синтаксической молекулой» (СМ). Ю. С. Маслов в похожих случаях говорит о «составных» («аналитических») лексах (СЛ), или о «составных» («аналитических») СФ, хотя объём понятия СЛ не совпадает с объёмом понятия СМ: (а) СЛ выделяются не только при линейном контакте компонентов, но и при дистанцировании компонентов (напр., при разрыве предложно-падежной группы (ППГ) препозитив-

ным определением); (б) при разрыве ППГ сочетание предлога с последующим определением не трактуется как единый СЛ.

5. Тем не менее СМ обладает некоторым содержательным единством даже при разрыве ППГ. Достаточно ввести в грамматическую теорию тезис о наличии аналитических предложно-падежных форм не только у предметных слов (назывных и местоимённых), но и у признаков слов (прилагательных, числительных, адъективных местоимений, причастий). Тогда дистантная связь между предлогом (как показателем падежного значения) и предметным словом будет относиться либо к тому же, либо к более глубокому уровню анализа, нежели контактная связь предлога с признаковым словом.

6. Сказанное позволяет считать ФС двусторонней (знаковой) единицей, обладающей относительной цельностью не только в фонетическом, но и в содержательном аспекте. ФС как двусторонний знак оказывается весьма близким «ономатеме» (по Т.В. Булыгиной).

Ю.М. Ильинов (Волгоград)

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ В ВОКАЛЬНОЙ РЕЧИ

Вокальная речь – это речь, функционирующая в пении, особая разновидность голосовой активности человека, специфика которой заключается в синтетическом объединении принципов организации вербальной и музыкальной речи: звуковысотная и временная структура вокальной речи почти полностью подчинены принципам организации музыкального языка, при этом фонологический принцип организации также является ее неотъемлемым свойством. Вокальная речь может считаться как феноменом языка, так и феноменом искусства.

Изучению вокальной речи посвящено значительное количество работ, однако авторами большинства из них вплоть до последней трети XX в. являются вокалисты – исполнители и педагоги, а также ученые-физиологи, акустики, т.е. не лингвисты. В результате степень изученности вокальной речи как языкового явления недостаточна, чтобы составить целостное впечатление о ее свойствах.

Между тем изучение вокальной речи представляет большой интерес как в научном плане (позволяет установить специфические особенности одной из интереснейших фонетических подсистем современного русского литературного языка), так и в прикладном (знание основных особенностей фонетики пения может стать одним из способов совершенствования вокального мастерства).

В докладе представлены некоторые результаты экспериментально-фонетического изучения особенностей функционирования гласных фонем русского языка в вокальной речи в академической манере пения (на примере фонем /a/, /э/, /о/). Материалом исследования послужили записи трех номеров оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин», сделанные в период с 1910 по 2007 гг. Общее количество реализаций фонем – 3473 единицы. Для выделения эталонов звуков и рассмотрения ряда спорных случаев привлекался метод спектрографии (динамических сонограмм, сделанных при помощи свободно распространяемой программы Speech Analyzer 2.7).

Материал, имеющийся в нашем распоряжении, дает основания утверждать, что в вокальной речи доминируют гласные полного образования, которые появляются не только в ударных, но и в безударных слогах. Так, в безударных позициях фонема /a/ в подавляющем большинстве случаев (почти 75%, включая позицию после мягкого согласного) представлена звуком [a], фонема /о/ представлена звуком [a] примерно в 55% случаев, фонема /э/ примерно в 60% случаев представлена звуком [э].

В результате слухового анализа выявляются минимальные различия гласных полного образования в ударных и безударных слогах. Спектрограммы в целом подтверждают эту картину: гласные ударных и безударных слогов различаются длительностью, в некоторой степени – интенсивностью, однако положение формант является почти неизменным.

Очевидно, в вокальной речи создаются особые условия, в которых происходит проявление редуцированного гласного в гласный полного образования. Возможно, это связано с увеличенной длительностью гласных звуков в пении, а также наличием музыкальных ударений, которые создают фонетическую позицию, аналогичную позиции в ударном слоге, и в этом случае происходит проявление фонетического качества гласного.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е.М. Алтайская</i> (Москва). Закономерности акцентирования сочетаний предлогов с существительными в современном русском литературном языке.....	3
<i>А.Д. Андреева</i> (Москва). Особенности произношения частицы <i>не</i>	5
<i>О.В. Антонова</i> (Москва). Особенности реализации инициальной фонемы /j/ в русском языке.....	7
<i>Е.Л. Арзиани</i> (Москва). Экспериментальное исследование восприятия звуков на месте фонемы /j/ в позиции после гласного в конце слова.....	10
<i>Ю.М. Ашинская</i> (Москва). Тенденции изменения места ударения в глагольных словоформах прошедшего времени.....	12
<i>Е.Л. Бархударова</i> (Москва). Типологический анализ системы русского консонантизма в свете работы над произношением в иноязычной аудитории.....	14
<i>С.Ф. Барышева</i> (Москва). Сценическая речь как подсистема литературного произношения.....	17
<i>Т.М. Белкова</i> (Чебоксары). Фонетическая и интонационная интерференция в условиях русско-чувашского билингвизма.....	19
<i>Д.Д. Беляев</i> (Тула). Процедура фонологического анализа для русского языка.....	20
<i>Н.В. Богданова</i> (Санкт-Петербург). Аллегривые формы русской речи как источник пополнения современного лексикона ...	23
<i>Г.М. Богомазов</i> (Москва). Эволюция роли слога в детской речи в области паралингвистической и лингвистической фонетики...	27
<i>Е.М. Большевича, Е.И. Литневская</i> (Москва). К вопросу о фонетически непозиционном чередовании.....	30
<i>Е.М. Большевича</i> (Москва). Буквы в фонетической стороне языковой картины мира.....	33
<i>А.А. Бурькин</i> (Санкт-Петербург). Сколько слов с начальным <ы> в русском языке?.....	35
<i>И.А. Вежицкова</i> (Москва). Устная публичная речь 30-70-х гг. XX в. и место в ней фактов разговорной фонетики.....	38
<i>G.M. Vishnevskaya</i> (Иваново). Accentual variation in English polysyllabic words.....	40
<i>Ж.В. Ганиев</i> (Москва). С.С. Высотский и границы старомосковского произношения.....	43
<i>Ж.В. Ганиев</i> (Москва). Фонетический эксперимент и господствующая идеология.....	46
<i>С. Гжибовский</i> (Польша). Спорные вопросы польской фонологии.	48

<i>Г.Н. Гиржева</i> (Великий Новгород). Понимание фонемы в различных методологиях.....	51
<i>Ден Дзе</i> (КНР). К лингвистическим основам обучения китайцев произношению русских гласных.....	54
<i>И.Г. Добродомов</i> (Москва). Истоки и следы праславянской гортанной смычки <ʔ>.....	56
<i>К.И. Долотин</i> (Москва). Сравнительный анализ квазисегментной структуры речевых сигналов русской и китайской языковых систем.....	58
<i>В.Н. Замыслова</i> (Красноярск). Особенности функционирования орфоэпических вариантов в Красноярском крае.....	61
<i>Л.М. Захаров, О.А. Казакевич</i> (Москва). Фразовая интонация в кетской, селькупской и эвенкийской речи.....	64
<i>Л.В. Златоустова</i> (Москва). «Наступление» диалектной фонетики на орфоэпическую норму русской речи.....	67
<i>Е.А. Зобнина</i> (Санкт-Петербург). Некоторые особенности слухового восприятия иностранными студентами русских слов без опоры на написание.....	70
<i>С.В. Зотова</i> (Москва). Произношение вокализованных / невокализованных вариантов русских первообразных предлогов.....	73
<i>Л.Г. Зубкова</i> (Москва). Слог и фонема в качестве экспонентов морфемы.....	75
<i>Д.А. Иванова</i> (Москва). Еще раз о статусе аналитических прилагательных.....	78
<i>Г.Н. Иванова-Лукьянова</i> (Москва). Об интонации стихотворения В.Хлебникова «А я...».....	81
<i>Л.В. Игнаткина</i> (Санкт-Петербург). Динамика вариантности ударения в дублетных формах слов.....	82
<i>М.Р. Ильина</i> (Москва). Влияние семантики на место ударения в кратких прилагательных.....	84
<i>И.И. Исаев</i> (Москва). Особенности артикуляционной базы некоторых среднерусских говоров.....	86
<i>М.Л. Каленчук, Р.Ф. Касаткина, Л.Л. Касаткин</i> (Москва). Новый орфоэпический словарь русского языка: произношение и ударение.....	87
<i>М.Л. Каленчук</i> (Москва). О позиционном подходе к описанию произносительных явлений.....	90
<i>Л.Э. Калнынь</i> (Москва). О концепции изучения русской диалектной фонетики в трудах С.С. Высотского.....	92
<i>Д.А. Карагойшиева</i> (Казахстан). К экспериментально-фонетическому анализу казахской интонации (на материале спонтанной и подготовленной речи).....	95
<i>Л.Л. Касаткин</i> (Москва). Фонема как двусторонний языковой знак.....	97

<i>Р. Ф. Касаткина</i> (Москва). Компрессированные формы слов и фразовые позиции в русской речи.....	99
<i>Е. Ф. Кизров</i> (Москва). Основания квантовой фонологии.....	103
<i>Ю. А. Клейнер</i> (Санкт-Петербург). О реальности границ и границах супплетивизма.....	108
<i>С. В. Князев</i> (Москва). Реализация конечных безударных гласных в русском языке как показатель просодического объединения фонетических слов внутри синтагмы.....	110
<i>С. В. Кодзасов</i> (Москва). Взаимодействие сегментной и просодической фонетики в селькупском языке.....	112
<i>С. В. Кодзасов, Е. В. Щигель</i> (Москва). Исследование акустической динамики взрывных, фрикативных и сонорных согласных в русском литературном языке.....	115
<i>О. Ф. Кривнова</i> (Москва). Организация речевого дыхания при чтении текста.....	118
<i>О. А. Кузнецов</i> (Москва). Варианты реализации вокалических сочетаний в русской речи.....	120
<i>Е. В. Кузнецова</i> (Москва). Актуальные вопросы фонетики побочного ударения в русском, английском и немецком языках...	124
<i>Т. Е. Лишманова</i> (Москва). Взаимоотношения фонетики и фонологии: к вопросу о терминах.....	126
<i>И. М. Логинова</i> (Москва). Сегментные и межсегментные уклады в русской артикуляционной базе.....	129
<i>Н. Ю. Ломыкина</i> (Москва). Звучание подготовленного монолога на телевидении (В. Флярковский «Новости культуры»).....	130
<i>А. Б. Лукашенец</i> (Беларусь). Модальность высказывания и ее просодическое воплощение.....	135
<i>N. Louriz</i> (Morocco). Phonetics-phonology interface in loanword adaptation.....	138
<i>Т. М. Надеина</i> (Москва). Просодические средства как факторы речевого воздействия.....	140
<i>Т. М. Николаева</i> (Москва). Фонологизация пары *t / d в диахроническом поле славянского пространства.....	142
<i>С. Оде</i> (Нидерланды). Транскрипция русской интонации ToPI: формы и коммуникативные функции тональных акцентов.....	144
<i>О. Б. Панзыа</i> (Германия). Сегментация звучащего иноязычного текста при его восприятии.....	146
<i>О. А. Первезенцева</i> (Москва). Просодическая интерференция и интонационный акцент в процессе продуцирования и восприятия речи.....	147
<i>Р. Д. Пичугова</i> (Москва). Процесс межслоговой ассимиляции гласных в современном русском литературном языке.....	148

<i>С.К. Пожарицкая</i> (Москва). Наша орфография: фонематическая или морфематическая?.....	150
<i>М.Б. Попов</i> (Санкт-Петербург). Сегментация речевого потока на фонемы в Щербовской фонологической школе: традиции и проблемы.....	153
<i>М. Пост</i> (Норвегия). К проблеме описания интонации общего вопроса в одном севернорусском говоре.....	156
<i>О.А. Прохватилова</i> (Волгоград). О типах произнесения православных молитвословий.....	158
<i>Н.Д. Светозарова</i> (Санкт-Петербург). Сверхполный тип произнесения и его отражение в тексте художественного произведения.....	160
<i>Peter M. Skaer & Sosei Aniya</i> (Japan). Alveolar Tap Allophones in English: A Phonology-Phonetics Interface View of Consonant Lenition.....	163
<i>Е.С. Скачедубова</i> (Москва). Влияние просодических позиций на сегментную организацию сложных и сложносокращенных слов в русском литературном языке.....	165
<i>В.А. Соколянская</i> (Магадан). Проблемы выделения фонетической подсистемы заимствованных слов.....	168
<i>А.А. Соколянский</i> (Магадан). Звук речи и звук языка.....	171
<i>А.В. Тер-Аванесова</i> (Москва). Ударение <i>i</i> -глаголов и распределение двух фонем «типа <i>o</i> » в средне- и южнорусских говорах с semifонемным вокализмом.....	174
<i>Ch. Ulbrich</i> (Great Britain). Pitch patterns in L2.....	177
<i>Х.И. Уста</i> (Турция). Действует ли в синкопе закон последовательности? (на материале турецкого языка).....	179
<i>Ling Feng</i> (Hong Kong). Degree boundary in five-point scale.....	183
<i>Е.Л. Фрейдина</i> (Москва). Просодия как отражение индивидуального стиля оратора в британской академической публичной речи.....	184
<i>И. Фужерон</i> (Франция). «Сам / сама» и другие.....	185
<i>А.К. Халдоаянц</i> (Новосибирск). Просодия и информативная структура высказывания в русском языке (на материале спонтанной речи).....	188
<i>Raphaël Chiarelli & Hi-Yon Yoo</i> (France). Teaching French rhythm to Chinese learners using a multimodal pronunciation software.....	191
<i>Р.Х. Чудин</i> (Москва). Произношение отчеств в современном русском литературном языке.....	193
<i>Г.Н. Шастина</i> (Санкт-Петербург). Восприятие слов неродного языка.....	195
<i>М.А. Штудинер</i> (Москва). О двух типах долгих аффрикат в русском языке.....	198
<i>Л.А. Щербакова</i> (Москва). Гортанный смычный согласный на стыке фонетических слов между гласными.....	200

<i>Д.И. Эдельман</i> (Москва). Вторичные <i>l, r</i> в иранских языках и их историческая интерпретация.....	202
<i>Е.В. Ягунова</i> (Санкт-Петербург). Просодическая структура и восприятие текстов разных функциональных стилей.....	204
<i>Э.Б. Яковлева</i> (Самара). Контрастивное исследование специфики слухового восприятия звучащего многостороннего дискурса носителями разных культур.....	207
<i>С.А. Крылов</i> (Москва). Фонетическое слово в аспекте семиотики.	210
<i>Ю.М. Ильинов</i> (Волгоград). К вопросу о реализации гласных фонем в вокальной речи.....	212

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
119019, Москва, Волхонка, 18/2

Оригинал-макет подготовлен Д.М. Савиновым

Подписано в печать 09.09.2007. Формат 84 x 108 1/32
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 10,0.
Тираж 120 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ»
140010, Московская обл., Люберцы, Октябрьский пр-т, 403